

ОМАР ХАЙЯМ

СОВЕТСКИЙ ПЕЧАТЪ

ОМАР ХАЙЯМ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ОМАР ХАЙЯМ

РУБАИ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1986

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев, Н. М. Грибачев,
Р. Г. Гамзатов, М. А. Дудин, А. В. Западов, Е. А. Исаев, М. К. Каноат,
Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян,
Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник, А. И. Павловский, С. А. Рустам,
Н. Н. Скатов, М. Танк, М. Б. Храпченко

*

Вступительные статьи

З. Н. ВОРОЖЕЙКИНОЙ и А. Ш. ШАХВЕРДОВА

Составление и примечания

А. Ш. ШАХВЕРДОВА

Редактор *Д. М. Климова*

ОМАР ХАЙЯМ И ХАЙЯМОВСКИЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Мы — цель и высшая вершина всей вселенной,
Мы — наилучшая краса юдоли бренной,
Коль мирозданья круг есть некое кольцо,
В нем, без сомнения, мы — камень драгоценный.

Омар Хайям (перевод О. Румера)

Омар Хайям занимает первое место в ряду самых известных поэтов Востока, читаемых во всем мире. Миллионы книжечек его стихов, непрестанно переиздающихся в переводах на русский, все европейские и многие восточные языки, вот уже на протяжении столетия не могут насытить книжный рынок. Четверостишия Омара Хайяма — о смысле жизни человека, о незащищенности его перед лицом судьбы и времени, об очаровании мимолетных мгновений радости, — стихи-афоризмы, в которых каждый из читающих находит нечто свое, сокровенное и еще не высказанное, — стали общим духовным достоянием человечества.

Омар Хайям был выдающимся математиком, астрономом и философом своего времени, писавшим, как чуть ли не все образованные люди иранского средневековья, стихи; биографию Хайяма-ученого мы знаем лучше, чем биографию Хайяма-поэта.¹

* * *

Омар Хайям — полное его имя Гийас ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям — родился в 1048 году или несколькими годами раньше, в Нишапуре.

¹ В статье использованы труды советских исследователей о Хайяме: Морочник С. Б., Розенфельд Б. А., Омар Хайям. Поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад, 1957; Алиев Р. М., Османов М. Н., Омар Хайям. М., 1959; Брагинский И. С. Хайямовские четверостишия // 12 миниатюр. М., 1966. С. 147—164; Болдырев А. Н. Персидская литература с VIII по начало XX в. // Краткая история литератур Ирана, Афганистана и Турции. Курс лекций. Л., 1971. С. 29—38; Зайцев В. Н. Омар Хайям и Эдвард Фитцджеральд // Восток — Запад. Исследования. Переводы, Публикации. М., 1982. С. 113—173.

Нишапур, расположенный на востоке Ирана, в древней культурной провинции Хорасан, был, по определению историков, величайшим городом XI века. Обнесенный высокой стеной с башнями, он занимал территорию в сорок квадратных километров; согласно описаниям арабских географов, в нем было не менее пятидесяти больших улиц. Лежащий на оживленных караванных путях, Нишапур был ярмарочным городом для многих, даже отдаленных, провинций Ирана и Средней Азии и для близлежащих стран.

Население Нишапура исчислялось в несколько сот тысяч человек. Значительную его часть составляли ремесленники, объединенные в профессиональные корпорации. В городе было представлено свыше пятидесяти видов ремесла и прикладного искусства, отличавшихся высоким уровнем художественного мастерства. Средоточием общественной жизни города являлись богатые и шумные базары, их было несколько — основных и второстепенных.

Нишапур — один из главных культурных центров Ирана — был знаменит своими библиотеками; с XI века в городе действовали школы среднего и высшего типа — медресе.

В Нишапуре прошли детские и юношеские годы Омара Хайяма,

О семье Омара Хайяма сведений не сохранилось. Литературное имя поэта — Хайям, что означает «палаточник», «палаточный мастер», позволяет высказать предположение, что отец поэта — или его дед — принадлежал к ремесленным кругам. Во всяком случае, семья располагала достаточными средствами, чтобы предоставить сыну возможность многолетней серьезной учебы.

Омар Хайям учился сначала в Нишапурском медресе, имевшем в это время славу аристократического учебного заведения, готовящего крупных чиновников для государственной службы, затем продолжал образование в Балхе и Самарканде.

Он овладел широким кругом точных и естественных наук, развитых в его время: математикой, геометрией, физикой, астрономией; специально изучал философию, теософию, корановедение, историю, правоведение и весь комплекс филологических дисциплин, входящих в понятие средневековой образованности: был начитан в родной поэзии, знал в совершенстве арабский язык и арабскую литературу, владел основами стихосложения. Омар Хайям был искусен в астрологии и врачевании, профессионально изучал теорию музыки.

Он ознакомился с достижениями античной науки — трудами Архимеда, Евклида, Аристотеля, переведенными на арабский язык.

Главным направлением его научных занятий становится математика. В двадцать пять лет он делает свои первые крупные научные открытия. Математический труд «Трактат о доказательствах проблем алгебры и ал-мукабалы», написанный им в Самарканде в шестидесятилетие XI века, приносит Омару Хайяму славу выдающегося уче-

ного. Ему стали оказывать покровительство меценатствующие правители.

До нашего времени дошли интереснейшие сочинения XII века, повествующие о жизненном укладе иранских и среднеазиатских дворов эпохи Омара Хайяма. Одно из этих сочинений — «Собрание редкостей, или Четыре беседы», написанное в 1157 году поэтом Низами Арузи Самарканди, развивает мысль, что именно ученые царедворцы обеспечивают правителю прочность власти и ее великолепии. Трон держится, говорит Низами Арузи, на четырех столпах — четырех категориях придворных, это — дабир (секретарь-письмоводитель), поэт, астролог и врач. «На дабире, — поясняет он, — крепость правления, на поэте — вечная слава, на астрологе — благое устройство дел, на враче — здоровье телесное. И это — четыре тяжких дела и благородных науки из ветвей науки философии: дабирство и поэзия — из ветвей логики, астрология — ветвь математики и медицина — ветвь естествознания».

Правители XI века соперничали между собой в блеске своей свиты, переманивали друг у друга образованных царедворцев, а самые могущественные просто требовали передать к их двору прославившихся ученых и поэтов.

Научная деятельность Омара Хайяма протекала сначала в Бухаре при дворе караханидского принца Хакана Шамс ал-Мулка (1068—1079). Летописцы XI века отмечают, что бухарский правитель окружил Омара Хайяма почетом и «сажал его рядом с собой на трон».

В 1074 году Омар Хайям был приглашен на службу к царскому двору, к могущественному султану Малик-шаху (1072—1092), в город Исфахан.

1074 год стал знаменательной датой в жизни Омара Хайяма: ео начался двадцатилетний период его особенно плодотворной научной деятельности, блестящей по достигнутым результатам.

Город Исфахан был в это время столицей мощной централизованной сельджукидской державы, простиравшейся от Средиземного моря на западе до границ Китая на востоке, от Главного Кавказского хребта на севере до Персидского залива на юге.

Источники сохранили нам описание Исфахана этого времени. Расположенный в долине в окружении горных цепей, с протекавшей через город полноводной рекой Заяндеруд, Исфахан славился замечательно чистым воздухом и обилием прекрасной воды, мягким климатом и пленительной природной панорамой. Крупнейший узел международной караванной торговли, знаменитый центр ремесленного производства, Исфахан всегда был наполнен приезжими купцами, наводнявшими город диковинными товарами и свежими новостями.

Путешественники отзывались об Исфахане с восхищением. Зубчатая городская стена с двенадцатью широкими железными ворота-

ми, красивые высокие здания, величественная пятничная мечеть на центральной площади, целые кварталы оживленных базаров, множество караван-сараяв со складами товаров и гостиницами для приезжих, журчащие водотоки, ощущение простора и изобилия — таким предстал Исфахан перед Насир-и Хосровом (1004—1072 или 1077), известным поэтом, посетившим город летом 1052 года. «Во всех странах, где говорят по-персидски, — записал Насир-и Хосров в своей «Книге путешествий», — я не видел города красивее, более заселенного и более цветущего, чем Исфахан».

В эпоху султана Малик-шаха город еще расширился, украсился нарядными архитектурными сооружениями. Великолепные сады, разбитые в Исфахане в эти годы, поэты не раз воспевали в стихах. Малик-шах придал своему двору небывалое еще для иранских династий великолепие. Средневековые авторы красочно описывают роскошь дворцового убранства, пышные пиршества и городские празднества, царские забавы и охоты. При дворе Малик-шаха был огромный штат придворных: кравчих, оруженосцев, хранителей одежд, привратников, стражей и большая группа поэтов-панегиристов во главе с одним из самых крупных одописцев XI века — Муиззи (1049 — ум. между 1123 и 1127).

В годы правления султана Малик-шаха Исфахан становится животрепещущим сердцем страны, здесь рождаются и разрабатываются многие важные социально-административные и культурные реформы. Созидательная государственная деятельность и широкие просветительские преобразования, которыми отмечены эти десятилетия, характеризуются историками как период наивысшего подъема сельджукидского государства, были обязаны не султану Малик-шаху (который вряд ли владел даже элементарной грамотностью), а везиру султана Низам ал-Мулку (1018—1092), выдающемуся политическому деятелю XI века.

Низам ал-Мулк, покровительствовавший развитию науки, открыл в Исфахане, так же как и в других крупнейших городах — Багдаде, Басре, Нишапуре, Балхе, Мерве, Герате, — учебно-научные академии; по имени везира они повсеместно назывались Низамийе. Для исфаханской академии Низам ал-Мулк возвел величественное здание возле самой пятничной мечети и пригласил в Исфахан для преподавания в ней известных ученых из других городов. Исфахан, славящийся ценнейшими собраниями рукописных книг, обладающий прочными культурными традициями (достаточно упомянуть, что значительную часть своей жизни провел в Исфахане в начале XI века Абу Али ибн Сина (980—1037), гениальный Авиценна, читавший лекции в одном из исфаханских медресе), становится при Низам ал-Мулке активно действовавшим научным центром, с влиятельной группой ученых.

Омар Хайям был приглашен султаном Малик-шахом — по настоя-

нию Низам ал-Мулка— для управления дворцовой обсерваторией. Собрал у себя при дворе «лучших астрономов века», как об этом говорят источники, и выделив крупные денежные средства для приобретения самого совершенного оборудования, султан поставил перед Омаром Хайямом задачу — разработать новый календарь.

В Иране и Средней Азии в XI веке существовало одновременно две календарные системы: солнечный домусульманский зороастрийский календарь и лунный, привнесенный арабами вместе с исламизацией населения. Обе календарные системы были несовершенны. Солнечный зороастрийский год насчитывал триста шестьдесят пять дней; поправка на неучитываемые дробные части суток корректировалась только один раз в сто двадцать лет, когда ошибка выростала уже в целый месяц. Лунный же мусульманский год в 355 дней был совершенно непригоден в практике сельскохозяйственных работ.

В течение пяти лет Омар Хайям вместе с группой астрономов вели научные наблюдения в обсерватории, и к марту 1079 года ими был разработан новый календарь, отличавшийся высокой степенью точности. Этот календарь, получивший название по имени заказавшего его султана «Маликшахово летосчисление», имел в своей основе тридцатитрехлетний период, включавший восемь високосных годов; високосные годы следовали семь раз через четыре года и один раз через пять лет.

Проведенный расчет позволил временную разницу предлагаемого года по сравнению с годом тропическим, исчисляющимся в 365, 2422 дня, свести к девятнадцати секундам. Следовательно, календарь, предложенный Омаром Хайямом, был на семь секунд точнее ныне действующего григорианского календаря (разработанного в XVI веке), где годовая ошибка составляет двадцать шесть секунд. Хайямовская календарная реформа с тридцатитрехлетним периодом оценивается современными учеными как замечательное открытие. Однако она не была в свое время доведена до практического внедрения.

В долгие часы работы в обсерватории, которая была одной из лучших в мире в это время, Омар Хайям вел и другие астрономические исследования. На основании многолетних наблюдений за движением небесных тел он составил «Астрономические таблицы Маликшаха» — «Зинджи Малик-шахи». Эти таблицы были широко распространены на средневековом Востоке; до наших дней они, к сожалению, не сохранились.

Астрономия в эпоху Омара Хайяма была неразрывно связана с астрологией, последняя входила в число средневековых наук, отличавшихся особой практической необходимостью. Астролог проходил основательную подготовку, он должен был хорошо знать в качестве непременных дисциплин, как об этом пишет один из современников Омара Хайяма, геометрию, науку о свойствах чисел, космографию и

систему звездных предзнаменований, то есть искусство составления гороскопов, владеть широким кругом специальной литературы.

Омар Хайям входил в ближайшую свиту Малик-шаха, то есть в число его надимов — советчиков, наперсников и компаньонов, и, разумеется, практиковал при царствующей особе как астролог. Слава Омара Хайяма как астролога-прорицателя, наделенного особым даром ясновидения, была очень велика. Еще до появления его в Исфахане при дворе Малик-шаха знали об Омаре Хайяме как о высшем авторитете среди астрологов. Низами Арузи в упомянутом выше сочинении «Собрание редкостей, или Четыре беседы» рассказывает о том, как астрологи Малик-шаха, заподозренные султаном в сознательном искажении звездных предсказаний, умоляли послать кого-нибудь с их гороскопами в Хорасан, «к великому Омару Хайяму, — что он скажет?». Этот довод тотчас убедил султана в честности и компетентности его придворных звездочетов.

Чтобы представить себе Омара Хайяма в роли астролога, приведем один эпизод, изложенный тем же Низами Арузи; эпизод этот, правда, относится к более позднему периоду жизни Хайяма. «Зимой 1114 года в городе Мерве, — рассказывает Низами Арузи в главе «О науке о звездах и о познаниях астролога в этой науке», — султан послал человека к великому ходже Садр ад-Дин Мухаммаду ибн Музаффару — да помилует его Аллах! — с поручением: «Скажи ходже имаму Омару, пусть он определит благоприятный момент для выезда на охоту, так, чтобы в эти несколько дней не было ни дождя, ни снега. А ходжа имам Омар общался с ходжой и бывал в его доме. Ходжа послал человека, позвал его и рассказал ему о происшедшем. Омар удалился, два дня потратил на это дело и определил благоприятный момент. Сам отправился к султану и в соответствии с этим определением усадил султана на коня. И когда султан сел на коня и проехал расстояние в один петушинный крик, набежала туча, и налетел ветер, и поднялся снежный вихрь. Все засмеялись, и султан хотел уже повернуть. Ходжа имам Омар сказал: «Пусть султан успокоит сердце: туча сейчас разойдется и в эти пять дней не будет никакой влаги». Султан поехал дальше, и туча рассеялась, и в эти пять дней не было никакой влаги, и никто не видел ни облачка».

Запечатленный случай из жизни Омара Хайяма показывает, что он владел знаниями по метеорологии. Как все искусные астрологи, он должен был быть и тончайшим психологом. Рассказ Низами Арузи для нас весьма ценен, так как это — одно из немногих воспоминаний, принадлежащих человеку, лично знавшему Хайяма. Замечательны слова Низами Арузи, предваряющие эпизод с удачным предсказанием: «Хотя я был свидетелем предсказаний Доказательства Истины Омара, однако в нем самом я не видел никакой веры в предсказания по звездам. И среди великих людей никого не видел и не слышал,

кто бы доверял предсказаниям». Низами Арузи, придворный поэт, сам нередко выступавший как астролог, заключает приведенный рассказ следующим трезвым суждением: «Хотя предсказание по звездам — признанное искусство, уповать на него не следует. А астрологу надлежит далеко в этой вере не идти и каждое предсказание, кое он делает, поручать судьбе».

В Исфахане, при дворе Малик-шаха, Омар Хайям продолжает занятия математикой. В конце 1077 года он завершает геометрический труд «Трактат об истолковании трудных положений Евклида». Математические сочинения Омара Хайяма — их сохранилось до наших дней два (первое мы упоминали выше — алгебраический трактат, написанный еще в шестидесятые годы) — содержали теоретические выводы чрезвычайной важности. Впервые в истории математических дисциплин Хайям дал полную классификацию всех видов уравнений — линейных, квадратных и кубических (всего двадцать пять видов) и разработал систематическую теорию решения кубических уравнений. Именно Омару Хайяму принадлежит заслуга первой постановки вопроса о связях геометрии с алгеброй. Хайям обосновал теорию геометрического решения алгебраических уравнений, что подводило математическую науку к идее переменных величин. Книги Омара Хайяма долгие века оставались неизвестными европейским ученым, создателям новой высшей алгебры, и они были вынуждены заново пройти долгий и нелегкий путь, который за пять—шесть веков до них уже проложил Омар Хайям.

Еще один математический труд Хайяма — «Трудности арифметики» (содержание этой своей ранней работы, не дошедшей до нашего времени, Хайям излагает в алгебраическом трактате) — был посвящен методу извлечения корней любой степени из целых чисел; в основе этого метода Хайяма лежала формула, получившая впоследствии название бинома Ньютона. Также только по ссылкам, имеющимся в сочинениях Хайяма, известно, что его перу принадлежал оригинальный трактат, разрабатывающий математическую теорию музыки.

Предоставим право специалистам, изучившим упомянутые трактаты, высказать свое мнение о месте Омара Хайяма в истории математической науки: «Мы видим, что Хайяму принадлежит приоритет во многих выдающихся математических открытиях, представляющих собой существенные шаги в деле подготовки таких открытий первостепенной математической и философской важности, как открытие переменной величины и открытие неевклидовой геометрии» (Морочник С. Б., Розенфельд Б. А. Указ. соч. С. 149).

В этот исфаханский период Омар Хайям занимался также и проблемами философии, с особой тщательностью изучая огромное научное наследие Авиценны. Одно из философских сочинений Авиценны — «Обращение», посвященное некоторым вопросам учения перипатети-

ков, Омар Хайям перевел с арабского на язык фарси, проявив тем самым своего рода новаторство: роль языка науки играл в это время исключительно язык арабский. Известно, что изучал Хайям также и сочинения прославленного арабского поэта-философа Абу-л-Ала ал-Маарри (973—1057).

К 1080 году относится первый философский труд Омара Хайяма — «Трактат о бытии и долженствовании». Трактат был написан в ответ на письмо имама и судьбы Фарса, одной из южных провинций Ирана. Судья предлагал «царю философов Запада и Востока Абу-л-Фатху ибн Ибрахиму Хайяму» объяснить, как он понимает мудрость аллаха в сотворении мира и в сотворении человека и признает ли необходимость молитв. Это обращение к Хайяму идеолога ислама вышло вызвано распространившимися уже в это время антиисламскими высказываниями авторитетного ученого. Письмо имело своей целью побудить Омара Хайяма выступить с открытым признанием основных религиозных положений ислама.

В ответном трактате Омар Хайям, заявив себя учеником и последователем Авиценны, высказал свои суждения с философских позиций восточного аристотелианства. Признавая существование бога как первопричины всего сущего, Хайям утверждал, однако, что конкретный порядок явлений — не есть результат божественной мудрости, а определяется в каждом частном случае законами самой природы.

Взгляды Хайяма, заметно расходившиеся с официальной мусульманской догматикой, были изложены в трактате сдержанно и консервативно, эзоповым языком недомолвок и иносказаний. Несравненно более смело, нередко вызывающе дерзко, эти антиисламские настроения ученого находили выражение в его стихах.

* * *

Стихи Омара Хайяма... Средневековые авторы именуют Хайяма ученым, прилагая к его имени почетную научную титулатуру: Ученейший муж века, Доказательство Истины, Знаток греческой науки, Царь философов Запада и Востока, Имам Хорасана, хахим, — и ни один из ранних авторов не называет Омара Хайяма поэтом. Это не должно удивлять нас. Социальным статусом Хайяма был статус ученого, именно в этом качестве он состоял на придворной, затем на городской службе. Поэт же, согласно средневековым представлениям, был прежде всего придворный профессиональный панегирист, мастер восхвалительной оды, либо творец крупных поэтических произведений — эпических и романических поэм, опять-таки создаваемых по заказу правящих особ, либо, наконец, религиозный деятель, облачавший свои проповеди в поэтическую форму.

О том, что Омар Хайям писал стихи, мы находим свидетельства в ранних источниках. Младший современник Хайяма историк Абу-л-Хасан Бейхаки (1106—1174), также арабоязычный историк Джамал ад-Дин Йусуф Кифти (1172—1231), арабоязычный теолог Абу Бакр Наджм ад-Дин Рази (ум. 1256) упоминают об арабских стихах Хайяма и его четверостишиях на языке фарси. Сочинения этих авторов и донесли до нас самые ранние образцы поэтического творчества Омара Хайяма, сопровождаемые недвусмысленными характеристиками, как стихи вольнодумные, противоречащие важным установлениям ислама. Так, Наджм ад-Дин Рази, сокрушаясь о заблуждениях Хайяма, отмеченного, по его словам, «талантом, мудростью, остроумием и познаниями», приводит следующие его четверостишия как пример крайней степени порочных заблуждений:

Приход наш и уход загадочны; их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели.
Где круга этого начало, где конец?
Откуда мы пришли? Куда уйдем отसेле?
*(Перевод О. Румера. Ср. № 540)*¹

Жизнь сотворивши, смерть ты создал вслед за тем,
Назначил гибель ты своим созданьям всем,
Ты плохо их слепил, так кто тому виною?
А если хорошо, ломаешь их зачем?
(Перевод О. Румера. Ср. № 547)

Омар Хайям писал стихи только в одной форме персидско-таджикской классической поэзии — в виде четверостиший — рубаи. Философская лирика и гедоника были основным содержанием его стихотворений.

Доминирующая идея Хайяма-поэта — возвеличение достоинства человеческой личности, утверждение за каждым живущим на земле права на радость бытия — позволяет причислить Омара Хайяма к величайшим гуманистам прошлого.

Каждая человеческая жизнь — ценность, рожденный должен получить свою меру счастья, говорит поэт. И не в виде туманных перспектив вечного загробного блаженства, не в мистической нирване постижения божественной истины, а по-земному, сей день, в усадях здорового физического естества и увеселении духа.

¹ Здесь и далее указание на номер отсылает к основному тексту данного издания, где соответствующее четверостишие приведено в другом переводе.

Почувствуем радость в самом ощущении жизни, говорит поэт, пусть она и не всегда идет по нашему желанию:

Встанем утром и руки друг другу пожмем.
На минуту забудем о горе своем.
С наслаждением вдохнем этот утренний воздух,
Полной грудью, пока еще живы, вздохнем.

(Перевод Г. Плещеева. Стр. № 318)

Упоение жизнью! Воображение поэта рисует чаще всего такую картину земного рая: лужайка, берег ручья, нежная красавица, звуки лютни и чаша вина, когда уже неясно, что ярче — рубины губ подруги или расплавленный рубин вина, что пьянит — прелесть возлюбленной или волшебный сок виноградных лоз? «И да буду я презреннее собаки, — восклицает поэт в одном из рубаи, — если в этот миг я вспомню о рае!» Это тема многих четверостиший:

Блажен, кто на ковре сверкающего луга,
Пред кознями небес не ведая испуга,
Потягивает сок благословенных лоз
И гладит бережно душистый локон друга.

(Перевод О. Румера. Стр. № 447)

Нежным женским лицом и зеленой травой
Буду я любоваться, покуда живой.
Пил вино, пью вино и, наверное, буду
Пить вино до минуты своей роковой.

(Перевод Г. Плещеева)

Другая сцена увеселения: кабак — «храм вина», кружок близких друзей, щедрый виночерпий, не дающий пустовать чашам, и доверительная беседа за глотком вина:

Увы, от мудрости нет в нашей жизни прока,
И только круглые глупцы — любимцы рока.
Чтоб ласковой ко мне был рок, подай сюда
Кувшин мутящего наш ум хмельного сока!

(Перевод О. Румера. Стр. № 66)

А иной раз поэт — один на один с вином — самым верным наперсником, который (только он!) никогда не изменит и не покинет:

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!
Пусть без усталости хлещет из горлышка кровь.

Эта влага мне стала единственным другом,
Ибо все изменили: и друг, и любовь.

(Перевод Г. Плисецкого)

Центральный компонент этой гедонической поэзии — вино. Хайямовский образ вина — образ сложный и многомерный. Это и реальный хмельной напиток — средство отстранения от мирских забот и печалей. Легкое опьянение при этом прославляется как особое состояние просветленности разума:

Трезвый, я замыкаюсь, как в панцире краб,
Напиваясь, я делаюсь разумом слаб.
Есть мгновенье меж трезвостью и опьянением,
Это — высшая правда, и я — ее раб!

(Перевод Г. Плисецкого. Стр. № 482)

В вине — взлет души, сбросившей тягостные узы запретов и условностей:

Лучше сердце обрадовать чашей вина,
Чем скорбеть и былые хвалить времена.
Трезвый ум налагает на душу оковы,
Опьянев, разрывает оковы она.

(Перевод Г. Плисецкого. Стр. № 324)

Но чаще образ вина в хайямовских четверостишиях следует понимать расширительно, как олицетворение всех простых и доступных земных утех.

За этими «винными» стихами — не беспечное эпикурейство, воспевание чувственных наслаждений, а целая философская система поэта-ученого. В условиях господства мусульманской догматики, проповедовавшей ограничение человеческих потребностей, воздержание от мирских благ, хайямовские призывы к винопитию, запретному для мусульман, были прямым вызовом религиозной морали, протестом против физического и духовного закрепощения человека.

Дразня ханжей и святош, Омар Хайям остроумен, задорен, дерзок до крайности:

Брось молиться, неси нам вина, богомол,
Разобьем свою добрую славу об пол.
Всё равно ты судьбу за подол не ухватишь —
Ухвати хоть красавицу за подол!

(Перевод Г. Плисецкого)

В жизни трезвым я не был, и к богу на суд
В Судный день меня пьяного принесут!

До зари я лобзаю заздравную чашу,
Обнимаю за шею любезный сосуд!

(Перевод Г. Плисецкого. Ср. № 306)

Поэт бесконечно изобретателен в создании образов опьянения, эпатирующих ревнителей показного благочестия:

Напоите меня, чтоб уже не пилося,
Чтоб рубиновым цветом лицо налилось!
После смерти вином мое тело омойте,
А носилки для гроба сплетите из лоз.

(Перевод Г. Плисецкого)

Вино! Любимое, чей облик так пригож,
Тебя я буду пить, а ты мой стыд умножь!
Я выпью столько, что, меня увидев, спросят:
«Кувшин вина, скажи, откуда ты идешь?»

(Перевод А. Старостина. Ср. № 653)

Вокруг одного из самых бунтарских рубаи Омара Хайяма была создана легенда, она передается в персидско-таджикской литературной традиции как факт биографии поэта. Однажды Омар Хайям, сидя с друзьями вокруг кувшина с вином, читал стихи. Когда он прочел одно из своих богохульных рубаи, налетевший внезапно порыв ветра опрокинул кувшин, и собутыльники лишились вина. Раздосадованный Хайям тут же сложил экспромт:

Кувшин с вином душистым мне ты разбил, господь!
Дверь радости и счастья мне ты закрыл, господь!
Ты по земле, о боже, мое разлил вино...
Карай меня! Но пьяным не ты ли был, господь?

(Перевод Л. Некоры. Ср. № 635)

Бог, гласит легенда, не стерпел подобного святотатства — и лицо поэта почернело. Но и знамение божьего гнева не утихомирило Хайяма, он произносит новый экспромт:

На свете можно ли безгрешного найти? —
Нам всем заказаны безгрешные пути.
Мы худо действуем, а ты нас злом караешь:
Меж нами и тобой различья нет почти.

(Перевод О. Румера. Ср. № 252)

Хайям вышел в этом споре победителем: устыдил творца и лицо его обрело прежний вид.

Легенда возникла не на пустом месте. Во многих хайямовских четверостишиях звучит откровенное издевательство над самыми основными положениями мусульманского вероучения.

Шариат — свод мусульманских законов — предписывал строго соблюдать пост в течение «священного месяца» рамазана: с момента восхода солнца до заката не брать в рот ни крошки пищи и ни глотка воды. Поэт заявляет, что, полный желания неукоснительно соблюсти этот обряд благочестия, он постарается так напиться в конце шабана — предшествующего месяца, чтобы беспробудно проспать весь рамазан. Или: поэт горит желанием вести предписываемую шариатом «священную войну» с врагами ислама и пролить их кровь: ведь вино — враг веры и в Хайяме никогда не найдет утоления жажда истребления этого врага, он всласть уьетса его кровью!

Насмехается поэт и над явной логической несообразностью мусульманского учения о рае. Если праведникам — за отказ от земных чувственных удовольствий — будут наградой все улады эдема с его зелеными кущами, дивным источником, девами-гуриями, песнопениями и сладким питием, то так ли уж мы погрешим против творца, если на земле, готовя себя к небесному бытию, не вкусим того же?

Нам с гуриями рай сулят на свете том
И чаши, полные пурпуровым вином.
Красавиц и вина бежать на свете этом
Разумно ль, если к ним мы всё равно придем?

(Перевод О. Румера. Ср. № 163)

Поэт готов отдать все обещаемые ему блаженстварая (да и будет ли он?) за простую «наличность» земной благодати: нет ли кого, спрашивает поэт, желающего совершить такую сделку? — я-то в проигрыше не буду!

Бесконечно варьирующаяся в хайямовских четверостишиях тема земных удовольствий имела один общий философский исток — неверие в загробную жизнь. Призыв «лови мгновение!», то есть «осознай цену времени!», звучит в целой серии стихотворных афоризмов:

Жизнь — мираж. Тем не менее — радостным будь,
В страсти и в опьянении — радостным будь.
Ты мгновение жил, и тебя уже нету,
Но хотя бы мгновение — радостным будь!

(Перевод Г. Плисецкого. Ср. № 622)

Дай мне влаги хмельной, укрепляющей дух,
Пусть я пьяным наполнился и взор мой потух —

Дай мне чашу вина! Ибо мир этот — сказка,
Ибо жизнь — словно ветер, а мы — словно пух...
(Перевод Г. Плесецкого)

Прочь мысли все о том, что мало дал нам свет
И нужно ли бежать за наслаждением вслед?
Подай вина скорей! Скорей, ведь я не знаю,
Успею ль, что вдохнул, я выдохнуть иль нет?
(Перевод О. Румера. Ср. № 206)

Поэт ощущает реальность лишь одного — переживаемого — мгновения, и одного — сегодняшнего — дня. В основе этого ощущения осознанный Хайямом трагизм быстротечности и невозвратности жизни, незаметно истекающей с каждым мигом, «как меж пальцев песок». И поэт снова и снова утверждает беспредельную самоценность этой «данной напрокат» жизни, малой меры времени, отпущенной человеку, рядом с которой богатство и власть — ничто:

Хорошо, если платье твое без прорех,
И о хлебе насущном подумать не грех,
А всего остального и даром не надо —
Жизнь дороже богатства и почестей всех.
(Перевод Г. Плесецкого. Ср. № 671)

В центр своей философской системы Хайям-поэт поставил мыслящего человека, чуждого любым иллюзиям и все же умеющего радоваться жизни, человека земного, со, всеми его сложностями и противоречиями:

Мы — источник веселья и скорби рудник,
Мы — вместилище скверны и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, — многолик,
Он ничтожен — и он же безмерно велик!
(Перевод Г. Плесецкого)

* * *

Время, когда творил Омар Хайям, исследователи называют золотым веком классической персидско-таджикской литературы.

Поэзия на языке фарси-дари ¹ (этим термином, более точным, чем

¹ Четко и полно содержание этого термина раскрыто А. Н. Болдыревым (указ. соч. С. 21—22): в основу языка фарси-дари легла народно-разговорная речь Хорасана, где антиарабское освободительное движение было самым сильным. Поскольку новый литературный язык, носивший название «фарси», стал применяться в придворной

«новоперсидский», специалисты обозначают язык общей персидско-таджикской письменной культуры классического периода) развивалась в XI веке на обширной территории — в Средней Азии, Иране, Закавказье, в Северной Индии.

Зародившись в начале IX века, когда арабский язык утратил свои позиции обязательного государственного языка для неарабского населения Средней Азии и Ирана, поэзия на фарси-дари в короткий исторический срок достигла поразительного расцвета. В сложном синтезе арабоязычных литературных канонов и доисламских древнеиранских традиций складывается персидско-таджикское поэтическое искусство. Эпоха порождает литературных гениев — они и олицетворили два главных направления в развитии литературного процесса: лирическое, ведущее свое начало от Рудаки (ум. 940), и эпическое, вершиной которого было творчество Фирдоуси (934 — ум. между 1020—1030). Уже в X веке кристаллизуется эстетическая концепция персидско-таджикской поэтической культуры.

Ее отличительными чертами в эти первые века существования были: жизнерадостный тон, яркая праздничность образов, простота и ясность поэтической идеи, развитие любовно-эротической лирики и панегирической словесной живописи, популярность повествовательных и дидактических жанров.

Интересная попытка дать развернутую характеристику стиля персидско-таджикской поэзии IX—X веков сделана в книге М.-Н. Османова «Стиль персидско-таджикской поэзии IX—X вв.» (М., 1974). Устанавливая тип поэзии этого периода как пересоздающий, а метод — реалистический, исследователь выделяет такие важные признаки стиля, как преобладание монументализма над миниатюрностью и орнаментальностью, движение от динамики к статике, перевес субъективного над объективным, равное развитие как функциональности, так и зрительности в системе образных средств, усиление позиций условности и создание набора поэтических символов. Эстетический анализ текстов позволяет исследователю сделать и такие тонкие наблюдения, как преобладание симметрии в структуре текстов малых масштабов, асимметрии — в текстах больших масштабов, широкое распространение оппозиций. Весьма важный для характеристики стиля вопрос о соотношении общего и единичного решается применительно к изучаемой поэзии следующим образом: при безраздельном господстве общего в панегирике, элементы единичного в любовной лирике и преобладание единичного в пейзаже.

Особо следует отметить как ведущую черту литературной эпохи высочайший уровень техники версификации.

панегирической поэзии, к нему был присоединен эпитет «дари», в целом это означает: «тот язык фарси, на котором пишут при государственном дворе».

Классическая персидско-таджикская поэзия развивалась на основе квантитативной просодии (чередование долгих и кратких гласных звуков, организованных в трех- и четырехслоговые стопы), с двумя основными способами рифмовки: моноримом в лирике, в поэзии малых форм, и парной рифмой — в произведениях эпических. Рифма часто усиливалась и усложнялась редифом — сквозным повтором слова или группы слов, следующих после рифмы. Единицей стиха стал бейт — двустишие; одним из важнейших требований, сформулированных раннеклассической теорией литературы, была логическая замкнутость и художественная самоценность каждого двустишия в стихотворном произведении.

В лирике, в малых поэтических текстах, с X века определился следующий набор стиховых форм. Касыда — монорим с первым парнорифмующимся бейтом — матла, размером от 20 до 180 двустиший, — торжественная ода, парадное стихотворение; кыта — укороченная касыда, без матла, от 2 до 40 бейтов, с широким кругом тем; газель — легкое напевное любовно-лирическое стихотворение, повторяющее рифмовку касыды, но короткое — в 7—12 двустиший; рубаи — четверостишие. Эти четыре основные стиховые формы поэты изредка дополняли еще двумя: строфической разновидностью касыды — тарджибандом и единичным бейтом, заключающим краткую поэтическую сентенцию, — фардом.

Ранние классики персидско-таджикской литературы — Рудаки, Фаррухи (ум. 1037), Унсури (960—1040), Манучехри (1000—1041), Насир-и Хосров и другие уже в X — первой половине XI века создали высокие художественные эталоны этих жанровых форм, однако все перечисленные малые лирические жанры продолжали свое интенсивное развитие. Принято считать, что самым блестящим мастером классической касыды стал поэт XII века Анвари (ум. 1180 или 1188); газель завершила генезис своего жанрового становления еще позже — в поэзии Саади (ум. 1292) и Хафиза (ум. 1389). Рубаи — четверостишие — достигло пика своего развития в творчестве Омара Хайяма.

Рубаи занимает особое место в системе жанров персидско-таджикской классики. Если касыда, газель и кыта перешли в поэзию на фарси-дари из арабской литературы (вспомним о длительном периоде арабоязычного поэтического творчества неарабских народов Средней Азии и Ирана и о долгих веках литературного двуязычия!), то рубаи пришло в письменную поэзию из исконно иранского песенного фольклора.

Первым, кто ввел четверостишие в письменную поэзию на фарси-дари, был Рудаки; в его литературном наследии, сохранившемся лишь в малой части, мы находим несколько десятков рубаи. К середине XI века стиховая форма рубаи широко распространилась в поэзии суфизма — религиозно-мистического течения, направленного про-

тив ортодоксального ислама и выражавшего идеологию городского населения. Доходчивая эмоциональная форма четверостишия была искусно использована суфиями в их религиозно-дидактических обращениях к широким слоям населения. Так, собрание стихотворений Баба Тахира (1000—1055) насчитывает около четырехсот четверостиший, шейху Абу Саиду Абу-л-Хайру (967—1049) приписывается свыше семисот рубаи.

Вместе с тем в творчестве светских поэтов этого времени рубаи продолжает оставаться еще редкой стиховой формой. Мало писали четверостиший крупнейшие лирики первой половины XI века, судя по сохранившимся текстам их диванов: у Унсури мы видим двадцать рубаи, у Фаррухи — тридцать пять, в диване Манучехри четверостиший всего семь.

Можно предположить, что в глазах литературных предшественников Омара Хайяма рубаи продолжало оставаться малопrestижным видом стихотворения, изящным летучим речением, своего рода литературной безделкой. Четверостишия, несомненно, создавались и широко бытовали в изустной форме, но, не поднявшись еще до ранга высокой литературы, редко фиксировались в диванах. В традиционной структуре дивана каждой из жанровых форм было отведено свое место, — рубаи всегда помещались в конце дивана.

Одним из первых авторов, кто ввел рубаи в состав придворной панегирической поэзии, был Муиззи Нишапури — поэт, служивший в одно время с Хайямом при дворе Малик-шаха.

Непритязательный любовно-лирический куплет, каким рубаи вошло в письменную литературу в X веке, усложненный религиозно-мистической символикой в творчестве суфиев, персидско-таджикское четверостишие трансформировалось гением Омара Хайяма в блистательный жанр философско-афористической, эпиграмматической поэзии. Лапидарная форма рубаи — двухбейтового стихотворения, текст которого не превышает 48—50 слогов, — обрела в творчестве Омара Хайяма удивительную емкость. В изящных кубиках хайямовских рубаи спрессована мощная художественная энергия. В строках его, как в зерне, заключены глубокие философские рассуждения. Многие из четверостиший построены как маленькая драма: коллизия в экспозиции — кульминация — развязка.

Добавим к сказанному, что все персидско-таджикские рубаи пишутся единым стихотворным размером (имеющим варианты), приведем его основную схему: — — ∪/∪ — — ∪/∪ — — ∪/∪ — — то есть: долгий — долгий — краткий и т. д. Этот ритмический рисунок, отсутствующий в арабской просодии, применяется в персидско-таджикской поэзии исключительно для рубаи. Обязательная схема рифмовки а-а-б-а: соответственно этой рифмовке классическое четверостишие

строится по принципу логического трехчлена; разновидность рифмовки а-а-а почтается менее искусной.

В литературном бытовании — при устном исполнении (рубаи пелись одно за другим, разделяемые паузой) или при объединении в сборники — проявлялось еще одно свойство этого вида стихотворения: четверостишия звучат как строфы одной песни — поэтические идеи и образы получают развитие от куплета к куплету, иногда, контрастируя, они образуют парадоксы. В контексте произвольно подбираемых циклов умножается художественная информативность каждого из рубаи.

* * *

Четверостишия гедонического характера, о которых мы говорили выше, были созданы Омаром Хайямом, по предположению его биографов, в Исфахане, в пору расцвета его научного творчества и жизненного благополучия.

Двадцатилетний относительно спокойный период жизни Омара Хайяма при дворе Малик-шаха оборвался в конце 1092 года, когда при невыясненных обстоятельствах скончался султан Малик-шах; за месяц до этого был убит Низам ал-Мулк. Смерть этих двух покровителей Омара Хайяма средневековые источники приписывали исмаилитам.

Исфахан — наряду с Реем — был в это время одним из главных центров исмаилизма — религиозного антифеодального течения в мусульманских странах. В конце XI века исмаилиты развернули активную террористическую деятельность против господствовавшей тюркской феодальной знати. Хасан ас-Саббах (1054—1124) — вождь и идеолог исмаилитского движения в Иране, с юных лет был тесно связан с Исфаханом. Источники засвидетельствовали посещение Исфахана Хасан ас-Саббахом в мае 1081 года. Таинственны и страшны рассказы о жизни Исфахана в это время, когда развернули свою деятельность исмаилиты (в Европе их называли ассасинами), с их тактикой мистификаций, переодеваний и перевоплощений, заманивания жертв, тайных убийств и хитроумных ловушек. Так, Низам ал-Мулк, как повествуют источники, был зарезан исмаилитом, проникшим к нему под личиной дервиша — странствующего мусульманского монаха, а Малик-шах тайно отравлен.

В начале девяностых годов исмаилиты подожгли исфаханскую пятничную мечеть, пожар уничтожил хранящуюся при мечети библиотеку.

После смерти Малик-шаха исмаилиты терроризировали исфаханскую знать. Страх перед тайными убийцами, наводнившими город, порождал подозрения, доносы и расправы.

Положение Омара Хайяма при дворе Туркан-хатун, вдовы Малик-шаха, ставшей фактической правительницей, пошатнулось. Туркан-хатун, не жаловавшая Низам ал-Мулка, не испытывала доверия и к близким к нему людям. Омар Хайям продолжал еще некоторое время работать в обсерватории, однако уже не получал ни поддержки, ни прежнего содержания. Одновременно он исполнял при Туркан-хатун обязанности астролога и врача. Хрестоматийным стал рассказ об эпизоде, связанном с полным крушением придворной карьеры Омара Хайяма, — некоторые биографы относят его к 1097 году. Болел ветряной оспой младший сын Малик-шаха Санджар, и лечивший его Омар Хайям имел неосторожность высказать сомнения в жизнеспособности одиннадцатилетнего мальчика. Слова, сказанные везиру, были подслушаны слугой и доведены до ушей больного наследника. Санджар, ставший впоследствии султаном, правившим сельджукидским государством с 1118 по 1157 год, на всю жизнь затаил неприязнь к Омару Хайяму.

Исфахан после смерти Малик-шаха вскоре потерял свое положение царской резиденции и главного научного центра, обсерватория пришла в запустение и была закрыта, столица вновь была перенесена в Хорасан, в город Мерв.

Омар Хайям навсегда оставляет двор и возвращается в Нишапур.

В Нишапуре Омар Хайям прожил до последних дней жизни, лишь по временам покидая его для посещения Бухары или Балха и еще раз — ради длительного путешествия — паломничества в Мекку к мусульманским святыням. Хайям вел преподавание в Нишапурском медресе, имел небольшую круг близких учеников, изредка принимал искавших встречи с ним ученых и философов, участвовал в научных диспутах. Продолжая исследования в области точных наук, он пишет в эти годы физический трактат «Об искусстве определения количества золота и серебра в сплавах из них». Трактат этот, как его оценивают специалисты в наши дни, имел для своего времени большое научное и практическое значение.

К Хайяму, как к искусному астрологу, продолжают время от времени обращаться местные вельможи и даже султан — именно в этот период, зимою 1114 года в Мерве, и имел место описанный Низами Арузи эпизод точного метеорологического прогноза Хайяма. Садр ад-Дин Мухаммад ибн Музаффар, обратившийся к Хайяму от имени султана с просьбой выбрать благоприятный день для выезда на охоту, был внуком Низам ал-Мулка, великим везиром султана Санджара.

Сохранились свидетельства всего двух человек, лично знавших Омара Хайяма. Оба они — его младшие современники: писатель и поэт Низами Арузи Самарканди (род. в девяностые годы XI века) а

историк Абу-л-Хасан Али Бейхаки. Встречи, о которых упоминают эти известные авторы XII века, относятся к нишапурскому периоду жизни Хайяма, к годам его старости. Низами Арузи близко общался с Хайямом и причислял себя к его ученикам и восторженным последователям. Вспоминая о встречах в Балхе в 1112—1114 годах, Низами Арузи с величайшим пиэтетом именует Хайяма титулом «Доказательство Истины», тем более почетным, что именно этим ученым прозвищем был награжден средневековыми авторами Авиценна.

Абу-л-Хасан Али Бейхаки, хорасанец по происхождению, вспоминает, как подростком он впервые увидел Омара Хайяма. Называя его уважительно «имам», то есть «духовный вождь», Бейхаки пишет: «Я вошел к имаму Омару Хайяму для службы ему в 1113 году, и он, милосердие Аллаха над ним, попросил меня истолковать одно из эпических двестиштий... затем он спросил меня о видах линий дуг. Я сказал: видов линий дуг четыре, среди них окружность круга и дуга больше полукруга».

Бейхаки упоминает ниже о резкости Омара Хайяма и его замкнутости, а также с восхищением говорит о нем как о человеке, обладающем феноменальной памятью и необычайно широкой научной эрудицией. Вот один из этих коротких рассказов Бейхаки: «Однажды в Исфахане он внимательно прочел одну книгу семь раз подряд и запомнил ее наизусть, а возвратившись в Нишапур, он продиктовал ее, и, когда сравнили это с подлинником, между ними не нашли большой разницы». По-видимому, именно такие отзывы об Омаре Хайяме были распространены в XII веке. Любопытно и еще одно суждение современников о Хайяме, нашедшее отражение у Бейхаки: «Он был скуп в сочинении книг и преподавании».

В этом кратком высказывании — трагическая коллизия научной судьбы Омара Хайяма — выдающегося ученого средневековья. Свои блестящие знания, намного опередившие его эпоху, замечательный мыслитель Востока лишь в малой доле смог изложить в сочинениях и передать ученикам. Чтобы судить о том, сколь нелегка была вообще участь средневекового ученого, мы располагаем свидетельством самого Омара Хайяма. В предисловии к алгебраическому трактату, написанному еще в молодые годы, Хайям отдает горькую дань памяти погибших на его глазах светочей мысли и говорит о почти неизбежной альтернативе, стоящей перед ученым его времени: либо путь нечестного приспособления, либо путь поругания. Приведем доподлинные слова Омара Хайяма: «Я не мог подобающим образом ни приложить моих стараний к работе подобного рода, ни посвятить ей длительного размышления, так как мне сильно мешали невзгоды общественной жизни. Мы были свидетелями гибели людей науки, число которых сведено сейчас к незначительной кучке, настолько же малой, насколько велики ее бедствия, на которую суровая судьба

возложила большую обязанность посвятить себя в эти тяжелые времена усовершенствованию науки и научным исследованиям. Но большинство тех, которые в настоящее время имеют вид ученых, передевают истину в ложь, не выходят из границ обмана и бахвальства, заставляя служить знания, которыми они обладают, корыстным и недобрым целям. А если встречается человек, достойный по своим изысканиям истины и любви к справедливости, который стремится отбросить суетность и ложь, оставить хвастовство и обман, — то он делается предметом насмешки и ненависти».

Поздний период жизни Омара Хайяма был чрезвычайно труден, сопряжен с лишениями и тоской, порожденной духовным одиночеством. К славе Хайяма как выдающегося математика и астронома прибавилась в эти нишапурские годы крамольная слава вольнодумца и вероотступника. Философские взгляды Хайяма вызывали злобное раздражение ревнителей ислама.

Научно-философское наследие Омара Хайяма невелико. В отличие от своего учителя Авиценны, Хайям не дал целостной, разработанной им философской системы. Трактаты Хайяма затрагивают лишь отдельные, правда из числа важнейших, вопросы философии. Некоторые из сочинений были написаны, как и упомянутый выше первый философский трактат, в ответ на просьбу отдельных духовных или светских лиц.

До нашего времени сохранилось пять философских сочинений Хайяма. Кроме «Трактата о бытии и долженствовании» еще «Ответ на три вопроса: необходимость противоречия в мире, детерминизм и вечность», «Свет разума о предмете всеобщей науки», «Трактат о существовании» и «Книга по требованию (Обо всем сущем)». Все они кратки, лаконичны, занимают иногда всего несколько страниц.

В современных исследованиях по истории науки философские положения Омара Хайяма отождествляются с учением Авиценны, которое определяется специалистами как средневековое восточное аристотелианство. Хайям воспроизводит ту же модель мироздания, как она обрисована в знаменитой философской энциклопедии Авиценны «Книга исцеления». Эта картина мира, принятая в свое время западноевропейской христианской схоластикой, нашла отражение в общих чертах в «Божественной комедии» итальянского поэта Данте Алигьери (1265—1321).

Элементы неоплатонизма в сочетании с положениями неопифагорийской мистики чисел, утверждение несомненной реальности внешнего мира и признание всеобщей причинной связи между явлениями природы, отрицание возможности существования мира идей вне мира вещей, проблема происхождения зла и проблема абсолютной предопределенности, учение о субстанциях (предметом научного по-

знания Хайям при этом признает субстанцию сложную, иными словами — материальную основу) — все эти идеи Хайяма шли вразрез с мусульманской ортодоксией.

Ограниченный рамками своего времени, Хайям, как и его великий предшественник Авиценна, оставался на идеалистических позициях, но в решении отдельных проблем философии взгляды Хайяма содержали несомненные элементы материалистического мировоззрения. В этом, по утверждению специалистов, Омар Хайям сделал значительный шаг вперед по сравнению с Авиценной. Средневековые теологи уже с XIII века причисляли Хайяма к материалистической школе «натуралистов». В философских концепциях Хайяма есть также отдельные гениальные диалектические догадки.

Специалисты, занимавшиеся изучением мировоззрения Омара Хайяма, находят много общих положений в его научно-философских трактатах и в его четверостишиях. Однако исследователи единодушны: научно-передовое, независимое, бунтарское умунастроение поэта-мыслителя проявилось в его стихах ярче и определенной, чем в его философских сочинениях.

Так, например, вопросы о детерминизме и истоках царящего в мире зла, поставленные Омаром Хайямом в трактатах, вопросы, расшатывающие одну из главнейших догм ислама — монотеизм, в стихах Хайяма подчеркнута заострены. Хайям-поэт вскрывает вопиющие логические противоречия в самом понятии «бог».

Бог — абсолютный разум и высшая справедливость? Почему же так неразумно устроен мир, так жесток с его постоянными бедами? Почему столь хрупко и непрочно самое совершенное из творений бога — человек, приговоренный со дня своего рождения к смерти? Гончар, разбивающий свои творения, — неискусный или безумный? — вот какое олицетворение находит Хайям богу:

Изваял эту чашу искусный резец
Не затем, чтоб разбил ее пьяный глупец.
Сколько светлых голов и прекрасных сердец
Между тем разбивает напрасно творец.

(Перевод Г. Плисецкого. Ст. № 443)

Поэт не находит оправдания этой бессмысленной жестокости:

Вразуми, всемогущее небо, невежд,
Где уток, где основа всех наших надежд?
Сколько пламенных душ без остатка сгорело!
Где же дым? Где же смысл? Оправдание — где ж?

(Перевод Г. Плисецкого)

Важнейшим принципом ислама является догмат о божественном предопределении. Если так, спрашивает поэт, то должен ли человек

нести ответственность за свои поступки? Исходя из простой житейской логики, у бога нет права карать человека за прегрешения — кто как не бог и предопределил слабость и греховность человеческой природы?

Глину мою замесил мой творец, что я поделать могу?
Пряжу он выпрял и ткань мою сшил, что я поделать могу?
Зло ли вершу я, творю ли добро — всё, что ни делаю я,
Всё за меня он давно предрешил, — что я поделать могу?

(Перевод А. Старостина. Ср. № 298)

И кто, спрашивает Хайям, как не бог окружил человека со всех сторон ловушками соблазнов? Следовательно, бог и есть коварный искуситель и первопричина грехопадений. С него и должен быть спрос:

Мир — свирепый ловец — к западне и приманке прибег,
Дичь поймал в западню и ее «человеком» нарек.
В жизни зло и добро от него одного происходят.
Почему же зовется причиною зла человек?

(Перевод В. Державина. Ср. № 143)

«Всеблагой и всемилостивый» — главные эпитеты бога в исламе. Но если одно из основных свойств бога — милосердие, — задает вопрос поэт, — то как же он сможет проявить свое милосердие, если в мире не будет грешников? Если ты всеблаг и всемилостив, творец, то и прости нас, погрешивших против тебя:

О боже! Милосердьем ты велик!
За что ж из рая изгнан бунтовщик?
Нет милости — прощать рабов покорных, —
Прости меня, чей бунтом полон крик!

(Перевод В. Державина. Ср. № 464)

Хайям высмеивает самую идею высшей справедливости творца. Где она, справедливость? Достаточно оглядеться кругом, чтобы понять: мир устроен как раз наоборот: дураки и подлецы ни за что получают в дар от неба роскошные дворцы, а достойный идет в кабалу из-за куска хлеба. Если это называется справедливостью, то «Мне плевать на твою справедливость, творец!» — так энергично кончает Омар Хайям одно из своих рубаи.

Богоборческие идеи в четверостишиях Хайяма выражены чрезвычайно смело. Строки стихов — прямой суд над творцом, на нем одном вся вина за вопиющее несовершенство мира:

Свода небесного вращатель — господь,
Жизни и смерти податель — господь.

Плох я... Но ведь мой обладатель господь!
Я, что ли, грешен? Мой создатель — господь!
(Перевод С. Кашеварова. Ср. № 665)

Остро, гротескно высмеивает поэт бессмысленность мусульманской обрядности — если бог вездесущ и всеведущ, надо ли надоедать ему без конца молитвами? Реалии религиозного культа, впрочем, могут и сослужить свою полезную службу мусульманину: чалма и четки пригодятся, чтобы заложить их в кабаке за чашу вина, как сказано в одном из рубаи; в мечеть же можно изредка заглянуть, признается поэт в другом стихотворении, хотя бы для того, чтобы стащить новый молитвенный коврик. И вот — рубаи, где соседствуют Коран и винная чаша; и как же рьяно, не отрываясь, читают мусульмане — нет, не стихи Корана! — стих, опоясывающий чашу:

Благоговейно чтят везде стихи Корана,
Но как читают их? Не часто и не рьяно.
Тебя ж, сверкающий вдоль края кубка стих,
Читают вечером, и днем, и утром рано.
(Перевод О. Румера)

Приведем еще два известных хайямовских рубаи, где протест против духовного закрепощения человека выражен особенно сильно. Все религии, не только ислам, утверждает поэт, рабство:

Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе,
Трезвон колоколов — язык смиренья рабий.
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.
(Перевод О. Румера)

И прямой бунт против творца, против существующего мироустройства:

Когда б я властен был над этим небом злым,
Я б сокрушил его и заменил другим,
Чтоб не было преград стремленьям благородным
И человек мог жить, тоскою не томим.
(Перевод О. Румера. Ср. № 371)

К такого рода стихам — как, впрочем, ко многим рубаи Хайяма — как нельзя более подходит меткое определение, принадлежащее одному из наших современных писателей: «Афоризмы, убедительные, как выстрелы». Очевидно, именно такого рода четверостишия имел в виду историк Кифти, когда написал, что стихи Омара Хайяма «содержали в глубине змей для всего шариата в виде множества все-

охватывающих: вопросов». Продолжая свою характеристику Хайяма-поэта, Кифти заключает: «Он порицал людей своего времени за их религию». Четверостишия Омар Хайям писал для себя и небольшого круга друзей и учеников, отнюдь не стремясь сделать их общим достоянием. Однако эти крылатые поэтические речения приобретали широкую гласность — именно так можно понять высказывания, которые мы находим у того же Кифти, что «современники очернили веру его и вывели наружу те тайны, которые он скрывал».

Нападая на творца, Омар Хайям обличал и духовенство — и здесь его обычная насмешливость уступала место неприкрытой злости. Ревнителю мусульманского благочестия, с их показной святостью, говорит поэт, это ненасытные кровопийцы, рядом с которыми запойный пьяница — праведник:

Хоть я и пьяница, о муфтий городской,
Степенен всё же я в сравнении с тобой:
Ты кровь людей сосешь, я — лоз. Кто кровожадней:
Я или ты? Скажи, не покриви душой!

(Перевод О. Румера. Ср. № 326)

Столкновения с духовенством приняли столь опасный для Омара Хайяма характер, что он вынужден был, в уже немолодые годы, совершить долгий и трудный путь паломничества в Мекку. Источники так и пишут: «убоявшись за свою кровь», «по причине боязни, а не по причине богобоязни».

По возвращении из хаджа Омар Хайям поселился в уединенном доме в деревушке под Нишапуром. По словам средневековых биографов, он не был женат и не имел детей. Хайям жил замкнуто, испытывая чувство постоянной опасности из-за непрекращающихся преследований и подозрений. К этому периоду жизни Хайяма относится его стихотворение, написанное на арабском языке в форме кыта. Строки этих стихов позволяют нам представить душевное состояние поэта в старости:

Доволен пищей я, и грубой и простою,
Но и ее добыть могу я лишь с трудом.
Всё преходяще, всё случайно предо мною,
Давно нет встреч, давно уж пуст мой дом.
Решили небеса в своем круговращеньи
Светила добрые все злыми заменить.
Но нет, душа моя, в словах имей терпенье,
Иль головы седой тебе не сохранить.

(Перевод Б. Розенфельда)

Приведем еще один эпизод из жизни Омара Хайяма, запечатленный географом XIII века Закарийа Казвини; в рассказе проглядыва-

вают живые черты поэта и самый образ его жизни среди горожан. Один из факихов Нишапура — знатоков мусульманского права — публично поносил Омара Хайяма, однако по утрам приходил к нему, не упуская случая присоединиться к числу учеников. Хайям собрал у себя однажды утром трубачей и барабанщиков. Как только факих пришел по обыкновению на занятия, Омар Хайям подал знак трубить и бить в барабаны. К собравшимся на улице горожанам Хайям обратился со следующими словами: «Внимание, о жители Нишапура! Вот вам ваш ученый. Он ежедневно в это время приходит ко мне и постигает у меня науку, а среди вас говорит обо мне так, как вы знаете. Если я действительно таков, как он говорит, то зачем он замисливает у меня знания? Если же нет, то зачем поносит своего учителя?»

Время, отмеченное всеилием фанатичного духовенства, принуждало выдающегося мыслителя к молчанию. Поэт должен хранить в глубине сердца тайны своего знания, как море хранит в створках раковины жемчужину, — таково содержание одного из рубаи. И вот другое, с той же мыслью:

То не моя вина, что наложить печать
Я должен на свою заветную тетрадь:
Мне чернь ученая достаточно знакома,
Чтоб тайн своей души пред ней не разглашать.
(Перевод О. Румера. Ср. № 541)

«Притворись дураком и не спорь с дураками, — советует себе поэт, — каждый, кто не дурак, вольнодумец и враг». «Он обуздал свои речи и перо», — пишут о старом Хайяме средневековые источники.

В стихах находила выражение напряженная внутренняя жизнь ума и души Омара Хайяма. Можно предположить, что в эти поздние годы одиночества были написаны многие его философские стихи, поднимающие извечные вопросы, стоящие перед людьми: что есть человек? Откуда мы пришли? Куда уйдем? Какой смысл скрыт в нашем кратком земном существовании?

Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь. А пешки? Мы с тобой.
Подвигают, притиснут — и побьют,
И в темный ящик сунут на покой.
(Перевод Л. Некоры. Ср. № 228)

И непостижимая загадка этого движущегося мира: где его начало, где конец?

Творенья океан из мглы возник,
Но кто же до глубин его постиг

И жемчугу подобными словами
Изобразил непостижимый лик?
(Перевод Ц. Бану)

В четверостишиях Омара Хайяма — неодолимый для человеческой души протест против смерти. Хайям-ученый и в старости не обольщался иллюзиями о грядущем воскресении из мертвых, внушаемых религией мусульманам. Стихи формулируют жестокий закон природы, неизбежно обрекающий все живое на превращение в прах:

И тот, кто молод, и тот, кто сед,
Из мира все уйдут друг другу вслед.
А царство мира всё ничье, как прежде!
Кто был — ушел; придут — и вновь их нет.
(Перевод А. Старостина. Ср. № 101)

Не будь этой вечной смены поколений, говорит поэт в другом стихотворении, наш черед земной жизни никогда бы не пришел. Обращаясь к предполагаемому собеседнику, Хайям утешает: примиримся с мыслью, что живая душа нам дана на подержание, и вернем ее в положенный срок, когда минует череда отведенных нам дней, каждого из которых так мучительно жаль:

Ты знаешь, почему в передрасветный час
Петух свой скорбный клич бросает столько раз?
Он в зеркале зари увидеть понуждает,
Что ночь — еще одна — прошла тайком для нас.
(Перевод О. Румера. Ср. № 657)

Хайямовская скорбь о конечности человека, о неодолимости все-сильного времени выражена в большом цикле рубаи, отмеченных особым взлетом поэтического гения:

Океан, состоящий из капель, велик,
Из пылинок слагается материк,
Твой приход и уход не имеет значенья,
Просто муха в окно залетела на миг.
(Перевод Г. Плисецкого. Ср. № 185)

Чем может утешиться человек, сей недолгий гость на земле? Омар Хайям находит это утешение в идее материального неисчезновения. Бесконечный круговорот материи — так видят глаза поэта-философа окружающий его мир. Глина, из которой вылеплены винные кувшины и чаши, кирпичи в стенах дворцов, песок под ногами, вся живая природа — цветы, травы — все это знало другое, может быть, человеческое инобытие. Осторожно, остерегает поэт, прикасайся к

ним: вот это, возможно, было локонами и устами луноликой красавицы, это — головой султана, а это — сердцем везира:

Давно — до нас с тобой — и дни и ночи были
И звезды, как сейчас, на небесах кружили.
Не знаешь, как ступить на этот прах земной, —
Зрачками любящих его песчинки жили.

(Перевод В. Тардова. Ср. № 455)

Значит, и нам дано вернуться в земной мир, уже в иных, бессловесных формах: «из праха твоего налепят кирпичей и в стены дома их уложит твой сосед». И так велико страстное желание поэта ощутить бессмертие пусть самой малой крупинцей земной жизни — восстать из праха хотя бы стеблем зеленой травы! И вот завещание Омара Хайяма:

Когда голову я под забором сложу,
В лапы смерти, как птица в ошип, угожу,
Завещаю: кувшин из меня изготовьте,
Приобщите меня к своему кутежу!

(Перевод Г. Плещеева. Ср. № 272)

Озорное воображение Хайяма видит в этом для себя последнюю надежду на воскрешение: а вдруг волшебный дух вина и вдохнет в него жизнь?

...Жизнь мгновенная, ветром гонима, прошла,
Мимо, мимо, как облако дыма, прошла.
Пусть я горя хлебнул, не хлебнув наслажденья,
Жалко жизни, которая мимо прошла.

(Перевод Г. Плещеева)

Год смерти Омара Хайяма неизвестен. Самой вероятной датой его кончины принято считать 1123 год. Из глубины XII века дошел до нас рассказ о последних часах Хайяма. Абу-л-Хасан Бейхаки слышал его от одного из родственников поэта. Омар Хайям в этот день внимательно читал «Книгу исцеления» Авиценны. Дойдя до раздела «Единое и множественное», он вложил золотую зубочистку между двумя листами и попросил позвать необходимых людей, чтобы сделать завещание. Весь этот день он не ел и не пил. Вечером, окончив последнюю молитву, поклонился до земли и сказал: «О боже, ты знаешь, что я познал тебя по мере моей возможности. Прости меня, мое знание тебя — это мой путь к тебе». И умер.

Приведем в заключение еще один рассказ — о посещении могилы Омара Хайяма его искренним почитателем Низами Арузи Самарканди. «В году 1113 в Балхе, на улице Работорговцев, — пишет Низами

Арузи, — в доме Абу Саида Джарре остановились ходжа имам Хайям и ходжа имам Музаффар Исфизари, а я присоединился к услуженному им. Во время пиршества я услышал, как Доказательство Истины Омар сказал: «Могила моя будет расположена в таком месте, где каждую весну ветерок будет осыпать меня цветами». Меня эти слова удивили, но я знал, что такой человек не станет говорить пустых слов. Когда в году 1136 я приехал в Нишапур, прошло уже четыре года с тех пор, как тот великий закрыл лицо свое покрывалом земли и низкий мир осиротел без него. И для меня он был наставником. В пятницу я пошел поклониться его праху и взял с собой одного человека, чтобы он указал мне его могилу. Он привел меня на кладбище Хайре. Я повернул налево и у подножия стены, отгораживающей сад, увидел его могилу. Грушевые и абрикосовые деревья свесились из этого сада и, распростерши над могилой цветущие ветви, всю могилу его скрыли под цветами. И мне пришли на память те слова, что я слышал от него в Балхе, и я разрыдался, ибо на всей поверхности земли и в странах Обитаемой четверти я не увидел бы для него более подходящего места. Бог, святой и всевышний, да уготовит ему место в райских куцах милостью своей и щедростью!»

Над могилой Омара Хайяма в Нишапуре ныне возвышается величественный надгробный памятник — одно из лучших мемориальных сооружений в современном Иране. Ажурные конструкции надгробия напоминают чем-то стартовую установку, выводящую космический корабль на орбиты Вселенной.

* * *

Со стихами Омара Хайяма связаны два редких историко-литературных феномена.

Один — это загадка объема и состава истинного поэтического наследия Хайяма. До наших дней не дошло не только автографов и прижизненных манускриптов четверостиший Омара Хайяма, но даже и списков, более или менее близких по времени к жизни поэта.

Поздних рукописей стихов Хайяма много, и они предстают перед исследователями в поразительном разнообразии, как по объему — количеству четверостиший, так и по самому составу, повторяющемуся от списка к списку лишь в малой части. Рукописи хайямовских сборников, как правило, небольшие — двести-триста стихотворений, однако, собранные воедино, они дают внушительную цифру — около полутора тысяч рубаи.

Текстологический анализ этих стихотворений показывает, что в них можно обнаружить немало «пучков» — сближенных по поэтической идее рубаи-вариантов. Это явление исследователи классической персидско-таджикской литературы объясняют следующим образом.

Омар Хайям в условиях религиозных преследований был лишен возможности собирать и распространять свои стихи, он набрасывал их на отдельных листках бумаги, на полях рукописей. Ученики и единомышленники, слышавшие их от поэта, записывали стихи сразу или спустя некоторое время, в большем или меньшем приближении к авторскому тексту. Так рождался «пучок» рубаи-аналогов. В дальнейших переписываниях и устных передачах количество вариантов разрасталось.

Литературоведы-текстологи вскрыли и еще одно любопытное явление — существование «странствующих» четверостиший. На это обратил внимание известный русский ученый В. А. Жуковский, один из самых первых исследователей истории персидско-таджикской литературы в отечественном востоковедении. В рукописных сборниках четверостиший Омара Хайяма и в изданных текстах Жуковский обнаружил множество стихотворений, засвидетельствованных в диванах других персидско-таджикских поэтов, он дал им название «странствующих». Изыскания Жуковского были продолжены другими исследователями, и результатом этой кропотливой работы был вывод — в лучшем для XIX века издании поэтического наследия Омара Хайяма (Париж, 1867, издатель Дж. Никола) почти четвертая часть стихов, 108 рубаи из 464-х, принадлежит к категории «странствующих».

Право на авторство этих рубаи разделили с Омаром Хайямом такие классики персидско-таджикской литературы, как Хафиз, Аттар (1142—1230), Джалал ад-Дин Руми (1207—1273), Абдаллах Ансари (1006—1088) и другие, причем не только поэты более поздних поколений, но и некоторые предшественники Омара Хайяма. Так, например, два следующих рубаи встречаются среди четверостиший, приписываемых Авиценне:

С ослами будь ослом, не обнажай свой лик!
Ослейшего спроси — он скажет: «Я — велик!»
А коли у кого ослиных нет ушей,
Тот для ословства — явный еретик.

(Перевод И. Сельвинского. Ср. № 113)

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом,
Все тугие узлы я распутал на свете.
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

(Перевод Г. Плисецкого. Ср. № 262)

Не единичны случаи широкого «странствования», когда одно и то же рубаи встречается в рукописных диванах (а иногда и в публикациях) трех-четырех поэтов одновременно. Примером может послужить такое четверостишие:

Пью с умом: никогда не буяню спьяна.
Жадно пью: я не жаден, но жажда сильна.
Ты, святоша и трезвенник, занят собою —
Я себя забываю, напившись вина!
(Перевод Г. Плисецкого. Ср. № 293)

Оно приписывается Омару Хайяму, Анвари и Камал ад-Дину Исмаилу (1172—1237). А хайямовское рубаи:

Если все государства вблизи и вдали,
Покоренные, будут валяться в пыли,
Ты не станешь, великий владыка, бессмертен,
Твой удел невелик — три аршина земли, —
(Перевод Г. Плисецкого. Ср. № 164)

встречается среди стихов Афзала Кашани (1195—1265), мастера ярких и остроумных четверостиший, и прекрасной поэтессы Мехсети Гянджеви, современницы Хайяма, с которым она, по преданию, встречалась.

Ограничимся еще двумя примерами. Следующее рубаи входит в состав поэтического наследия как Омара Хайяма, так и величайшего лирика Хафиза:

Не молящимся грешником надобно быть —
Веселящимся грешником надобно быть.
Так как жизнь драгоценная кончится скоро —
Шутником и насмешником надобно быть.
(Перевод Г. Плисецкого. Ср. № 171)

Современник Омара Хайяма поэт Санаи (середина XI в. — 1131 г.), оставивший огромное литературное наследие, разделяет с Хайямом право на авторство такого рубаи:

Муж ученый, который мудрее муллы,
Но бахвал и обманщик, достоин хулы.
Муж, чье слово прочнее гранитной скалы, —
Выше мудрого, выше любой похвалы!
(Перевод Г. Плисецкого. Ср. № 157)

Работа по выявлению подлинного литературного наследия Омара Хайяма, начатая В. А. Жуковским публикацией в 1897 году статьи «Омар Хайям и «странствующие» четверостишия», продолжается и поныне. Для авторской атрибуции этих кочующих из дивана в диван рубаи было предложено немало различных научных приемов. Основываясь на старых и надежных рукописных источниках, ученые признают ныне бесспорное авторство Омара Хайяма для нескольких де-

сятков рубаи. В результате тщательных изысканий, проводившихся на протяжении десятилетий крупными филологами восточных и западных стран, методами текстологического, историко-литературного, стилистического, стиховедческого анализа, удалось определить группу четверостиший, примерно в четыреста стихотворений, которые с достаточной степенью уверенности можно считать принадлежащими перу Омара Хайяма. Что же касается тысячи других рубаи, «странствующих» под именем Хайяма, ни одно из них нельзя ни категорически приписать авторству Омара Хайяма, ни вычеркнуть решительно из его поэтического наследия.

Хайямовские четверостишия весьма различны по идейно-тематическому содержанию и далеко не равноценны по художественным достоинствам. Проведем небольшое сравнение. Вот три классических хайямовских рубаи. Точными штрихами набросана модель мироздания — за этими четырьмя строками мы почти воочию видим облик ученого, философа, астронома:

Всё обсудив без страха, мы истину найдем, —
Небесный свод представим волшебным фонарем:
Источник света — солнце, наш мир — сквозной экран,
А мы — смешные тени и пляшем пред огнем.

(Перевод Л. Некоры, Ср. № 323)

Сжато до предела формулирует поэт самую суть проблемы: Человек — Вселенная, Человек — Время:

Круг небес, неизменный во все времена,
Опрокинут над нами, как чаша вина.
Эта чаша, которая ходит по кругу,
Не стони — и тебя не минует она.

(Перевод Г. Плесецкого)

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам бог.
Мудрецы толковали о ней как хотели, —
Ни один разгадать ее толком не смог.

(Перевод Г. Плесецкого. Ср. № 576)

И рядом иной раз незамысловатые сентенции, и по мысли и по легкой изящной манере выражения вполне традиционные для раннеклассической персидско-таджикской поэзии:

Не тверди мне, больному с похмелья: «Не пей!»
Всё равно я лекарство приму, хоть убей!
Нету лучшего средства от горестей мира —
Виноградную кровью лечусь от скорбей.

(Перевод Г. Плесецкого. Ср. № 281)

В обширном цикле хайямовских рубаи особенно поражает следователя противоречие, нередко взаимоисключение содержащихся в них идей. Мы видим в этих стихах страстное стремление постичь тайны рока и агностицизм, проповедь активного добра и отгораживание от мира, беспечную теорию «одного дня» и обывательскую мудрость самосохранения, сетование на несправедливость неба в распределении земных благ и высмеивание сытого благополучия. Мы находим в четверостишиях полярно противоположные точки зрения: ироничное спокойствие все постигшего мудреца и отчаянно-дерзкий протест бунтаря. Поэт пленен жизнью, жизнь — неиссякаемый источник наслаждений:

Сад цветущий, подруга и чаша с вином —
Вот мой рай. Не хочу очутиться в ином.
Да никто и не видел небесного рая!
Так что будем пока утешаться в земном.
(Перевод Г. Плещецкого. Стр. № 591)

И вот — отвращение от жизни, в смерти поэт видит желанный исход от мучений земного бытия. А еще лучше — не знать этого света совсем:

Добровольно сюда не явился бы я,
И отсюда уйти не стремился бы я.
Я бы к жизни, будь воля моя, не стремился.
Никуда. Никогда. Не родился бы я.
(Перевод Г. Плещецкого. Стр. № 199)

Эту пестроту ценностных ориентации, «смесь высоких доблестей и низменных страстей» некоторые литературоведы относили не без оснований за счет влечения в поэтическое наследие Хайяма стихотворений других поэтов, каждый из которых выражал свой взгляд на мир.

Однако это верно лишь отчасти. В обширном хайямовском цикле — и в этом еще одна загадка, заданная Омаром Хайямом, — четверостишия слиты столь органично, что «бродячие» рубаи не ощущаются чужеродными равным образом ни в диванах многих поэтов, ни среди стихотворений великого Хайяма. Смены и перепады настроений, широкий разброс оценочных суждений о жизни, — в общем свойственные живому человеку на разных этапах его земного пути, — мы наблюдаем у многих персидско-таджикских авторов XI—XIV веков, каждый из которых нес в себе большую или меньшую частицу хайямовского гения.

Хайям, философ и лирик, несомненно опирался в своем поэтическом творчестве на свой опыт жизни в большом городе, на умона-

строения окружавших его образованных горожан. В хайямовских мотивах, в самой их противоречивости следует видеть тот набор всечеловеческих истин, которые мы находим в пословичном фонде любого из народов. Облеченные в меткие речевые формулы — афоризмы, сжатые сентенции, меткие присловья, — они извечно питали дух человека в его неудовлетворенности жизнью. Философские рассуждения и житейская дидактика, заложенная в хайямовских четверостишиях, должны нами пониматься расширительно: в них художественно выражены мысли и чувства, имевшие хождение в широких слоях населения средневекового города.

Эта часть ранней персидско-таджикской поэзии — хайямовские четверостишия, включая все «странствующие» и «бродячие» и — шире — хайямовские мотивы вообще, — представляет особую ценность. Мы можем рассматривать их как своего рода «обобществленную» житейскую мудрость и «обобществленную» лирику, которая прежде всего и была пищей для ума и сердца в средневековом обществе. Кочевание их из дивана в диван и многовариантность — лучшие свидетельства широкой распространенности их, сопряженной со множественностью переписок и устных передач.

Непосредственное отражение в хайямовских четверостишиях городского свободомыслия можно увидеть еще и в том, что лирический герой Хайяма — гуляка-вольнодумец, так называемый ринд, — был в эту эпоху одним из самых популярных персонажей персидско-таджикской литературы. Строки хайямовских стихов обрисовывают колоритную фигуру ринда:

Вот беспутный гуляка, хмельной ветрогон,
Деньги, истину, жизнь — всё поставит на кон!
Шариат и Коран — для него не закон.
Кто на свете, скажите, отважней, чем он?

(Перевод Г. Плесецкого)

Некоторые четверостишия написаны от имени ринда:

Говорят, что я пьянствовать вечно готов, — я таков!
Что я ринд и что идиолов чту, как богов, — я таков!
Каждый пусть полагает по-своему, спорить не буду.
Знаю лучше их сам про себя, я каков, — я таков!

(Перевод В. Державина. Ср. № 304)

Тексты хайямовских четверостиший, и, может быть, прежде всего «странствующих», — важный источник для изучения идеологической жизни средневекового города Ирана и Средней Азии,

Заметим, что «странствование» заложено в самой природе краткого афористического жанра рубай: стихотворения-эпиграммы, сти-

хотворения-реплики. Способность утрачивать авторство, свойственная крылатым выражениям и литературным пословицам, перешла в определенной мере и к четверостишиям, в особенности к тем из них, которые вобрала в себя стихия устной выразительной речи. Для ранней персидско-таджикской поэтической классики отмечено также следующее своеобразное явление: поэт иногда подписывал собственные произведения — из особого пиетета — именем своего литературного кумира. Очень вероятно, что поэты XII—XIV веков, — когда четверостишия получили чрезвычайно широкое распространение, создавались и бытовали практически на всех социальных уровнях, — сами ставили под своими стихотворениями имя Омара Хайяма.

В фонде хайямовских четверостиший мы находим следы и другого, прямо противоположного литературного явления.

В подвижной общности этих «странствующих» стихотворений можно обнаружить небольшую группу антихайямовских четверостиший. Их злые, уничижительные строки развенчивают образ ученого, подчеркивают бесплодность и пустоту его знаний. Написанные некогда ярыми противниками Хайяма, ловко подмешавшими эти эпиграммы к потоку его популярных четверостиший, они и поныне соседствуют со стихами Омара Хайяма.

Приведем здесь некоторые из них:

Если бог не услышит меня в вышине —
Я молитвы свои обращу к сатане.
Если богу желанья мои неуютны —
Значит, дьявол внушает желания мне!
(Перевод Г. Плесецкого. Ср. М 395)

Мастер, шьющий палатки из шелка ума,
И тебя не минует внезапная тьма.
О Хайям! Оборвется непрочная нитка,
Жизнь твоя на толкучке пойдет задарма.
(Перевод Г. Плесецкого. Ср. № 581)

О Палаточник! Бренное тело твое —
Для бесплотного духа земное жилье.
Смерть снесет полотняную эту палатку,
Когда дух твой бессмертный покинет ее.
(Перевод Г. Плесецкого. Ср. № 544)

По мнению А. Н. Болдырева, обратившего наше внимание на это явление, некоторые из подобных антихайямовских четверостиший принадлежат, возможно, к эпохе Омара Хайяма, написаны вскоре после его смерти. Они были расчетливо внедрены — помечены его именем —

в состав поэтического наследия Хайяма, являя собой акт непримиримой идеологической борьбы.

Хайямовские четверостишия запечатлели страницы острых общественных столкновений, имевших место на Востоке в средние века. Они свидетельствуют, сколь действительна была роль литературы в этой борьбе.

Факт, что множество философских, вольнодумных рубаи циклизировалось в виде хайямовских, можно понять только однозначно: Омар Хайям был вдохновителем и идейным вождем оппозиционной городской поэзии, так ярко зафиксировавшей существовавшие связи человека с его временем.

И все же есть четверостишия, которые, по эмоциональному выражению одного из известных исследователей персидско-таджикской классики, не мог написать никто другой, кроме Омара Хайяма! Конфликт человека с творцом, утверждение круговорота, вечного движения физического субстрата природы, отрицание посмертного существования человека — в этом Омар Хайям, столь близко подошедший к материалистическому осмыслению мироустройства, остался, как поэт, единственным в истории классической персидско-таджикской литературы.

* * *

Всемирная известность пришла к Омару Хайяму в XIX веке.

Взрыв всеобщего интереса к его стихам, возникший в Англии в начале шестидесятых годов и распространившийся затем по всему свету, представляет еще один замечательный феномен в истории мировой литературы.

В 1859 году скромный английский литератор Эдвард Фитцджеральд (1809—1883) издал на собственные средства тонкую брошюру, в двадцать четыре страницы, под названием «Рубайат Омара Хайяма». Автор уже трех сборников литературно-философских эссе, стихотворных переводов с древнегреческого и испанского, Фитцджеральд проявлял заметный интерес к классической персидско-таджикской литературе, читал в подлиннике Хафиза, Низами, Аттара, Джалал ад-Дина Руми, Джами; в 1856 году он издал в английском переводе поэму Джами «Саламан и Абсаль». С 1857 года Фитцджеральд сосредоточил свое внимание на Омаре Хайяме, когда в руки к нему попали копии двух рукописных сборников его четверостиший.

Книжка «Рубайат Омара Хайяма», включившая несколько десятков четверостиший, переведенных английскими стихами (без указания имени переводчика), почти два года пролежала в лавке известного лондонского издателя и книготорговца Бернарда Кворича, не заинтересовав ни одного покупателя. Фитцджеральд уже смирился с не-

удачей, как вдруг весь тираж (он насчитывал всего 250 экземпляров) мгновенно разошелся, а самый интерес к стихам Омара Хайяма стал расти со скоростью степного пожара. Он вышел за пределы Англии, захватил все страны Европы, Америку и вернулся в страны Востока.

До конца жизни Фитцджеральд успел опубликовать еще три переработанных издания (в 1863, 1872 и 1879 годах); пятое издание, вышедшее в свет в 1889 году, через шесть лет после смерти Фитцджеральда, — с учетом поправок переводчика, оставленных на страницах предыдущих публикаций, — стало окончательной редакцией работы Фитцджеральда над четверостишиями Омара Хайяма.

В настоящее время книжка «Рубайат Омара Хайяма», выдержавшая бесчисленное число переизданий (к 1926 году их было уже 139), является, по мнению специалистов, самым популярным поэтическим произведением, когда-либо написанным на английском языке. Она стала классикой английской и мировой литературы.

Приведем только два высказывания из целого потока восторженных отзывов, которыми современники встретили переводческий опыт Фитцджеральда. Так, Джон Раскин, принадлежавший к числу наиболее авторитетных теоретиков искусства, написал автору перевода такие строки: «Никогда до сего дня не читал я ничего столь, на мой взгляд, великолепного, как эта поэма, и только так я могу сказать об этом...» По поводу одного из самых известных четверостиший Омара Хайяма, в интерпретации Фитцджеральда:

О ты, чьей волей в глину помещен
Разумный дух, что после соvrащен
В раю был змием, — наши все грехи
Ты нам прости и нами будь прощен. —
(Перевод В. Зайцева)

Марк Твен говорил, что эти строки «содержат в себе самую значительную и великую мысль, когда-либо выраженную на таком малом пространстве, в столь немногих словах».

Необыкновенный успех стихов восточного автора XI века у англоязычного читателя кроется в значительной степени в самом подходе Э. Фитцджеральда к проблеме поисков путей художественной адекватности при переводе иноязычной поэзии.

«Рубайат Омара Хайяма» включает сто одно четверостишие. Продуманно расположив стихотворения, Фитцджеральд придал им стройную композицию, превратив собрание рубаи в законченную поэму. Оценивая ее в сопоставлении с подлинным текстом персидско-таджикских четверостиший, литературоведы признают, что английские стихи «Рубайат» можно назвать переводом только условно, за неимением лучшего слова. Фитцджеральд не стремился к дословности: в его пере-

водной поэме много вольных обработок хайямовских мотивов и контаминаций, смещены некоторые смысловые акценты, усилена эмоциональная тональность. В тонкой и изящной интерпретации переводчик представил современному читателю, соглашаясь с особенностями его восприятия, образы и идеи персидско-таджикских средневековых стихов. Однако Фитцджеральд сумел главное — передать самую душу поэзии Омара Хайяма, выветив изнутри значительность ее философского содержания, нравственное величие и бесконечное художественное обаяние.¹

Ныне хайямовские четверостишия бесценными жемчужинами истинной поэзии вошли в сокровищницу мировой литературы. В течение десятилетий накоплен огромный и разнообразный опыт перевода Хайяма на многие языки Запада и Востока. Хайямовские четверостишия звучат в наши дни на всех континентах. Секрет этого мощного духовного резонанса, этой преданной читательской любви и читательского доверия заложен в самой сути поэзии Омара Хайяма — в ее высокой человечности, в ее общечеловечности.

З. Н. Ворожейкина

¹ О русских переводах поэмы Фитцджеральда см. примечания к настоящему изданию, с. 279.

ОМАР ХАЙЯМ В РУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ПОЭЗИИ

Четыре строчки источают яд,
Когда живет в них злая эпиграмма,
Но раны сердца лечат «Рубайат» —
Четверостишья старого Хайяма.

С. Я. Маршак

Омар Хайям переводится русскими стихами уже почти сто лет.

Первая публикация русских поэтических переводов Хайяма датируется 1891 годом — в «Вестнике Европы» за этот год было напечатано шестнадцать стихотворений под заглавием «Из Омара Кайяма. С персидского». Поэт В. Л. Величко — автор этой публикации — проделал свои переводческие опыты: в 1894 и 1903 годах он выступил в печати с двумя небольшими циклами стихов Хайяма. Величко был первым по времени поэтом, ознакомившим читающую публику России с творчеством Омара Хайяма. Всего им было переведено 52 четверостишия. Переводчик не ставил перед собой задачу адекватного воспроизведения подлинника: рубаи были им переданы разными по величине стихотворениями, более всего восьмистишиями; были также переводы в 5, 6, 7, 9, 10, 12, 13 и 16 строк; лишь пять переводов выполнены в форме четверостиший. Величко применил различные стихотворные размеры, произвольный и разнообразный порядок рифмовки (см.: Библиография, II, № 1, 2, 8).¹

Эти переводы-парафразы, однако, легко поддаются идентификации с подлинным текстом Хайяма. Содержание персидско-таджикских четверостиший уловлено верно, переводчик заметно стремился к буквальной близости, в некоторых случаях ему это удалось. Вот в качестве примера перевод из публикации 1891 года:

О, бойся тело отдавать
На пищу горю и страданьям,
Томясь слепым любостяжаньем
Пред белым серебра сияньем,

¹ Здесь и далее указания на Библиографию отсылают к библиографическому списку литературы, использованной при составлении настоящей книги (см. с. 263).

Пред желтым златом трепетать!
Пока веселья час не минет
И теплый вздох твой не остынет —
Твои враги на пир тогда
Придут как хищная орда!

Приведем для сравнения дословный перевод рубаи (ср. № 145):¹

Смотри, не подвергай свое тело горестям и страданиям
Ради того, чтобы копить белое серебро и желтое золото.
Прежде чем остынет твой теплый вздох,
Потрать всё с друзьями, иначе всё пожрет твой враг!

Говоря о самых первых шагах художественного освоения поэтического наследия Омара Хайяма в России, нельзя не упомянуть также имя П. Порфирова. В «Северном вестнике» за 1894 год он опубликовал переводы двух хайямовских рубаи. Четверостишия переданы стихотворениями в шесть и восемь строк, строки рифмуются по правилам русского стихосложения. Переводы точны по смыслу и звучат живо (см.: Библиография, II, № 3). Вот один из переводов:

Где прежде замок высился надменно
До самых облаков,
Куда в чертоги шли цари смиренно
С покорностью рабов,
Я видел: горлица, нахохлившись, сидела
И, нарушая сон,
Кричала, словно вымолвить хотела:
Где он? Где он?

Ниже следует точный перевод рубаи (это один из самых известных стихов Хайяма, ср. № 605):

У того замка, который когда-то подпирал небосвод,
А государи падали ниц у его портала,
Увидел я горлицу на зубцах его башни,
Она сидела и кричала: Ку-ку? Ку-ку? (Где? Где?)

В 1901 году в печати появились сразу три переводческих работы. Две из них — небольшие журнальные публикации: в «Кавказском

¹ Здесь и далее указание на номер отсылает к основному тексту данного издания (Рубаи, I).

вестнике» — перевод тринадцати хайямовских рубаи, они были переданы стихотворениями от четырех до двадцати четырех строк (подпись под ними: «С. Уманец»), и в журнале «Семья» — прокомментированный перевод четырнадцати четверостиший (из них стихами только пять, остальные в прозе), подготовленный Т. Лебединским (см.: Библиография, II, № 5 и 6).

Третья публикация заслуживает того, чтобы о ней сказать подробнее. Поэт и музыкальный критик К. М. Мазурин издал в 1901 году, под псевдонимом К. Герра, небольшую книгу, озаглавленную «Строфы Нирузама» (см.: Библиография, II, № 7). Книга была оформлена как переводная публикация стихотворного сборника. В предисловии К. Герра сообщал, что он издает старую и дефектную рукопись стихов персидского поэта, которая случайно попала к нему в руки во время путешествия по Востоку. Об авторе стихов К. Герра сообщает немного: поэт родом из Хорасана, жизнь его приходится на середину X века. Книга сначала была встречена как серьезное издание, но уже вскоре, угадав под именем Нирузам перевертыш фамилии Мазурин, критики квалифицировали сборник как искусную литературную подделку; стихи, помещенные в ней, стилизованные под Саади и Хафиза, решили они, были сочинены самим Мазуриным. В действительности же, как показало тщательное изучение стихотворных текстов «Строф Нирузама», предпринятое авторами этих строк (см.: Библиография, II, № 92), книга Мазурина имеет в своей основе классические персидско-таджикские тексты, а именно четверостишия Омара Хайяма. Девяносто восемь строф (так названы в книге отдельные стихотворения) из ста шестидесяти восьми строф, составляющих сборник, представляют собой вольные переводы Хайяма, импровизации на хайямовские темы, контаминации двух-трех его четверостиший. Всего в «Строфах Нирузама» представлен текст 110 хайямовских рубаи.

Вот в виде образца одна из «строф Нирузама»:

Увы! Кончаются молодые наши лета,
И юности весна на завтра отцветет,
И радостная песнь закончена и спета,
И завтра навсегда в устах моих замрет.

А я так и не знаю, откуда и куда,
Как птичка, юность та сама ко мне явилась,
Понять не в силах я, как наконец случилось,
Что птичку эту вновь не встречу никогда.

Стихи представляют собой вольный перевод, хотя и достаточно близкий, следующего известного рубаи Хайяма (ср. № 186):

Как жаль, что окончена книга юности
И ранняя весна жизни обернулась зимой.
Та птица радости, которую звали молодость,
Увы, не знаю, когда прилетела и когда скрылась.

Книга Мазурина, имевшая, как сообщают критики, заметный успех у читателей, составила примечательное явление русской литературной жизни начала XX века как первый опыт издания сборника русских стихотворных переводов Омара Хайяма, хотя имя поэта и не было названо.

Следующие по времени работы над художественным переводом Хайяма появились в 1910—1916 годах. Они были весьма разнообразны по подходу.

Путем вольной импровизации на основе хайямовских мотивов пошел переводчик А. Н. Данилевский-Александров. Он создал три песни, каждая из которых построена на нескольких, сближенных по мысли, рубаи. Эти песни, названные переводчиком «Рай и вино», «Кисмет» и «Воля бога» с общим заголовком «Из рубаи, то есть куплетов Омара Хайяма», были помещены в вышедшей в 1910 году книге «В мире песни» (см.: Библиография, II, № 9). Приведем здесь текст третьей песни, в которой близость к персидско-таджикскому подлиннику ощущается в наибольшей степени:

Всё, что существует, это след лишь
Воли всемогущей грозного Алла,
И в течение жизни, и в людских деяньях
Нет свободной воли, нет добра и зла.
На скрижалях мира пишет он судьбою,
И судьба для жизни лишь дает закон.
Все усилья наши — это возмущенья
И смятенья духа и бессильный стон.
Беспредельно море с мрачной глубиною,
Но оно ведь меньше всех пролитых слез,
Ад — лишь искра только муки бесполезной
Страждущего духа на руинах грез.
Если ж есть среди прозы проблеск утешенья,
Если сердце чует светлый рай порой,
То судьба дарит нам, по веленью бога,
Этот рай цветистый только лишь с мечтой.

В 1910 году Омар Хайям привлек внимание известного поэта К. Д. Бальмонта. Он издал в журнале «Русская мысль» переводы одиннадцати четверостиший Хайяма. Бальмонт был первым русским поэтом, переведившим хайямовские рубаи только в форме четверо-

стиший. Не считая, впрочем, необходимым воспроизводить схему рифмовки подлинника, он применял перекрестную рифму, опоясывающую, иногда монорим (см.: Библиография, II, № 10). Переводчик не отступал от основного содержания персидско-гаджикского подлинника, однако Хайям предстал в некоторых переводах художественно обедненным, например:

Древо печали ты в сердце своем не сажай,
Книгу веселья, напротив, почаще читай,
Зову хотенья внимай и на зов отвечай,
Миг быстротечный встречай и лозою венчай.

Это является примитивизирующим переводом известного рубаи Хайяма (ср. № 133):

Нельзя растить в сердце росток печали,
Надо безотрывно читать книгу наслаждений.
Нужно пить вино и потакать желаниям сердца,
Ведь неизвестно, сколько времени дано нам побыть на свете.

Упомянем еще один из ранних опытов. В 1913 году в книге стихов «Старые боги» было напечатано четыре стихотворения под общим заголовком «С персидского. Из Омара Хайяма» (см.: Библиография, II, № 12). Переводчик В. А. Мазуркевич достаточно точно передает мысль и тональность хайямовских рубаи русскими шестистишиями. Приведем для образца один из этих переводов (ср. № 532):

К чему грустить нам о грехах?
Грехи отпустит нам Аллах.
Напрасна грусть твоя, Хайям:
Ведь милость и нужна лишь там,
Где есть грехи; кто ж свят, тому
И так прощенье ни к чему.

В оригинале:

Хайям! К чему так сокрушаться из-за грехов?
Есть ли хоть какая польза от страданий, в конце концов?
Если нет прегрешений — нет и прощенья,
Прощенье-то и возникло из-за грехов. Так зачем скорбеть?

И наконец в 1916 году появилось первое солидное художественное издание, подготовленное на основе научной базы. Книга «Персидские

лирики X—XV веков», представлявшая русскому читателю творчество восьми поэтов, была подготовлена акад. Ф. Е. Коршем, отредактирована после его смерти и опубликована известным знатоком арабской и персидско-таджикской литературы А. Е. Крымским. Переводом Крымский предпослал «Введение», рассказывающее о поэтах (см.: Библиография, II, № 13). Творчество Омара Хайяма представлено в книге девятнадцатью стихотворениями в переводе ученика акад. Корша — И. П. Умова (переводы Умова были опубликованы ранее, в 1911 году, — см.: Библиография, II, № 11). Все рубаи переданы русскими восьмистишиями с перекрестной рифмой. Переводы верны и искусны, хотя и утратили лаконичность и несколько стилизованы под русскую классику. Помещаем один из самых удачных переводов (ср. № 499):

Ничтожен мир, и всё ничтожно,
Что в жалком мире ты познал;
Что слышал, суетно и ложно,
И тщетно всё, что ты сказал.

Ты мыслил в хижине смиренной,
О чем? К чему? — Ничтожно то.
Ты обошел концы вселенной, —
Но всё пред Вечностью — ничто.

Точный перевод текста Хайяма следующий:

Ты видел мир, но всё, что ты видел, — ничто,
И всё, что ты сказал и слышал, — ничто,
Из конца в конец весь мир обошел — ничто,
И если лишь по дому ползал — ничто.

Оценивая опыты перевода Омара Хайяма в 1891—1916 годах в России, можно квалифицировать их как переводы вольные. Требование художественной адекватности еще отсутствовало в переводческой практике. При большей или меньшей близости к содержанию подлинника, стиховая форма, как правило, переводчиками сознательно игнорировалась. Персидско-таджикские рубаи воспроизводились языком русской поэзии, с присущими ей разнообразием размеров и привычными для читателя схемами рифмовки. Это вполне согласовывалось с существовавшими представлениями о задачах художественного перевода с восточных языков: не поступаться формальной эстетикой русского стихосложения. Не укладываясь в лаконичную форму четверостишия, поэты передавали хайямовские рубаи многословно (за редким исключением), стихотворениями в полтора, в два, а то и в четыре раза длиннее.

В следующие два десятилетия (точнее: в 1917—1934 годах) появились лишь две публикации переводов Хайяма.

Автору одной из них — И. Тхоржевскому — принадлежит особое место в деле популяризации Омара Хайяма среди любителей поэзии России. Тхоржевский был первым создателем сборника стихов Хайяма на русском языке (если не считать работы Мазурина, где Хайям был представлен в вольных переводах, да к тому же анонимно). В 1928 году Тхоржевский опубликовал в Париже книгу русских переводов Хайяма, двумя годами раньше они уже были напечатаны в журнале «Современные записки». Тхоржевскому — первому из переводчиков — удалось воспроизвести в русских стихах такие качества хайямовских рубаи, составляющие их суть, как чеканная звучность, яркая парадоксальность поэтической идеи, блестящее острословие и заразительная эмоциональность, которые позволили Эдварду Фитцджеральду сказать: «Старик Хайям звенит как настоящий металл».

Тхоржевский попытался создать русские четверостишия как нечто равновеликое персидско-таджикскому рубаи. Все переводы он выполнил одним коротким размером — пятистопным ямбом, точно восприняв рифмовку строк рубаи.

Приведем для образца одно из известных хайямовских четверостиший в переводе Тхоржевского (ср. № 690):

Ловушки, ямы на моем пути —
Их бог расставил и велел идти.
И всё предвидел. И меня оставил.
И судит! Тот, кто не хотел спасти!

Настроение и смысл рубаи переданы верно, хотя переводчик отступил от подлинника весьма заметно. В оригинале:

Две сотни ловушек ты расставил на моем пути,
Ты говоришь: убью тебя, если наступишь на них.
Сам ты расставил ловушки и всякого, кто наступит на них,
Ловишь и убиваешь. И ослушником зовешь.

Высоколитературные переводы Тхоржевского, к сожалению, лишены текстуальной точности. Лишь около шестидесяти процентов его переводов легко идентифицируется с подлинником. Некоторые четверостишия — приблизительно шестая часть — это перевод английских строф из поэмы Фитцджеральда «Рубайат Омара Хайяма». Остальные четверостишия — их около пятидесяти — не поддаются идентификации, возможно, это собственные стихи Тхоржевского, разработавшего хайямовские мотивы.

Блестящие по форме переводы Тхоржевского имели огромный читательский успех, многократно публиковались в сборниках, антоло-

гиях, цитировались в исследованиях. Полностью весь парижский сборник переиздан в приложении к книге Г. Гулиа «Сказание об Омаре Хайяме», вышедшей в свет в 1975 г. (см.: Библиография, II, № 69). Писатель Вл. Солоухин заметил в статье «Как мы переводим», что читающий переводы Тхоржевского получает истинное удовольствие от четверостиший Омара Хайяма, они так легко звучат, сразу запоминаются, что «это стоит сухой и скрупулезной точности» (здесь же, впрочем, оговаривается, что неплохо рядом иметь и точный академический перевод).

В начале тридцатых годов появилась еще одна интересующая нас публикация. Этнограф и фольклорист А. Е. Грузинский напечатал в книге «Памяти П. Н. Сакулина» (см.: Библиография, II, № 16) подборку из тридцати одного стихотворения с заглавием «Из четверостиший Омара Хайяма (XI—XII вв.)». Грузинский достиг заметного успеха в создании энергичных и выразительных русских четверостиший, некоторые из них тождественны рубаи и по расположению рифмующих строк (хотя в большей части переводов рифма перекрестная, парная и опоясывающая). Сличение с подлинным текстом показывает точность этих переводов, однако лаконичность русских стихов в ряде случаев достигается опущением некоторых художественных деталей, что упрощает поэзию Хайяма. Покажем это на одном примере. Перевод Грузинского (ср. № 529) :

Вновь плачет облако на бархат луга...
Трава нас веселит, но — боже мой! —
Кого *та* зелень усладит собой,
Что вырастет из нас? — Вина, подруга!

Подлинник:

Набезало облако и вновь пролило влагу над лужайкой, —
Нельзя проводить время без вина цвета розы.
Сегодня мы любимся этой зеленой травой, —
Кто-то будет любоваться травой, что прорастет из нашего праха?

Середина тридцатых годов ознаменовалась новой мощной волной интереса к творчеству Омара Хайяма. В эти годы появились крупные и значительные публикации художественных переводов Хайяма, выполненные Л. С. Некорой, С. Кашеваровым, О. Румером.

Л. С. Некора знал язык классической персидско-таджикской поэзии. Он работал над Хайямом по тексту одной из старых рукописей хайямовских рубаи (1460 года), хранящейся в Библиотеке Бодлеяны в Оксфорде. Переводя рубаи русскими четверостишиями, Некора придал им один стихотворный размер — восьмистопный ямб, с цезурой посредине, воспроизводя схему рифмовки рубаи и следуя хайямовской логике поэтического высказывания.

Переводы Некоры отличает высокая степень точности. В упрек автору переводов можно поставить только некоторую растянутость строк, из-за цезуры русские четверостишия воспринимаются при чтении как восьмистишия, и Хайям утрачивает столь показательную для него экспрессивность стиха.

Несколько переводов Некора опубликовал в 1924 году (см.: Библиография, II, № 15). В 1935 году они вошли в книгу «Восток», где были напечатаны уже 144 четверостишия Хайяма, переводчик подписал эту публикацию только инициалами — «Л. Н.» (см.: Библиография, II, № 17).

Надежные переводы Некоры, созданные на основе филологической работы, сохраняют свое значение до сих пор, авторы исследований по персидско-таджикской литературе часто цитируют их.

Также с подлинным текстом, по изданиям А. Кристенсена, Е. Винфельда, Ж. Никола, работал при переводе Хайяма С. Кашеваров. В 1935 году он напечатал в журнале «Литературный Узбекистан» большой цикл хайямовских рубаи — 122 четверостишия. Кашеваров неукоснительно следовал в стихотворных переводах принципу строгой, подстрочной дословности. Переводы Кашеварова верно излагают содержание подлинника, однако, заметно страдая буквализмом, малохудожественны как зарифмованный подстрочник (см.: Библиография, II, № 18).

Счастливым событием в истории освоения Хайяма в русской поэтической культуре стала переводческая деятельность О. Румера. Он дал в переводах самое большое к тому времени собрание хайямовских рубаи — триста стихотворений, опубликовав их в 1938 году в виде отдельного сборника, с содержательной вступительной статьей (см.: Библиография, II, № 20). Выполнены они были также по подлинному тексту (по-видимому, по изданию Никола, так как в некоторые переводы вкрались те же неточности, что встречаются в парижском издании).

Румеру ближе, чем другим русским поэтам-переводчикам, пробовавшим свои силы в освоении Хайяма, удалось подойти к решению сложной проблемы идейно-художественной адекватности.

Для передачи рубаи Румер использовал пятистопный ямб, но числу слогов равный размеру рубаи. Строгая лаконичная форма русских четверостиший, рифмующихся по схеме а-а-б-а или а-а-а-а, как подлинные рубаи, вызывает то же ощущение искусной сцепленности слов в поэтических строках, их афористичности. Многие переводы Румера не превзойдены до сих пор по точности и истинной поэтичности. В течение десятилетий переводы Румера, высоко оцениваемые специалистами, цитируются в работах, посвященных Омару Хайяму.

Каждый из трех упомянутых выше переводчиков шел своим пу-

тем, зачастую отвергая опыт других. Но в целом, с выходом в свет переводческих работ Некоры, Кашеварова и Румера, выполненных знатоками языка и переводимой литературы, стало возможным говорить о сложении отечественной школы перевода Омара Хайяма. Были сформулированы такие требования к переводческой деятельности, как историко-культурный подход в оценке литературного памятника, бережное отношение к тексту подлинника, задача идейно-художественной адекватности. Переводы-парафразы, переводы-импровизации полностью уступили место переводу-интерпретации, переводу-исследованию.

* * *

Мы упомянули четырнадцать авторов — всех первых переводчиков Омара Хайяма русскими стихами. Полный список поэтов, переведивших Хайяма, включает более сорока имен. Назовем в настоящей статье еще самые крупные и интересные работы над переводом хайямовских четверостиший, опубликованные с начала сороковых годов по настоящее время.

А. В. Старостин, известный знаток истории персидско-таджикской литературы, дал переводы 120 хайямовских рубаи. Переводы добросовестны, скрупулезно точны, что было одобрительно отмечено специалистами, которые охотно цитируют Омара Хайяма в этих переводах, включают их в антологии классической поэзии (см.: Библиография, II, № 31, 35). Переводы выполнены разными размерами, иногда это пятистопный ямб, но во многих случаях размеры выбраны длинные: пятистопный анапест, восьмистопный хорей с цезурой, девятистопный ямб с цезурой и др., переводчик сохраняет редиф. Длинные строки лишают русские четверостишия характерной для Хайяма сжатости и живости звучания.

Некоторые знатоки персидско-таджикской поэзии, хорошо знающие Хайяма в подлиннике, отдают предпочтение переводам В. Державина, работавшего над переводом по подстрочнику, но с участием литературоведов. Державину принадлежит самое крупное собрание переводов Хайяма — 488 стихотворений. Первые 292 из них были выполнены по подстрочнику Р. М. Алиева и М.-Н. Османова (см.: Библиография, II, № 32), следующие 196 выбраны, как показывает сличение, из публикации известного индийского ученого Свами Тиртха. В 1965 году Державин издал свои переводы отдельным сборником (см.: Библиография, II, № 41); в сборник вкралась, к сожалению, существенная ошибка — четырнадцать рубаи Хайяма переведены Державиным дважды и включены в книгу как самостоятельные четверостишия.

Не ставя перед собой задачу разработки единой стиховой фор-

мы для передачи рубаи, Державин пользуется разными стихотворными размерами, несколько злоупотребляя размерами длинными. Строго придерживаясь принципа абсолютной дословности, переводчик в ряде случаев не преодолевает возникающие при этом трудности, рубаи в русском переводе, сближаясь с пересказом, теряют эмоциональность и яркость художественных красок.

В 1972 году Державин издал новый сборник своих переводов Хайяма (см.: Библиография, II, № 60) — сборник насчитывает 218 четверостиший. Выбрав их из предыдущего сборника, Державин некоторые четверостишия переработал, а восемь дал в новой редакции. Переводы Державина многократно переиздавались (см.: Библиография, II, № 41, 44), однако в основном в редакции 1965 года, улучшенная редакция 1972 года почему-то не принималась во внимание.

Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука» провела в 1972 году конкурс на лучшие переводы Омара Хайяма, победителем его был признан Г. Плисецкий. Результатом этого конкурса стало издание в 1972 году книги «Омар Хайям. Рубайат» (см.: Библиография, II, № 59). В сборнике 450 четверостиший, многие из них не переводились на русский язык ранее. Переводы Плисецкого безукоризненны по форме: все они написаны одним размером — четырехстопным анапестом, строки в них рифмуются, как в рубаи. В противоположность двум упомянутым выше переводчикам, Плисецкий избегает дословности, допуская в необходимых случаях художественные обобщения и тропы-эквиваленты. Проясненность поэтической идеи и особая легкость, крылатость стихотворных строк, которая достигается при этом, позволяют говорить о высоком классе переводческого мастерства. Отлично звучащие русские стихи ярче раскрывают многие грани Хайяма-поэта.

Ленинградский поэт Г. С. Семенов опубликовал в 1972 году в сборнике своих стихов «Сосны» переводы шестидесяти восьми рубаи Хайяма, в 1979 году в книге «Стихотворения» — девяносто девять четверостиший (шестьдесят четыре из них были приведены в сборнике «Сосны») и в 1983 году — небольшой цикл новых переводов Хайяма — двадцать восемь четверостиший в журнале «Памир» (см.: Библиография, II, № 62, 84 и 99). Переводы Семенова мало известны любителям поэзии, так как они не издавались отдельным сборником. Однако их можно причислить к лучшим переводам Омара Хайяма: они точны, искусно передают смысловые и художественные нюансы подлинника. Независимо от Плисецкого Семенов выбрал для передачи рубаи тот же размер — четырехстопный анапест. Вот один из его переводов (ср. № 417):

Триста лет проживи или больше вдвойне,
А придется со всеми лежать наравне.

Под забором бродяга, герой на войне —
Все у смерти в одной невысокой цене.

В оригинале:

Пусть будет тебе двести, триста, тысяча лет,
Вынесут неизбежно тебя из этой старой обители.
Падишах ли ты или базарный нищий,
Обоим в конце концов — одна цена.

Из переводных работ последних лет необходимо отметить четыре крупные публикации.

В 1980 году Н. Стрижков издал в Ташкенте сборник переводов Омара Хайяма в 222 рубаи (см.: Библиография, II, № 85); изданию предшествовало несколько журнальных публикаций (см.: Библиография, II, № 65, 66, 70, 75 и 81). Дополнительно к сборнику в 1983 году Стрижков в журнале «Звезда Востока» напечатал переводы еще тридцати рубаи (см.: Библиография, II, № 93). Переводы (шестистопный ямб) литературны, эпиграмматичны, они точно воспроизводят основную идею хайямовского стихотворения, но в художественных деталях не всегда тождественны оригиналу, несколько произвольны. Ниже следует один из его переводов (ср. № 662):

Вокруг героя рой врагов несметен,
Отшельник станет жертвой грязных сплетен.
Пусть ты талантом Хызр или Ильяс,
Но счастлив тот, кто всюду незаметен.

В оригинале:

Если прославишься в городе — ты худший из людей,
Если уединишься в уголке — ты у всех на подозрении.
Будь ты Ильяс или Хызр — все равно для тебя лучше,
Чтобы тебя никто не знал и тебе — не знать никого.

Исмаил Алиев опубликовал в 1982 году сборник переводов «Омар Хайям. Рубаи»; в него вошли 154 стихотворения параллельно на русском и карачаевском языках (см.: Библиография, II, № 100). В предисловии переводчик пишет, что пользовался подстрочником, опубликованным в московском издании 1959 года (см.: Библиография, II, № 32), но фактически в книге переведены более двадцати рубаи, которые отсутствуют в этом издании.

Алиев в лаконичной форме передает основное содержание оригинала, используя один стихотворный размер — пятистопный ямб. Образец его перевода (ср. № 344):

В руках у нас то чаша, то Коран,
То праведность нам ближе, то обман.

Так и живем в подлунном нашем мире
Полугяуров, полумусульман.

Для сравнения — дословный перевод, сделанный Алиевым и Османовым:

Одна рука — на Коране, другая — на чаше,
То мы благочестивы, то нечестивы.
Под этим мраморным сводом цвета бирюзы
Мы не являемся ни окончательно кафирами, ни полностью
мусульманами.

Известные поэты-переводчики Ц. Бану и К. Арсенева, работая в соавторстве и раздельно, перевели 53 рубаи Омара Хайяма. Переводы публиковались в 1973—1975 годах в газетах и журналах, затем были изданы целым циклом (38 стихотворений) в книге переводов Бану «В сад я вышел на заре» в 1983 году (см.: Библиография, II, № 94, 96). Выполненные без посредства подстрочников, переводы достоверно воссоздают оригинал, они предельно лаконичны и выразительны. Покажем на одном из примеров, как искусно и в то же время непринужденно перевод воспроизводит спрессованную художественную информацию хайямовского стиха (ср. № 664). Перевод Бану:

Красотку шейх корил: «Пьяна совсем,
Сегодня этим бредишь, завтра — тем...»
— «Я такова, — сказала, — ты таков ли,
Каким желаешь показаться всем?»

Дословный перевод рубаи:

Сказал шейх блуднице: «Ты пьяна,
Поминутно попадаешь в сети новых соблазнов».
Сказала: «О шейх, я вправду такова, как ты говоришь,
Да ты таков ли, каким показываешь себя?»

Д. Е. Седых, увлеченно работавший над воплощением своего замысла — создать полный перевод Омара Хайяма, успел перевести 55 рубаи. Они опубликованы посмертно в книге его переводов «Из поэзии Востока» в 1983 году (см.: Библиография, II, № 95). Философско-эстетическая концепция художественного перевода, как ее сформулировал для себя Седых (о ней упоминает А. Н. Болдырев в предисловии к названной книге), определяется следующим образом: видение мира глазами переводимого поэта, слияние с его индивидуальностью, отказ от самого себя. Седых, изучивший для работы над

персидско-таджикской классикой язык подлинника, не ограничился ознакомлением с историей переводимой литературы, но стремился познать изобразительную иранскую культуру, условия бытования поэзии. Называя главным в художественном переводе передачу «тональности и сути» оригинала, Седых считал необходимым для себя преодолеть «гипноз подстрочника» при передаче лексического и образного материала переводимого стихотворения. Переводы Седых из Хайяма следует отнести к категории наиболее удачных — они поэтичны, звучание их энергично и музыкально, хайямовская мысль не теряет своей яркости. Один пример (ср. № 431):

Не бойся, друг, сегодняшних невзгод!
Не сомневайся, время их сотрет.
Минута есть, отдай ее веселью,
А что потом придет — пускай придет!

Сохранена и насмешливо-грустная интонация, столь характерная для Хайяма. Сравним дословный перевод рубаи:

Невзгод скоротечных не бойся,
Всего того, что непостоянно, не бойся.
Проведи в веселье данный миг, —
Не думай о прошедшем, грядущего не бойся.

Мы не остановились в этом кратком разборе на работах еще нескольких поэтов старшего поколения, выступавших в печати с небольшими циклами переводов из Омара Хайяма. Это — И. Сельвинский, перу которого принадлежат переводы Хайяма, вошедшие в книгу «Таджикская поэзия» (1949); Л. Пеньковский, переведший пятьдесят пять рубаи, — они были напечатаны в книге «Избранные стихотворные переводы» (1959) и в сборнике «Чанг» (1971); писатель Т. Зулфикаров, выступивший в журнале «Гулистан» (1962) с подборкой переводов из Хайяма в двадцать четверостиший; Н. Гребнев, пять переводов которого вошли в книгу «Истины. Изречения персидского и таджикского народов» (1968); известный переводчик Т. Спендиарова включила в книгу своих избранных работ (1979) четыре искусно выполненных перевода из Омара Хайяма.

Упомянем, для полноты нашего списка, что известный иранист К. Чайкин опубликовал свой перевод одного рубаи Хайяма в сборнике 1935 года (см.: Библиография, II, № 19); здесь же были помещены переводы пяти четверостиший, выполненные другим востоковедом — В. Тардовым.

В последние пятнадцать лет наблюдается рост интереса к творчеству Хайяма как среди переводчиков, так и среди читающей публики. Пробуют свои силы в переводе Омара Хайяма все новые

и новые поэты, нередко радуя любителей поэзии удачными работами.

В журнале «Звезда Востока» (1970) выступили с совместной публикацией двадцати девяти рубаи А. Янов и Н. Леонтьев; переводы сделаны ими с узбекского, что не могло не привести к неизбежному удалению от подлинника. Леонтьев напечатал в журнале «Памир» (1978) под заголовком «Из моря мысли» подборку из 16-ти рубаи Хайяма.

В Иране, в журнале «Пайам-е навин» в 1974—1976 годах были напечатаны 10 русских переводов из Хайяма, подписанные фамилиями Забихиян и Казарян. Достаточно точно передающие основную мысль подлинника, эти переводы, однако, не поднимаются до уровня самостоятельного поэтического произведения.

Небезынтересным представляется опыт И. Налбандяна, опубликовавшего в журнале «Памир» в 1979 году переводы 21 четверостишия Хайяма с общим заглавием «Жизнь, я — твой...». Русские четверостишия наделены четким ритмом (все написаны пятистопным ямбом) и пословичной краткостью. Ниже приводим перевод Налбандяна (ср. № 315):

Сначала мы мальчишки-школяры,
Потом других таскаем за вихры.
А дунул ветер — вот и вся наука:
Мы лопнули как мыльные шары.

В оригинале:

Некоторое время мы в детстве ходили к учителям,
Некоторое время потом гордились своей ученостью.
Послушай конец повести, что случилось с нами:
Из праха появились — по ветру пронеслись.

В том же журнале «Памир» в 1982 году были напечатаны переводы пяти хайямовских рубаи, выполненные Х. Мануваховым. Познакомим читателя с образцом его работы (ср. № 210):

О ты, чью суть понять не разуму дано!
Покорен я иль нет, тебе ведь всё равно.
Пьян от грехов я, трезв от упования,
Где ж милосердие? Я жду его давно.

Перевод очень близок к подлиннику:

О ты, сущность которого не познает разум,
Не нуждающийся в покорности и непокорности моей,
Я пьян от прегрешений и трезв от упования,
Всё потому, что я надеюсь на твое милосердие.

Двадцать четверостиший из числа наиболее популярных напечатал в газете «Советская Аджария» в 1977—1978 годах и в журнале «Курьер ЮНЕСКО» за 1981 год Е. Ильин. Вот один из его переводов (ср. № 603):

Приход наш и уход, какой в них, право, прок?
Основа жизни в чем, ответить кто бы смог?
И лучших из людей спалил огонь небесный —
Лишь пепел видим мы, а где хотя б дымок?

В оригинале:

Какая польза от нашего прихода и нашего ухода?
И где основа и уток надежд нашей жизни?
Столько голов и ног красавиц мира
Сгорают и превращаются в прах, — где ж дым?

Можно выделить как весьма удачные переводы В. И. Зайцева. В интересной статье «Омар Хайям и Эдвард Фитцджеральд» (см.: Библиография, II, № 91) Зайцев приводит в своих стихотворных переводах 29 рубаи Хайяма. При полной смысловой тождественности, эти переводы воссоздают лучшие художественные качества рубаи — динамичность и законченность поэтического высказывания. Предоставим читателю возможность судить о степени близости перевода Зайцева к тексту подлинника:

Умы мудрейшие, ученые мужи,
Познания светочи, целители души,
Из тьмы ночной не вырвались на свет:
Свое отговорив, покоятся в тиши.

В подлиннике (ср. № 106):

Те, что достигли глубин мудрости и знаний
И в полноте совершенства стали светочами для других,
И они не смогли выбраться из этой темной ночи,
Рассказали сказку и погрузились в сон.

В сборник своих переводов «Великое древо. Поэты Востока» (М., 1984) С. Северцев включил 24 четверостишия Омара Хайяма. Длинные стихотворные строки (семистопный ямб) этих переводов отличает важное достоинство: они точно, строка за строкой воспроизводят текст оригинала. Покажем это на примере. Перевод Северцева (ср. № 461):

Не будь беспечен: жизнь хитра, так старцы говорят,
У злого рока меч остер, будь осторожен, брат,
И если в рот тебе судьба кусок халвы положит,
Не будь поспешен, мудрый брат: в халву подмешан яд.

В оригинале:

Будь осторожен, ибо судьба коварна,
Не будь беспечен, — меч рока остер,
Если судьба положит тебе в рот халву,
Берегись проглотить ее: к ней примешан яд!

Молодой поэт В. Микрюков опубликовал в 1984 году в газете «Ленинский путь» (Самарканд) свои первые опыты переводов Хайяма (см.: Библиография, II, № 97). Ц. Б. Бану в короткой заметке, сопровождающей стихи, оценивает их как обещающее начало, отмечая у переводчика тонкую интуицию в понимании стиля эпохи и искусство писать кратко и емко. Вот один пример из публикации Микрюкова (ср. № 297):

Всегда с собой сражаюсь, как мне быть?
Грехов своих чужаюсь, как мне быть?
Ты, может, их простишь великодушно,
Да тем, что знаешь их, терзаюсь, как мне быть?

В оригинале:

Я постоянно борюсь с вожделениями, что мне делать?
Я страдаю от своих поступков, что мне делать?
Допустим, что своим великодушием ты простишь меня,
Да от стыда за содеянное, что видел ты, — что мне делать?

Заметим, подытоживая сказанное выше, что художественный перевод персидско-таджикской поэтической классики, особенно в ее малых формах, дело крайне сложное. Сравнение языка переводимой литературы с русским показывает, что фарси — язык несравненно более экономный как в конструкциях фраз, так и в длине отдельных слов. Воспроизвести всю идейно-художественную информацию, заложенную в том или ином рубаи, не поступившись ни лапидарной формой четверостишия, ни целостностью поэтического высказывания, ни его образным строем, — задача не всегда разрешимая для переводчика. В длинных подробных переводах теряется живой ритм и эстетическая энергия рубаи, коротким русским четверостишиям угрожает опасность сбиться на однолинейный плакатный лаконизм, когда исчезает бесценная игра хайямовской мысли и вся причудливость ходов, вычерчивающих его блистательные силлогизмы.

* * *

Читательский интерес к Омару Хайяму в нашей стране очень высок. К настоящему времени советскими издательствами опубликован двадцать один сборник его четверостиший в русских стихотворных переводах.

Если не считать «Строф Нирузама», представивших творчество Омара Хайяма анонимно, в переводах-вариациях, то первый сборник русских художественных переводов Хайяма выпустило издательство «Academia» в 1935 году, когда в Советском Союзе проходил III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Изящная, небольшого формата книжка с титулом «Омар Хайям. Рубайат» (см.: Библиография, II, № 19) включает 41 четверостишие в переводах О. Румера, Л. Некоры (скрытого под псевдонимом «Л. Н.»), В. Тардова и К. Чайкина. Параллельно русским переводам в издании приведены в арабской графике подлинные тексты стихов. Короткая вступительная статья о поэте написана А. Болотниковым.

В последние двадцать лет книги русских художественных переводов Омара Хайяма издавались и переиздавались четырнадцать раз. В подавляющем большинстве (одиннадцать из четырнадцати) это были сборники, включающие переводы одного поэта: В. Державина (издавался шесть раз), И. Тхоржевского, Г. Плисецкого, Н. Стрижкова (см.: Библиография, II, № 41, 52, 59, 60, 69, 85, 100, 101). Только три хайямовских сборника вышли в свет как книги избранных переводов (см.: Библиография, II, № 48, 71, 89). Они основаны на работах О. Румера, В. Державина, И. Тхоржевского, Г. Плисецкого и Н. Стрижкова.

* * *

Учет всех публиковавшихся русских стихотворных переводов Омара Хайяма, проведенный одним из авторов этих строк — А. Ш. Шахвердовым, показывает, что свыше сорока поэтов в нашей стране выступало в печати с художественными переводами этого персидско-таджикского поэта.

К настоящему времени переведено на русский язык стихами более семисот хайямовских четверостиший. Общее число русских стихотворений — переводов из Омара Хайяма превысило четыре тысячи.

Некоторые хайямовские рубаи имеют только один перевод, некоторые пять — шесть переводов, таких не менее трехсот; четверостишия, принадлежащие к группе самых популярных, насчитывают до десяти — пятнадцати стихотворных переводов.

Сколь разнообразны — иногда очень похожие, а иногда утратившие всякую общность — могут быть работы переводчиков, имевших перед собой один и тот же подлинный текст, проиллюстрируем на одном примере (ср. № 166):

Будь весел, ибо конца страданиям не предвидится.
Не раз еще сойдутся в небесах светила в одном знаке

зодиака, [являя собой предопределение рока].
Кирпичи, что вылепят из твоего праха,
Вмажут в стену дома для других людей.

Это рубаи в публикациях подлинного текста имеет разночтения. Самое существенное из них: во второй строке вместо «карони ахтарон» («сближение двух светил в одном знаке зодиака»), как в приведенном выше дословном переводе, встречается иногда «нишони ахтарон» («следы светил»).

Ниже помещено пятнадцать переводов этого четверостишия.

1. Перевод К. Герры (1901 год):

Отдайся радости! Мученья будут вечны!
Сменяться будут дни: день — ночь, день — снова ночь;
Часы земные все малы и скоротечны,
И скоро ты уйдешь от нас отсюда прочь.

Смешаешься с землей, с комками липкой глины,
И кирпичи тобой замажут у печей,
И выстроят дворец для низменной скотины,
И на закладке той насажат ряд речей.

А дух твой, может быть, блую оболочку
Назад, к себе опять, напрасно будет звать!
Так пой же, веселись, пока дают отсрочку
И смерть еще тебя не вышла навещать.

2. Перевод В. Л. Величко (1903 год):

О друг, будь весел и беспечен!
День скорби будет бесконечен —
И в сочетанье роковом,
Сойдясь на небе голубом,
Светила встретятся лучами,
Твой прах землю, кирпичами
Мгновенно станет — и из них
Дворцы построят для других.

3. Перевод А. Грузинского (1931 год):

Пускай сейчас твоя душа не тужит,
Ты будешь вечной мукою томим:
Кирпич из праха твоего послужит
Для выстройки домов другим.

4. Перевод О. Румера (1935 год):

Пей! Будет много мук, пока твой век не прожит,
Стечение планет не раз людей встревожит.
Когда умрем, наш прах пойдет на кирпичи
И кто-нибудь себе из них хоромы сложит,

5. Перевод С. Кашеварова (1935 год):

Горе беспредельное у нас впереди;
Встреча двух планет в недобрый час впереди;
Радуйся ж при жизни! После смерти у тебя —
Участь кирпича чужих террас впереди.

6. Перевод А. Старостина (1959 год):

Будь весел — никогда пределу горя нет.
Планеты в небесах не раз прочертят след.
Из праха твоего налепят кирпичей,
И в стены дома их уложит твой сосед.

7. Перевод В. Державина (1965 год):

Будь весел! Море бедствий бесконечно,
Круговорот светил пребудет вечно.
Но завтра ты пойдешь на кирпичи
У камешка под рукой беспечной.

8. Перевод В. Державина (1965 год):

Не сетуй! Не навек юдоль скорбей,
И есть в веках предел вселенной всей.
Твой прах на кирпичи пойдет и станет
Стеною дома будущих людей.

9. Перевод Л. Пеньковского (1971 год):

Будь весел, ибо скорбь земная бесконечна
И звезды на небе сходясь будут вечно.
Сам прахом станешь ты, а прах твой кирпичом,
Кирпич — стеной жилья, — не твоего, конечно!

10. Перевод Г. Плисецкого (1971 год):

Веселись! Невеселые сходят с ума.
Светит вечными звездами вечная тьма.
Как привыкнуть к тому, что из мыслящей плоти
Кирпичи изготовят и сложат дома?

11. Перевод Н. Стрижкова (1975 год):

Будь весел. Ведь невзгоды будут бесконечно
И звезды восходить на небе будут вечно.
Наш прах пойдет на кирпичи домов,
Другие смертные уложат их беспечно.

12. Перевод Е. Ильина (1977 год):

Будь весел — всё равно не переждать невзгоды
И в небе не собрать звезд бесконечных восходы.
А прах твой в кирпичи замесят, выйдет срок, —
В домах других людей держать сможешь своды.

13. Перевод Н. Стрижкова (1980 год):

Не горюй, бесконечна небес кутерьма,
День блеснет, и опять опускается тьма.
Через тысячу лет прах наш с глиной смешают.
Превратят в кирпичи и построят дома.

14. Перевод Исмаила Алиева (1982 год):

Будь весел, ведь невзгодам нет конца
И вечно звездам на небе мерцать.
Умрем — и некто кирпичи из праха
Уложит в стены своего дворца.

15. Перевод Г. Семенова (1983 год):

Будь беспечен — печали не будет конца!
Будут звезды на небе сиять для глупца.
Из подножного праха, что был твоим телом,
Люди спят кирпич для постройки дворца.

Как мы видим, три перевода — № 7, 9 и 11, выполненные соответственно Державиным, Пеньковским и Стрижковым, очень похожи, они почти дословно повторяют друг друга, у них даже одни и те же рифмы: в № 7 и 11 бесконечно — вечно — беспечно, в № 9 бесконечна — вечно — конечно. По-видимому, все три перевода сделаны с одного подстрочника, опубликованного в издании Хайяма 1959 года (см.: Библиография, II, № 32, ч. II, рубаи № 148). Это тот случай, который можно назвать «плен подстрочника»: рифма в трех приведенных выше примерах задана именно этим напечатанным до-

словным переводом, первая строка которого — «Будь весел, ибо невзгоды будут бесконечно...». Напротив, Плисецкий (№ 10), придерживающийся творческого подхода к переводу, совсем разорвал все связи с буквальным текстом рубаи: русское четверостишие дает очень поэтичную трактовку произведению Хайяма, но несколько произвольную.

Переводческая судьба этого четверостишия Хайяма весьма показательна, можно было бы привести еще не менее трех десятков только самых длинных серий русских художественных переводов одного и того же рубаи, среди которых встречаются и первый и второй типы переводческой работы.

Это наблюдение верно для всей коллекции переводов хайямовских четверостиший русскими стихами. Огромная популярность Омара Хайяма, особенно в последние десятилетия, привела к двум нежелательным явлениям. Переводы множатся, порождаемые в значительной части опубликованным подстрочником 1959 года (в нем двести девяносто три четверостишия) без достаточного учета работы предшественников. Возникают переводы-близнецы, переводы-аналоги, однообразные и по художественной интерпретации, и даже по лексике. С другой стороны — существует уже немало повторных переводов, настолько далеко отошедших от дословного Хайяма, что они с трудом поддаются идентификации с подлинником и неправомерно получают литературное обращение, как разные, совершенно самостоятельные хайямовские стихотворения.

Вот два первоклассных перевода Хайяма (ср. № 430):

Когда пустился в бег златой небесный свод?
Когда поглотит смерть всё, что под ним живет?
На это дать ответ людской не в силах разум:
Бесчисленным векам он потеряет счет.

Это — перевод О. Румера. Нижеследующий перевод — Г. Плисецкого:

Круг небес ослепляет нас блеском своим,
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим.

Читатель вряд ли разглядит в них один и тот же текст хайямовского рубаи.

Повторные переводы включаются на правах самостоятельных стихотворений в сборники Омара Хайяма. Например, в полиграфически прекрасно выполненной книге «Омар Хайям. Рубаи», опубликованной

в Ташкенте двумя изданиями, в 1977 и 1981 годах (см.: Библиография, II, № 71, 89), где впервые была сделана ценная попытка отобрать лучшие из русских переводов, попало несколько десятков переводов-двойников. Есть случаи, когда одно рубаи представлено в трех переводах, приведем один из примеров (ср. № 159, 360, 436):

Не прав, кто думает, что бог неумолим,
Нет, к нам он милосерд, хотя мы и грешим.
Ты в кабаке умри сегодня от горячки, —
Сей грех он через год простит костям твоим.

(Перевод О. Румера)

Я при жизни не в силах грехов побороть,
Над душою царит ненасытная плоть.
Но я верю в великую милость господню:
После смерти простит мои кости господь.

(Перевод Н. Стрижкова)

Веселясь беззаботно, греша без конца,
Не теряю надежды на милость творца.
Снова пьяный мертвецки лежу под забором,
Лягу в землю — создатель простит мертвеца.

(Перевод Г. Плисецкого)

Любопытно отметить, что рождение двух-трех псевдосамостоятельных рубаи из одного подлинника возникает не только под пером разных переводчиков, но иногда в процессе работы одного поэта. Выше мы упоминали, что такая ошибка вкралась в собрание переводов В. Державина. Покажем это на одном примере. В хайямовском сборнике В. Державина 1965 года (см.: Библиография, II, № 41) напечатан под № 108 перевод (ср. № 223):

Не порочь лозы-невесты, непорочной виноградной,
Над ханжею злой насмешкой насмехайся беспощадно.
Кровь двух тысяч лицемеров ты пролей, в том нет греха,
Но, цедя вино из хума, не разлей струи отрадной!

И ниже, под № 395 второй перевод того же рубаи:

Кровь влюбленных не лей, их живые сердца пожалей,
Лучше кающихся как опасных безумцев убей.
Лучше кровь этих тысяч от мира ушедших аскетов
Ты железом пролей, но ни капли вина не пролей!

Нераспознанные переводы-двойники создают неверное представление о самом фонде хайямовских четверостиший и еще более запутывают вопрос об истинном литературном наследии Омара Хайяма.

Предлагаемая читателю книга — первая попытка обобщить весь уже почти столетний опыт перевода Омара Хайяма в нашей стране — ставит своей задачей дать полное собрание четверостиший, «странствующих» под именем Хайяма, которые были переведены к настоящему времени русскими стихами. В книгу включены переводческие работы сорока представленных читателю в настоящем очерке поэтов (о переводах новых хайямовских четверостиший сказано в конце книги), отобранные как наиболее удачные, то есть неискаженно воспроизводящие подлинник хорошими русскими стихами.

В процессе тщательной идентификации всех художественных переводов с персидско-таджикским текстом отмеченные выше ошибки выявлены и устранены.

З. Н. Ворожейкина
А. Ш. Шахвердов

РУБАИ

I

1

Ах, сколько, сколько раз, вставая ото сна,
Я обещал, что впредь не буду пить вина.
Но нынче, господи, я не даю зорка:
Могу ли я не пить, когда пришла весна?

2

Когда-нибудь, огнем любовным обуян,
В душистых локонах запутавшись и пьян,
Паду к твоим ногам, из рук роняя чашу
И с пьяной головы растрепанный тюрбан.

3

Как чаша, опрокинут над нами небосвод,
Он всё живое давит и разум наш гнетет.
А посмотри, как нежно слились, уста к устам,
В лобзанье чаша с кубком, хоть кровь и там
течет.

4

Извергнут страстью, пламенем пылавшей,
Ты каплей влаги был, тебя зачавшей,
А завтра ветер прах развеет твой.
Так насладись мгновением за чашей!

5

Вы, злодейству которых не видно конца,
В Судный день не надейтесь на милость творца!
Бог, простивший не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зло подлеца.

6

Утром роза раскрыла под ветром бутон,
И запел соловей, в ее прелесть влюблен.
Сядь в тени. Этим розам цвести еще долго,
Когда будет наш горестный прах погребен.

7

О, доколе ты по свету будешь кружить,
Жить — не жить, ненасытному телу служить?
Где, когда и кому, милый мой, удавалось
До потери желаний себя ублажить?

8

Я раскаянья полон на старости лет.
Нет прощенья мне, оправдания нет.
Я, безумец, не слушался божьих велений —
Делал всё, чтобы только нарушить запрет!

9

Друг, не тревожься, удел свой вверяя судьбе,
И не горюй о потерях в напрасной борьбе,
Ибо, когда разорвется каба твоей жизни, —
Что не сбылось, что сбылось — безразлично тебе.

15

Поглядите: валяется пьяный старик.
Он лишился рассудка — и бога постиг!
Он в дорожную пыль головою поник,
Бормоча: «Милосерден аллах и велик!»

16

Для того, кто усами кабак подметал,
Кто швырял, не считая, презренный металл,
Пусть столкнутся миры и обрушится небо —
Для него всё равно: пьяный, он задремал...

17

Ты, который ушел и пришел со согбенным хребтом,
Ты, чье имя забыто в мятущемся море людском,
Стал ослом, твои ногти срослись, превратились
в копыта,
Борода твоя выросла сзади и стала хвостом.

18

Милосердия, сердце мое, не ищи,
Правды в мире, где ценят вранье, — не ищи.
Нет еще в этом мире от скорби лекарства.
Примиришь — и лекарств от нее не ищи.

19

Если в лучах ты надежды — сердце ищи себе, сердце,
Если ты в обществе друга — сердцем гляди в его сердце.
Храм и бесчисленность храмов меньше, чем малое
сердце,
Брось же свою ты Каабу, сердцем ищи себе сердце.

20

Не растрчивай эту двухдневную жизнь:
Получивши отсрочку — с вином подружись.
С виду крепкое здание держится еле —
Так что, пьяный, и ты на ногах не держись!

21

Когда я чару взял рукой и выпил светлого вина,
Когда за чарою другой вновь чара выпита до дна,
Огонь горит в моей груди и как в лучах светла волна,
Я вижу тысячу волшебств, мне вся вселенная видна.

22

Снеся в кабак одежды, мы бражничаем в нем,
Теряя и надежды, и страх пред Судным днем;
Тела, сердца и души вознесены вином
Над воздухом, землею, водою и огнем.

23

Буду пьянствовать я до конца своих дней,
Чтоб разило вином из могилы моей,
Чтобы пьяный, пришедший ко мне на могилу,
Стал от винного запаха вдвое пьяней!

24

Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
Что вчера утекла? Если — да, то — когда?»
Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят —
Разрешит все вопросы сковорода!»

25

Покупаю вино, а блаженство в раю
Я любому, кто хочет купить, продаю.
Верь в обещанный рай, если хочется верить.
И ступай куда хочешь, покуда я пью!

26

О глупец, ты, я вижу, попал в западню,
В эту жизнь быстротечную, равную дню.
Что ты мечешься, смертный? Зачем суетишься?
Дай вина — а потом продолжай беготню!

27

Хочешь — пей, но рассудка спьяна не теряй,
Чувства меры спьяна, старина, не теряй,
Берегись оскорбить благородного спьяну,
Дружбы мудрых за чашей вина не теряй.

28

Кто всегда недовольный и грустный сидит,
Тот судьбу повергает в смятенье и стыд.
Пей, Хайям, пока чаша твоя не разбилась,
Веселись, пока нежная флейта звучит.

29

Пусть сердце мир себе державой требует
И вечной жизни с вечной славой требует,
А смерть наводит лук — и от него
Всей жизни жертвою кровавой требует.

30

Не горюй, что забудется имя твое.
Пусть тебя утешает хмельное питье.
До того как суставы твои распадутся —
Утешайся с любимой, лаская ее.

31

Когда вырвут без жалости жизни побег,
Когда тело во прах превратится навек —
Пусть из этого праха кувшин изготовят
И наполнят вином: оживет человек!

32

Когда тело мое на кладбище снесут —
Ваши слезы и речи меня не спасут.
Подождите, пока я не сделаюсь глиной,
А потом из меня изготовьте сосуд.

33

Пока перед скитанием ворота не откроешь — не жди отрады.
Покамест кровью сердца лицо ты не омоешь — не жди отрады.
Зачем скорбеть о мире? Влюбленным уподобясь, уйди от мира,
Пока, от «я» отрехшись, себя не успокоишь — не жди отрады.

34

Пока медресе и мечети во прах не падут,
Дела мудрецов-каландаров на лад не пойдут.
Покамест неверием вера, а верой неверье не станут, —
Поверь мне, — средь божьих рабов мусульман не найдут.

35

В Книге Судеб ни слова нельзя изменить.
Тех, кто вечно страдает, нельзя извинить.
Можешь пить свою желчь до скончания жизни:
Жизнь нельзя сократить и нельзя удлинить.

36

Деяньями этого мира разум мой сокрушен,
Мой плащ на груди разодран, ручьями слез орошен.
Фиал головы поникшей познания вином не наполнить, —
Нельзя ведь сосуд наполнить, когда опрокинут он,

37

Пока твой не смешали с гончарной глиной прах,
Пока другим не служишь ты кружкой на пирах,
Пей сам, скорее, чаще! Про ад и рай забудь...
Нет времени нам думать о всяких пустяках.

38

Чуть розы станут чашами с вином,
Нарцисс от жажды полнится огнем.
Блаженно сердце в том, кто, упоенный,
У двери кабака лежит пластом.

39

От притворной любви — утоления нет,
Как ни светит гнилушка — горения нет.
Днем и ночью влюбленному нету покоя,
Месяцами минуты забвения нет.

40

Вино — это крылья влюбленных, исполненных пыла.
Вино — это роза и блеск на ланитах у милой.
Мы не пили в дни рамазана. И он миновал...
Скорее б шаввала прекрасная ночь наступила!

41

Пусть буду я сто лет гореть в огне,
Не страшен ад, приснившийся во сне;
Мне страшен хор невежд неблагородных, —
Беседа с ними хуже смерти мне.

42

За пьянство господом не буду осужден:
Что стану пьяницей, от века ведал он.
Когда бы к трезвости я сердцем был привержен,
Всеведенью творца нанес бы я урон.

43

Для достойного — нету достойных наград,
Я живот положить за достойного рад.
Хочешь знать, существуют ли адские муки?
Жить среди недостойных — вот истинный ад!

44

Пристрастился я к лицам румянее роз,
Пристрастился я к соку божественных лоз.
Из всего я стараюсь извлечь свою долю,
Пока частное в целое не влилось.

45

Как нужна для жемчужины полная тьма —
Так страданья нужны для души и ума.
Ты лишился всего, и душа опустела? —
Эта чаша наполнится снова сама!

46

Из сиреновой тучи на зелень равнин
Целый день осыпается белый жасмин.
Наливаю подобную лилии чашу
Чистым розовым пламенем — лучшим из вин,

47

Двери в рай всемогущий господь затворил
Для того, кто из глины бутыль сотворил.
Как же быть, милосердный, с бутылью из тыквы?
Ты об этом, по-моему, не говорил.

48

Стоит власти над миром хороший глоток,
Выше истины выпивку ставит знаток.
Белоснежной чалмы правоверного шейха
Стоит этот, вином обагранный, платок.

49

Стоит царства китайского чарка вина,
Стоит берега райского чарка вина.
Горек вкус у налитого в чарку рубина —
Эта горечь всей сладости мира равна.

50

В аду сгорают не души, а тела,
Не мы, а наши грешные дела;
Я омочил и сунул в пламя руку:
Вода сгорела, а рука... цела.

51

За постным рамазаном и праздник настает:
Здесь сказочник веселый собрал вокруг народ,
А там носильщик с мехом тяжелым на плече,
Толкая всех прохожих, для нас вино несет.

52

В этом году в рамазане цвет распустился в садах,
И тяжелее оковы у разума на ногах.
Если бы люди решили, что наступил шаввал,
Если б запиروвали, — дай, всемогущий аллах!

53

Когда фиалки льют благоуханье
И веет ветра вешнего дыханье,
Мудрец — кто пьет с возлюбленной вино,
Разбив о камень чашу покаянья.

54

Всё пройдет — и надежды зерно не взойдет,
Всё, что ты накопил, ни за грош пропадет.
Если ты не поделишься вовремя с другом —
Всё твое достоянье врагу отойдет.

60

Жизнь мгновенная, ветром гонима, прошла,
Мимо, мимо, как облако дыма, прошла.
Пусть я горя хлебнул, не хлебнув наслажденья, —
Жалко жизни, которая мимо прошла.

61

Жизнь пронесется, как одно мгновенье,
Ее цени, в ней черпай наслажденье.
Как проведешь ее — так и пройдет,
Не забывай: она — твое творенье.

62

Ты перестань себя держать в такой чести,
О бренности того, что дышит, не грусти!
Пей! Жизнь, которая идет навстречу смерти,
Не лучше ли во сне иль в пьянстве провести?

63

Когда под утренней росой дрожит тюльпан
И низко, до земли, фиалка клонит стан,
Любуюсь розой я: как тихо подбирает
Бутон свою полу, дремотой сладкой пьян!

64

Моей руке держать кувшин вина — отрада;
Священных свитков ей касаться и не надо:
Я от вина промок, — не мне, ханжа сухой,
Не мне, а вот тебе опасно пламя ада.

65

Не допускай, чтобы тоска в груди твоей кипела,
Чтоб о насилии судьбы тобою мысль владела.
Ты пей вино на берегу бегущего ручья,
Пируй, пока земля твое не поглотила тело.

66

Так как разум у нас в невысокой цене,
Так как только дурак безмятежен вполне —
Утоплю-ка остаток рассудка в вине:
Может статься, судьба улыбнется и мне!

67

Старость — дерево, корень которого сгнил.
Возраст алые щеки мои посинил.
Крыша, дверь и четыре стены моей жизни
Обветшали и рухнуть грозят со стропил.

68

Ты половину хлебца добыл в пищу,
Тебя согрело бедное жилище,
Ты раб ничей и господин н и ч е й , —
Поистине везет тебе, дружище!

69

Я болен, духовный недуг мое тело томит,
Отказ от вина мне воистину смертью грозит.
И странно, что сколько я не пил лекарств и
бальзамов —
Всё вредно мне! Только одно лишь вино не вредит.

70

Я страдать обречен до конца своих дней,
Ты же день ото дня веселишься сильней.
Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
Много хитрых уловок в запасе у ней.

71

Цветочек вывел ли из почвы рок хоть раз,
Чтоб не сломить его, не растоптать тотчас?
Когда бы облака, как влагу, прах копили —
Из них бы милых кровь без усталы лилась.

72

Все недуги сердечные лечит вино.
Муки разума вечные лечит вино.
Эликсира забвения и утешенья
Не страшитесь, увечные, — лечит вино!

73

Вино запрещено, но есть четыре «но»:
Смотря кто, с кем, когда и в меру ль пьет вино.
При соблюдении сих четырех условий
Всем здравомыслящим вино разрешено.

74

Зложелатель никогда цели не достигнет.
Сделай зло — и зло в ответ злобного постигнет.
Я хочу тебе добра — ты мне зла желаешь,
Злись, почтенный, — но меня злоба не настигнет.

75

Вождедея, желаний своих не таи,
В лапах смерти угаснут желанья твои.
А пока мы не стали безжизненным прахом —
Виночерпий, живую водой напой!

76

Нищий мнит себя шахом, напившись вина,
Львом лисица становится, если пьяна,
Захмелевшая старость беспечна, как юность,
Опьяневшая юность, как старость, умна.

77

Великодушья твоего святой аскет не знает,
Так, как тебя я изучил, и целый свет не знает.
Ты говорил — повергнешь в ад меня, коль согрешу.
Скажи об этом — мой совет — тем, кто тебя не знает.

78

Пить вино зарекаться не должен поэт.
Преступившим зарок — оправдания нет.
Соловьи надрываются, розы раскрыты...
Разве можно давать воздержанья обет?!

79

Я буду пить, пока мой век во тьму не канет.
Пусть прибыль всей земли мне разореньем станет.
О ты, душа миров! Здесь в мире пьян я буду
И в рай войду, когда мой дух тебе предстанет.

80

Правда в сердце у мудрого долго таится,
Словно птица Анка, потаенная птица.
Так в жемчужницу капля морская внедрится,
Чтобы ясным сиянием втайне налиться.

81

Слышал я, что в раю, мол, сады и луга,
Реки меда, кисельные, мол, берега.
Дай мне чашу вина! Не люблю обещаний.
Мне наличность презренная дорога.

82

Обета трезвости не даст, кому вино —
Из благ — сладчайшее, кому вся жизнь оно.
Кто в рамазане дал зарок не пить — да будет.
Хоть не свершать намаз ему разрешено.

83

Чуть ясной синевой зыграет день в окне,
Прозрачного вина желанна влага мне.
Раз принято считать, что истина горька,
Я вывод делаю, что истина — в вине!

84

Без меня собираясь в застолье хмельном,
Продолжайте блистать красотой и умом.
Когда чаши наполнит вином виночерпий —
Помяните ушедшего чистым вином!

85

Когда вы за столом, как тесная семья,
Опять усядетесь — прошу вас, о друзья,
О друге вспомянуть и опрокинуть чашу
На месте, где сидел средь вас, бывало, я.

86

Коль ты мне друг, оставь словесную игру
И мне вина налей; когда же я умру,
Из праха моего слепив кирпич, снеси ты
Его в кабак и там заткни в стене дыру.

87

Напоите меня, чтоб уже не пилось,
Чтоб рубиновым цветом лицо налилось!
После смерти — вином мое тело омойте,
А носилки для гроба сплетите из лоз.

88

Прошу могилу мне с землей сровнять, да буду
Смиренья образцом всему честному люду;
Затем, смесив мой прах с пурпуровым вином,
Покрышку вылепить к кабацкому сосуду.

89

О жестокое небо, безжалостный бог!
Ты еще никогда никому не помог.
Если видишь, что сердце обуглено горем, —
Ты немедля еще добавляешь ожог.

90

С тех пор как на небе Венера и Луна,
Кто видел что-нибудь прекраснее вина?
Дивлюсь, что продают его виноторговцы:
Где вещь, что ценностью была б ему равна?

91

А скоро, говорят, наступит строгий пост,
На месяц мне к вину разрушен будет мост;
Но я зато напьюсь в конце шабана так,
Что рамазан просплю — ведь я не так уж прост.

92

Уж мне плащом приличий кувшина не прикрыть,
И я до самой смерти не перестану пить.
Нелепые расчеты у продавца вина:
Ну что ценнее, лучше он думает купить?

93

До щек ее добраться — нежных роз?
Сначала в сердце тысячи заноз!
Так гребень: в зубья мелкие изрежут,
Чтоб слаще плавал в роскоши волос!

94

Увы, для сердца моего лекарства не нашлось.
Душа болит, мне никого любить не довелось.
В неведении чар любви я подхожу к концу.
Любовь — сказанье! И его прочесть мне
не пришлось.

95

И я, седобородый, в синок любви попал,
И вот в руке сверкает искрящийся бокал!
Рассудок терпеливый сшил мне халат заслуг,
А рок мой прихотливый всё в ключья изорвал.

96

Благородство и подлость, отвага и страх —
Всё с рожденья заложено в наших телах.
Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже —
Мы такие, какими нас создал аллах!

97

Тот фиал, что был красив и нов,
На дороге — кучей черепков.
Не ступай с презреньем на него,
Сделан он из чаш людских голов.

98

Судьбу того решили уж давно,
Кому в песках кручин плестись дано.
Сегодня выдумать предлог нетрудно,
А завтра — будет что предрешено.

99

Росток мой — от воды небытия,
От пламени скорбей — душа моя.
Как ветер, я кружу, ишу по свету —
Где прах, в который превратился я?

100

Никто из тех, кто гонит из фиников вино,
И тех, что ночь проводят в молитве, всё равно
Не знают твердой почвы; все тонут, как в волнах.
Не спит один, а в мире всё в сон погружено.

101

И старые, и юные умрут,
Чредой уйдут, побыв недолго тут.
Нам этот мир дается не навеки,
Уйдем и мы, и те, что вслед придут.

102

Часть людей обольщается жизнью земной,
Часть — в мечтах обращается к жизни иной.
Смерть — стена. И при жизни никто не узнает
Высшей истины, скрытой за этой стеной.

103

Всех нас в харабате нашли, в майхану привели,
И чаши тюльпаноцветным вином расцвели.
Сказал я: «К вину хорошо бы кебаб на закуску!»
И сердце исторгли мое, и кебаб принесли.

104

В день, когда оседлали небес скакуна,
Когда дали созвездиям их имена,
Когда все наши судьбы вписали в скрижали, —
Мы покорными стали. Не наша вина.

105

Из тех, что мир прошли и вдоль и поперек,
Из тех, кого творец на поиски обрек,
Нашел ли хоть один хоть что-нибудь такое,
Чего не знали мы и что пошло нам впрок?

106

Великие, что знания стяг взметнули,
Светилами поэзии сверкнули,
И те из тьмы не вырвались ночной —
Нам сказку рассказали и уснули.

107

Тот, кто с юности верует в собственный ум,
Стал в погоне за истиной сух и угрюм.
Притязующий с детства на знание жизни,
Виноградом не став, превратился в изюм.

108

Прятелей сердечных пожрала пустота,
Передавила грешных тяжелая пята.
Здесь на пиру сморило их раньше нас вино,
Два лишние глотка замкнули им уста.

109

Те, кому была жизнь полной мерой дана,
Одурманены хмелем любви и вина.
Уронив недопитую чашу восторга,
Спят вповалку в объятиях вечного сна,

110

«Надо жить, — нам внушают, — в постах
и труде,
Как живете вы — так и воскреснете-де!»
Я с подругой и с чашей вина неразлучен —
Чтобы так и проснуться на Страшном суде.

111

Метнул рассвет на кровли сноп огня
И кинул в кубок шар владыки дня.
Пригубь вино! Звучит в лучах рассвета
Призыв любви, вселенную пьяня.

112

Созвездия в заоблачной дали
Раздумьям тщетным многих обрекли.
Одумайся, побереги рассудок —
Мудрейшие и те в тупик зашли.

113

Будешь в обществе гордых ученых ослов,
Постарайся ослом притвориться без слов,
Ибо каждого, кто не осел, эти дурни
Обвиняют немедля в подрыве основ.

114

Если некто, у нас не спросясь, наши судьбы
предначертал,
Что же зло свое и добро нам с тобою он приписал?
Ведь вчерашний день был без нас, как и завтра будет
без нас.
На каких же счетах всё зло он тебе и мне присчитал?

115

Тот избранный, кем путь познания начат,
Кто в небе на Бураке мысли скачет,
Главой поник, познавши суть свою,
Как небо, — и в растерянности плачет.

116

Когда последний день придет ко мне
И в прахе я почию в вечном сне,
Кирпич мне в изголовье положите,
Чью глину замесите на вине.

117

Когда от жизненных освобожусь я пут
И люди образ мой забвенью предадут,
О, если бы тогда — сказать ли вам? —
для пьяниц
Из праха моего был вылеплен сосуд!

118

Я презираю лживых, лицемерных
Молитвенников сих, ослов примерных.
Они же, под завесой благочестья,
Торгуют верой хуже всех неверных.

119

У занимающих посты больших господ
Нет в жизни радостей от множества забот,
А вот подите же: они полны презренья
Ко всем, чьи души червь стяжанья не грызет.

120

Те гончары, что глину мнут ногами,
Когда б хоть раз раскинули мозгами —
Не стали б мять. Ведь глина — прах отцов.
Нельзя же так вести себя с отцами!

121

На чьем столе вино, и сладости, и плов?
Сырого неуча. Да, рок — увы — таков!
Турецкие глаза — прекраснейшие в мире —
Находим у кого? Обычно у рабов.

122

Не избежать конца пути земного,
Вели же принести вина хмельного!
Глупец, ведь ты не золото, тебя,
Раз закопав, не откопают снова.

123

Пусть не жадность, а радость владеет тобой,
Постарайся поладить с коварной судьбой.
Будь всегда неразлучен с любимой и с чашей,
Дни проходят неслышной, поспешной стопой.

124

Я знаю этот вид напыщенных ослов:
Пусты, как барабан, а сколько громких слов!
Они — рабы имен. Составь себе лишь имя,
И ползать пред тобой любой из них готов.

125

Сверлильщики словесных жемчугов,
Искатели божественных основ,
Разгадки главной тайны не узнав,
Ушли из мира этого, потратив много слов.

126

Те, что ясной мысли жемчуга сверлили,
О природе бога много говорили,
Так и не узнав разгадки главной тайны,
Поболтали праздно, а потом — почили.

127

О сердце, не ищи свидания с больным,
Покинут, брошен он, что ж заниматься им?
Дервишей посещай, и будет, может быть,
Сам бога послушник наставником твоим.

128

В харабате, в обители чистых душою мужей,
Я сидел средь кумиров, весеннего утра свежей.
Виночерпий с кувшином в руке и певец возглашали:
«Всё пройдет! Не на век нам даны эти несколько
дней!»

129

Тот, кто следует разуму, — доит быка.
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

130

Лицемеры, что жизнью кичатся святой,
Грань кладут между телом и вечной душой.
Полный кубок вина я поставлю на темя,
Если даже мне темя разрежут пилой.

131

Снова юные розы украсили мир,
Прикажи, чтоб вина нам подали, кумир.
О загробном блаженстве и муках не думай, —
Этот вздор только в сказках уместен и мил.

132

Не осталось мужей, коих мог уважать,
Лишь вино продолжает меня ублажать.
Не отдергивай руку от ручки кувшинной,
Если в старости некому руку пожать.

133

Не выращивай в сердце печали росток,
Книгу радостей выучи назубок,
Пей, приятель, живи по велению сердца:
Неизвестен отпущенный смертному срок.

134

Бог дает, бог берет — вот и весь тебе сказ.
Что к чему — остается загадкой для нас.
Сколько жить, сколько пить — отмеряют на глаз,
Да и то норовят не долить каждый раз.

135

Все цветы для тебя в этом мире цветут,
Но не верь ничему — всё обманчиво тут.
Поколения смертных придут — и уйдут.
Рви цветы — и тебя в свое время сорвут.

136

Пришла весна! Гляди, леса — всё зеленее,
Сверкают на ветвях ладони Моисея,
Пестрят в лугах цветы, светясь, как Иисус,
И облака плывут, на землю слезы сея.

137

Даже гений — творенья венец и краса —
Путь земной совершает за четверть часа.
Но в кармане земли и в подоле у неба
Живы люди — покуда стоят небеса!

138

Пылай во мне к тюльпаноликим страсть,
Пои всегда, хмельная чаша, власть!
Твердят: «Аллах раскаянье дарует».
Да обойдет меня сия напасть!

130

В надеждах ветру дал развеять я жизни срок,
Быть радостным хоть день один не дал мне рок,
Теперь, боюсь, стал слишком кратким мой срок,
От рока справедливости дождаться смог!

чтоб я

140

Пусть будет, пьяницы, кабак наполнен вами,
Плащи ханжей святых пускай охватит пламя,
Клочки почтенных ряс из шерсти голубой
Пускай волочатся под пьяными ногами!

141

Нет, никто не раскрывал тайн извечных бытия,
Шагу в сторону ступить не дает нам колея.
Кто от матери рожден, только скорбью полон он.
От начала до конца — только это вижу я.

142

Творец всего, вселенной шахиншах,
Кто шрамы горя выжиг на сердцах,
О, сколько уст рубиновых упрятал
В ларцы из праха, где хранится прах!

143

Мы с тобою — добыча, а мир — западня.
Вечный ловчий нас травит, к могиле гоня.
Сам во всем виноват, что случается в мире,
А в грехах обвиняет тебя и меня.

144

Нежным женским лицом и зеленой травой
Буду я наслаждаться, покуда живой.
Пил вино, пью вино и, наверное, буду
Пить вино до минуты своей роковой!

145

Не таи в своем сердце обид и скорбей,
Ради звонкой монеты поклонов не бей.
Если друга ты вовремя не накормишь —
Всё сожрет без остатка наследник-злодей.

146

Раз хоть бы судьба мои устроила дела!
День бы отдохнуть мне от горестей дала!
Только я обрадуюсь, а смотришь: уж она
В руки ста печалей меня вновь предала.

147

Скоро праздник великий, аллаху хвала!
Скоро всё это стадо пропъется дотла:
Воздержанья узду и намордник намаза
Светлый праздник господень снимает с осла!

148

Аллахом нам в раю обещано вино,
А стало быть, и здесь дозволено оно:
Тому арабу лишь, который изувечил
Верблюда у Хамзы, оно запрещено.

149

Отрекусь от поста и пещер в этом мире земном.
Пусть я волосом бел, буду вечно дружить я с вином.
В чаше жизни моей семь десятков исполнилось весен,
Если мне не теперь пировать, то когда же потом?

150

Сокровенною тайной с тобой поделюсь.
В двух словах изолью свою нежность и грусть.
Я во прахе с любовью к тебе растворюсь,
Из земли я с любовью к тебе поднимусь.

151

Единым кубком я прикончу грусть,
Затем еще двумя обогашусь,
Тройным разводом я покончу с верой
И на тебе, о дочь лозы, женюсь.

152

Скакуна твоего, небом избранный шах,
Подковал золотыми гвоздями аллах,
Путь-дорогу серебряным выстелил снегом,
Чтоб копыта его не ступали во прах.

153

Так как собственной смерти отсрочить нельзя,
Так как свыше указана смертным стезя,
Так как вечные вещи не слепишь из воска —
То и плакать об этом не стоит, друзья!

154

Свершить здесь омовенье ты можешь лишь вином,
А им не смыть порухи на имени твоём.
Да что там! Покрывало воздержности святой
В лохмотья изодралось, и дыр мы не зашьём.

155

Да, виноградная лоза к пятам
Моим пристала, на смех дервишам.
Но из души моей, как из металла,
Куется ключ, быть может — к небесам.

156

Тот гончар, что слепил чаши наших голов,
Превзошел в своем деле любых мастеров.
Над столом бытия опрокинул он чашу
И страстями наполнил ее до краев.

157

Не смотри, что иной выше всех по уму,
А смотри, верен слову ли он своему:
Если он своих слов не бросает на ветер —
Нет цены, как ты сам понимаешь, ему.

158

За грош дадут лепешек на два дня,
Кувшин водой наполнится, з в е н я , —
И надо ли, чтоб меньший звал владыкой
Иль равный чтоб слугою звал меня!

159

Не холоден, не жарок день чудесный.
Цветы лугов обрызгал дождь небесный.
И соловей поет — мы будем пить! —
Склоняясь к розе, смуглой и прелестной.

160

Строителя увидел я, что возводил жильё,
Ногами глину он топтал и унижал ее.
А глина молвила ему: «Полегче! Близок час —
Получит столько же пинков и естество твое!»

161

Жизнь — то шербет на льду, а то — отстой вина,
Плоть брeнная в парчу, в тряпье ль облачена —
Всё это мудрецу, поверьте, безразлично,
Но горько сознавать, что жизнь обречена.

162

Кто в чаше Жизни капелькой блеснет —
Ты или я? Блеснет и пропадет...
А виночерпий Жизни — миллионы
Лучистых брызг и пролил, и прольет...

163

Говорят: «Будут гурии, мед и вино —
Все улады в раю нам вкусить суждено».
Потому я повсюду с любимой и с чашей —
Ведь в итоге к тому же придем всё равно.

164

Египет, Рим, Китай держи ты под пятой,
Владыкой мира будь — удел конечный твой
Ничем от моего не будет отличаться:
Три локтя савана и пядь земли сырой.

165

Веселись! В мире всё быстротечно, мой друг.
Дух расстанется с телом навечно, мой друг.
Эти чаши голов, что столь гордо мы носим,
На горшки перелепят беспечно, мой друг.

166

Пей! Будет много мук, пока твой век не прожит.
Стечение планет не раз людей встревожит;
Когда умрем, наш прах пойдет на кирпичи
И кто-нибудь себе из них хоромы сложит.

167

Мы уйдем без следа — ни имен, ни примет.
Этот мир простоит еще тысячи лет.
Нас и раньше тут не было — после не будет.
Ни ущерба, ни пользы от этого нет.

168

Всё не по-нашему свершается кругом,
Недостижима цель в скитании земном.
И в думах горестных сидим на перепутье —
Что поздно мы пришли, что рано мы уйдем.

169

Кого из нас не ждет последний Страшный суд,
Где мудрый приговор над ним произнесут?
Предстанем же в тот день, сверкая белизною:
Ведь будет осужден весь темноликий люд.

170

«А вот, — вставляет кто-то, — говорят,
Что будет смотр: и кто испорчен — в ад
Швырнут и — вдребезги! Не верю! Сплетни!
Наш Добрый Друг устроит всё на лад...»

171

Не молящимся грешником надобно быть —
Веселящимся грешником надобно быть.
Так как жизнь драгоценная кончится скоро —
Шутником и насмешником надобно быть.

172

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмури — хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!

173

Зачем сначала ты явил такую милость,
Позволил, чтоб душа любовью обольстилась?
Теперь ты хочешь боль и скорбь мне причинить —
Какой свершил я грех? Скажи мне, что случилось?

174

От излишеств моих — разве Ты обнищал?
Что за прибыль Тебе, если я отощал?
Я смиренно прошу, чтобы Ты, милосердный,
Нас пореже карал и почаще прощал!

175

Поскольку всё решает небосвод,
Не положить и лишней крошки в рот.
О том, что нет чего-то, не печалься,
А что имеешь — стоит ли забот?

176

Ах, судьбою-косцом нам подобных ужель мало скошено?
Горевать ли напрасно? Печаль эта на ветер брошена.
Наливай же полнее, Дай чашу скорее — я выпью.
Что случиться должно — всё случилось, неожиданно иль
прошенно.

177

Приход мой небу славу не доставил,
И мой уход величья не прибавил.
Мне так и не дано постичь, зачем
Я в мир пришел, зачем его оставил.

178

Я на чужбине сердцем изнываю,
Бреду без цели, горестно зываю.
Мне счастья жизнь не принесла, прошла...
И где настигнет смерть меня — не знаю.

179

Мне мудрость не была чужда земная,
Ища разгадки тайн, не ведал сна я.
За семьдесят перевалило мне,
Что ж я узнал? Что ничего не знаю.

180

Не одерживал смертный над небом побед.
Всех подряд пожирает земля-людоед.
Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
Погоди: попадешь муравьям на обед!

181

Счастлив тот, кто в шелку и парче не блистал,
Книгу славы мирской никогда не листал,
Кто, как птица Симург, отрешился от мира,
Но совою, подобно Хайяму, не стал.

182

Радуйся! Снова нам праздник отрадный настал!
Стол серебром, хрусталем и вином заблистал.
На небе месяц поблек, исхудал и согнулся,
Будто он сам от пиров непрерывных устал.

183

Твой разум дел мирских не повернет,
Жизнь по твоим желаньям не пойдет,
Дашь иль не дашь вина — ты помни, кравчий,
Что всё пройдет, всё в бездне пропадет,

184

Сотрутся со скрижалей имена.
Смерть всем живущим ныне суждена.
О милый кравчий мой луноподобный!
Пока мы живы — дай скорей вина.

185

Катилась капля влаги — и встретилась с рекой...
Была песчинка праха — слилась навек с землей.
Что значит в мире этом приход твой и уход?
Мелькнула мошка где-то, и нет ее.

186

Книга жизни моей перелистана — жаль!
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность-птица: не помню, когда прилетела
И когда унеслась, легкокрылая, вдаль.

187

В молитве и посте я, мнилось мне, нашел
Путь к избавлению от всех грехов и зол;
Но как-то невзначай забыл про омовенье,
Глоток вина хлебнул — и прахом пост пошел.

188

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться: как там дела?

189

Цветам и запахам владеть тобой доколе?
Доколь добру и злу твой ум терзать до боли?
Ты хоть Земземом будь, хоть юности ключом —
В прах должен ты уйти, покорен общей доле.

190

Пришел я в этот мир по принуждению,
Встречал недоумением каждый день я,
А ныне изгнан, так и не поняв
Исчезновенья смысл и цель рожденья.

191

Сердце, как в клетке, сжимается подчас.
Дух свой из плена бы позорного я спас,
Тело-темницу уничтожив, но увы! —
Стремя шариата тверже камня для нас.

192

Посылает судьба мне плевки по пятам,
Все поступки к дурным причисляет делам.
И душа собралась уходить и сказала:
«Что мне делать, коль дом превращается в хлам?»

193

Я смерть готов без страха повстречать.
Не лучше ль будет там, чем здесь, — как знать?
Жизнь мне на срок дана. Верну охотно,
Когда пора наступит возвращать.

194

Враг про меня со злобой вражьей говорит;
Плох я, но он: «В сто раз ты г а ж е », — говорит.
Зерцало я — и кто посмотрит на меня —
Что говорит он, — про себя же говорит.

195

Разум к счастью стремится, всё время твердит:
«Дорожи каждым мигом, пока не убит!
Ибо ты — не трава и когда тебя скосят —
То земля тебя заново не возродит».

196

Людей ночами не тревожил я,
Не вынуждал кричать «о боже!» я.
Когда-нибудь в ночи за мной придут
И всё возьмут, и самого меня.

197

Если бы мир упасть на улицу мог,
Пьяный, его бы оценил я в пяточок...
Как-то в залог меня давали в кабачке,
Молвил кабатчик: «Вот залог, так залог!»

198

Я над книгою жизни упрямо гадал,
Вдруг с сердечною болью мудрец мне сказал:
«Нет прекрасней блаженства — забыться в
объятьях
Луноликой красы, чьи уста словно лал».

199

Моя будь воля — не родился б я,
Не умер бы, поверь, будь власть моя.
Родиться, натерпеться мук, исчезнуть...
Не лучше ли покой небытия!

200

Когда б в желаниях я быть свободным мог
И власть бы надо мной утратил злобный рок,
Я был бы рад на свет не появляться вовсе,
Чтоб не было нужды уйти чрез краткий срок.

201

Трясу надежды ветвь, но где желанный плод?
Как смертный нить судьбы в крошечной тьме найдет?
Тесна мне бытия печальная темница, —
О если б дверь найти, что к вечности ведет!

202

Если б я властелином судьбы своей стал —
Я бы вею ее заново перелистал
И, безжалостно вычеркнув скорбные строки,
Головою от радости небо достал!

203

Достав вина два мана, не жалея —
Сам пей и вдоволь угощай друзей.
Ведь не нуждается создатель мира
В твоих усах и бороде моей.

204

О мой шах, без певцов, и пиров, и без чаши вина
Для меня нетерпима цветущая, в розах, весна.
Лучше рая, бессмертья, и гурий, и влаги Кавсара
Сад, и чаша вина, и красавицы песнь, и струна.

205

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда.
Быть сановным и важным — не стоит труда.
Не нужны всемогущему господу богу
Ни усы твои, друг, ни моя борода!

206

Тужить о чем? Не всё ли мне равно,
Прожить в нужде ли, в холе мне дано.
Наполню чашу! Ведь любому вздоху,
Быть может, стать последним суждено.

207

Отречься от вина? Да это всё равно
Что жизнь свою отдать! Чем возместишь вино?
Могу ль я сделаться приверженцем ислама,
Когда им высшее из благ запрещено?

208

О, если б, захватив с собой стихов диван,
Да в кувшине вина и сунув хлеб в карман,
Мне провести с тобой денек среди развалин —
Мне позавидовать бы мог любой султан.

209

Лепешка из пшеничного зерна,
Нога баранья да кувшин вина,
Подруга, словно ранняя весна, —
Отрада, что султану не дана!

210

Знаю, сущность твоя недоступна уму,
Мои бунт иль покорность тебе ни к чему,
Я, погрязший в грехах, жив одною надеждой:
Милосердный, простишь ты рабу своему.

211

Дверь насущного хлеба мне, боже, открой:
Пусть не подлый подаст — сам дай щедрой
рукой.
Напой меня так, чтобы был я без памяти,
Потому и заботы не знал никакой.

212

Я к гончару наведалься вчера,
Его искусство — дивная игра.
Я видел, хоть не видели другие,
Что прах отцов в руках у гончара.

213

Виночерпий, налей в мою чашу вина!
Этой влагой целебной упьюсь допьяна,
Перед тем как непрочная плоть моя будет
Гончарами в кувшины превращена.

214

Я у горшечника купил кувшин однажды,
Он тайны мне открыл, что делает не каждый:
«Я с чашей золотой царем был, а теперь
Служу я пьяницам для утоленья жажды».

215

Сейчас, сейчас, коль можешь ты, пойди,
От скорби ближнего освободи,
Ведь царство красоты и от тебя
Уйдет, — смотри, день этот впереди!

216

Попрекают Хайяма числом кутежей
И в пример ему ставят непьющих мужей.
Были б столь же заметны другие пороки —
Кто бы выглядел трезвым из этих ханжей?!

217

«Как там — в мире ином?» — я спросил старика,
Утешаясь вином в уголке погребка.
«Пей! — ответил. — Дорога туда далека.
Из ушедших никто не вернулся пока».

218

Когда все тайны мира изведал ты, мой друг,
К чему печали столько и бесполезных мук?
Не по твоим желаньям идут дела — так что ж?
Весельем жизнь наполни, покуда есть досуг.

219

Мир — мгновенье, и я в нем — мгновенье одно.
Сколько вздохов мне сделать за миг суждено?
Будь же весел, живой! Это бренное зданье
Никому во владенье навек не дано.

220

Сбрось обузу корысти, тщеславия гнет,
Злом опутанный, вырвись из этих тенет.
Пей вино и расчесывай локоны милой:
День пройдет незаметно — и жизнь промелькнет.

221

Сядь, отрок! Не дразни меня красой своей!
Мне пожирать тебя огнем своих очей
Ты запрещаешь... Ах, я словно тот, кто слышит:
«Ты кубок опрокинь, но капли не пролей!»

222

Знайся только с достойными дружбы людьми,
С подлецами не знайся, себя не срами.
Если подлый лекарство нальет тебе — вылей!
Если мудрый подаст тебе яду — прими!

223

Влагу доброй лозы — ведь невинна она! — не пролей!
Ничего, кроме крови святоши-лгуна, — не пролей!
Кровь двух тысяч тупых лицемеров пролей, если
хочешь,
Об одном умоляю: и капли вина — не пролей!

224

Мудрый старец, рассветает! Встать тебе пораньше
надо.
Юноша там землю сеет, не спускай с него ты взгляда,
Ты скажи и посоветуй: «Сей нежней, нежнее, чадо,
Это ведь глаза Парвиза, мозг великого Кубада!»

225

Закон незыблемый внушен сердцам людей,
Но сказано: «Ему покорствоваться не смей!»
Увы! Что делать мне с приказом и запретом:
«Ты чашу наклони, но капли не пролей!»

226

Нам и еда и сон не нужны вовсе были,
Пока из четырех стихий нас не слепили.
Но всё, что дали нам, отнимут безусловно,
И станем мы опять щепоткой серой пыли.

227

Из жемчуга молений я четок не связал,
И праха прегрешений с лица я не стирал,
Надеюсь на спасенье лишь потому, что я
Единого ни разу двумя не называл.

228

Мы только куклы, вертит нами рок, —
Не сомневайся в правде этих строк.
Нам даст покувыркаться и запрячет
В ларец небытия, лишь выйдет срок.

229

Посыпь же главу прахом, друг, и неба и земли;
С возлюбленною пей вино и душу весели,
Забудь укоры навсегда, не время для забот —
Ведь в мир ушедшие иной обратно не пришли!

230

Спросил у чаши я, прильнув устами к ней:
«Куда ведет меня череда ночей и дней?»
Не отрывая уст, ответила мне чаша:
«Ах, больше в этот мир ты не вернешься. Пей!»

231

Уж наступил рассвет. Питомец нег, вставай,
Пей медленно вино и чанг не забывая;
Тот, кто сегодня здесь, останется недолго,
И не вернется вновь ушедший в чуждый край.

232

Красавица, — ей я желаю счастливей удела!
Быть вновь благосклонной сегодня ко мне захотела.
В глаза мне взглянув, вдруг исчезла, как будто
сказала:
«Добро совершивши, ты в воду бросай его смело».

233

Из всех ушедших в бесконечный путь
Сюда вернулся разве кто-нибудь?
Так в этом старом караван-сараяе,
Смотри, чего-нибудь не позабудь.

234

Тайн своих небосвод никому не открыл,
Он коварно сто тысяч героев убил.
Пей вино. Все мы смертны, и век наш короткий —
Кто ушел, тот обратно дорогу забыл.

235

Как сокол, вылетев из мира чуда,
Хотел я сферы высшие обнять;
И некому здесь тайны передать.
И молча я вернусь туда, пришел откуда.

236

Не лучше ли за кубком тебе всю мысль отдать,
Чем тупо пред михрабом поклоны отбивать?
О первый и последний, о сущность всех существ!
Дай мне блаженство, муки, что сам захочешь дать.

237

Придя в кабак обратно, мы все — еще пьяней;
С молитвой пятикратной простились мы: бог с ней!
И к фляжке длинношей, где булькает вино,
Вытягиваем шеи все мы — еще длинней.

238

Про зыбкий образ мира вопрошаешь —
Узнать ты слишком много замышляешь.
Из бездны океана он возник
И в бездну канет вновь, ужель не знаешь?

239

Если истину сердцу постичь не дано,
Для чего же напрасно страдает оно?
Примиришь и покорствуешь бесстрастному року,
Ибо то, что предписано, — сбыться должно!

245

Жизнь твою режут острой косою ночи и дни.
Но не владычат пусть над тобой ночи и дни!
С полною чашей радуйся, пой — ночи и дни.
Смертен ты. Вечной идут чередой ночи и дни.

246

Коль всю неделю напролет ты, друг, вино вкушал,
Не следует, чтобы ты пить и в пятницу бросал,
Ведь в нашей вере всё равно день божий — каждый
день,
Ты б лучше бога, а не дни недели почитал.

247

Горек виноград в дее-месяце висит.
Пусть он станет сладким — да вино-то ведь горчит!
Можно из чурбана сделать лютню топором,
Но кто же твой топор во флейту превратит?

248

Сменилась вновь весна печальною зимой,
Из Книги Бытия еще листок долой.
Будь весел, пей вино. Мудрец сказал недаром:
«От яда горестей вино — спаситель твой!»

249

Из кожи, мышц, костей и жил дана творцом основа нам.
Не преступай порог судьбы. Что ждет нас, неизвестно, там.
Не отступай, пусть будет твой противоборец сам Рустам.
Ни перед кем не будь в долгу, хотя бы в долг давал
Хатам.

250

Ранним утром, о нежная, чарку налей,
Чанг настрой и на чанге играй веселей.
Ибо в прах превратило и Джама и Кея
Это вечное круговращение дней.

251

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чашу гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

252

Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну, а кто не грешил — разве жил? Отвечай!
Чем Ты лучше меня, если мне в наказанье
Ты ответное зло совершил? Отвечай!

253

Небо! Что сделал я? Что ты терзаешь меня?
Ты бегодне целый день подвергаешь меня.
Город заставишь обегать за черствый кусок,
Грязью за чашку воды обливаешь меня,

254

Гонит рок нас по жизни битой, как мячи,
Ты то влево, то вправо беги — и молчи!
Тот, кто бешеный гон в этом мире устроил,
Он один знает смысл его скрытых причин.

255

Следуй верным путем бесшабашных гуляк:
Позови музыкантов, на ложе возляг,
В изголовье — кувшин, пиала — на ладони,
Не болтай языком — на вино приналяг!

256

Дай кувшин вина и чашу, о любимая моя,
Сядем на лугу с тобою и на берегу ручья!
Небо множество красавиц, от начала бытия,
Превратило, друг мой, в чаши и в кувшины —
знаю я.

257

Прялкою судьбы за хлеб, за соль мою в ответ
Был, словно рыба, я разут и раздет...
Женская прялка одевает людей,
Прялки судьбы она добрей, спору нет.

258

Если небо враждует со мной — я готов в бой,
Доброй славы лишен — я готов на позор любой.
Кубок полон рубиноцветным пенным вином...
Ты готов ли? Невидимый меч занесен над тобой!

259

Лунным светом у ночи разорван подол...
Ставь кувшин поскорей, виночерпий, на стол!
Когда мы удалимся из дольного мира,
Так же будет луна озарять этот дол.

260

Дух мой чистый, ты гость в моем теле земном!
Я с утра подкреплю тебя чистым вином,
Чтобы ты не томился в обители праха,
До того как проститься со мной перед сном.

261

Зачем имам нам проповедь долбит?
Ведь нам, как книга, небосвод открыт.
Пей, друг! Вино ничем не заменимо.
Оно любую трудность разрешит.

262

От зенита Сатурна до чрева Земли
Тайны мира свое толкованье нашли.
Я распутал все петли вблизи и вдали,
Кроме самой простой — кроме смертной петли.

263

Всё, что видишь ты, — видимость только одна,
Только форма — а суть никому не видна.
Смысла этих картинок понять не пытайся —
Сядь спокойно в сторонке и выпей вина!

264

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце!
И бояться не надо, о сердце мое!

265

Как полон я любви, как чуден милой лик,
Как много я б сказал и как мой нем язык!
Не странно ль, господи? От жажды изнываю,
А тут же предо мной течет живой родник.

266

Поменьше размышляй о зле судьбины нашей,
С утра до вечера не расставайся с чашей.
К запретной дочери лозы присядь — она
Своей дозволенной родительницы краше.

267

С той, чей стан — кипарис, а уста — словно лал,
В сад любви удались и наполни бокал,
Пока рок неминуемый, волк ненасытный,
Эту плоть, как рубашку, с тебя не сорвал!

268

В бокалы влей вина и песню затяни нам,
Свой голос примешав к стенаньям соловьиным!
Без песни пить не след — ведь иначе вино
Нам разливалось бы без бульканья кувшином.

269

Вхожу в мечеть смиренно, с поникшей головой,
Как будто для молитвы... но замысел иной:
Здесь коврик незаметно стащил я в прошлый раз;
А он уж поистерся, хочу стянуть другой.

270

Тревога вечная мне не дает вздохнуть,
От стонов горестных моя устала грудь.
Зачем пришел я в мир, раз — без меня ль,
со мной ли —
Всё так же он вершит свой непонятный путь?

271

Коль небом не дано, чего хочу,
Свершить не суждено, чего хочу.
Коль свято всё, чего желает небо,
То, значит, всё грешно, чего хочу.

272

Когда в когтях судьбы, застигнут злом,
Замру, как птица с вырванным крылом,
В кувшин ты обрати мой прах — воскресну,
Лишь дух вина почую, как в былом.

273

Я утро каждое спешу скорей в кабак
В сопровождении товарищей-гуляк.
Коль хочешь, господи, сдружить меня с молитвой,
Мне веру подари, святой податель благ!

274

Из веселого места иду я вчера.
Вижу, роза охвачена жаром костра.
«О, — вскричал я, — за что же казнят тебя, роза?»
— «Как за что? Наслаждалась я жизнью с утра».

275

Из всего, что аллах мне для выбора дал,
Я избрал черствый хлеб и убогий подвал,
Для спасенья души голодал и страдал, —
Ставши нищим, богаче богатого стал.

276

Ах, где надежный друг? Ему я расскажу
О человеке то, что про себя твержу:
Из праха мук рожден, на глине бед замешан,
Придя на свет, спешит к другому рубежу.

277

Смеялась роза: «Милый ветерок,
Сорвал мой шелк, раскрыл мой кошелек
И всю казну тычинок золотую —
Смотрите — щедро кинул на песок».

278

Неправда, будто пост нарушил я затем,
Что рамазан презрел, забыл о нем совсем;
О нет, от мук поста я света дня не взвидел,
Подумал: ночь еще, я ранний завтрак ем.

279

Джамшида чашу я искал, не зная сна,
Когда же мной земля была обойдена,
От мужа мудрого узнал я, что напрасно
Так далеко ходил — в моей душе она.

280

О, не сам по себе я прошел этот путь,
И не сам по себе я нашел свою суть,
Если ж самая суть в меня вложена свыше —
Был когда-нибудь где-нибудь сам кто-нибудь?

281

Отравлен день без чистого вина,
Душа тоской вселенскою больна.
Печали — яд, вино — противоядь.
Коль выпью, мне отравы не страшна.

282

Убывает гордыня в сердцах от вина,
Сущность мира становится ясно видна.
Выпив чарку, смирился бы сам сатана,
До земли поклонился б Адаму спьяна!

283

Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это — я!»

284

«Я — прекрасный Юсуф, — розан гордо с к а з а л, —
А уста мои — в злато оправленный лал».
Я сказал: «Ты — Юсуф? Доказательства где?»
— «Вот рубашка в крови. Разве ты не узнал?»

285

Гляжу на землю я и сном объятых вижу;
Взираю в глубь земли — землю взятых вижу;
В твою, небытие, пустыню взор вперив —
Тех, кто ушли уже, и не зачатых вижу.

286

Тайны мира постиг пронизательный взор:
Всё на свете поистине глупость и вздор.
И куда ни взгляну я — о, слава аллаху! —
Угрожают мне беды, несчастья, позор.

287

Лишь твоему лицу печальное сердце радо,
Кроме лица твоего — мне ничего не надо.
Образ свой вижу в тебе я, глядя в твои глаза,
Видю в самом себе тебя я, моя отрада.

288

В сферах небесных — неизбежная беда,
С телом презренным — вековая вражда.
Нет той науки, чтоб из мира увела,
Разума нет, чтоб мир покинуть навсегда.

289

Цветком я не закрою солнца свет,
Сказать о тайнах жизни — силы нет;
Из моря мысли жемчуг я извлек,
Но не сверлю его — страшусь я бед.

290

Без вина я по жизни брести не могу,
Тяжесть трезвого тела нести не могу,
Жду, когда виночерпий напьется и скажет:
«Наливай себе сам — я, прости, не могу...»

291

Смерть я видел, и жизнь для меня — не секрет,
Снизу доверху я изучил этот свет.
Вот вершина моих наблюдений: на свете
Ничего, опьянению равного, нет!

292

Смертный, думать не надо о завтрашнем дне,
Станем думать о счастье, о светлом вине.
Мне раскаянье бог никогда не дарует,
Ну а если дарует — зачем оно мне?

293

Я пью, — что говорить, но не буяню спьяну;
Я жаден, но к чему? Лишь к полному стакану.
Да, свято чтить вино до смерти буду я,
Себя же самого, как ты, я чтить не стану.

294

Как проснусь — так устами к кувшину прильну.
Пусть лицо мое цветом подобно вину.
Буду пить, а назойливому рассудку,
Если что-то останется — в морду плесну!

295

В любви на новый путь свернуть, увы, не в силах я,
Наполнить новой страстью грудь, увы, не в силах я.
И день и ночь скорбящий взор мне застилают слезы —
На пери новую взглянуть, увы, не в силах я,

296

В дни цветения роз свою волю с цепей я спущу
И нарушу святой шариат и святош возмущу.
В сонме юных красавиц весны зеленеющий луг
Я в тюльпановый ярко-багряный цветник превращу,

297

Раб страстей, я в унынье глубоком — увы!
Жизнь прожив, сожалею о многом — увы!
Даже если простит меня бог милосердный,
Стыдно будет стоять перед богом — увы!

298

Ты, боже, глину мял, — что делать мне?
Ты ткань мою соткал, — что делать мне?
Всё, что свершаю — доброе и з л о е , —
Ты сам предначертал, — что делать мне?

299

Не буду часа ждать, когда умру,
Когда пойду на глину гончару,
Пока еще не стал я сам кувшином,
Кувшин вина я выпью поутру.

300

Увы, глоток воды хлебнуть не можешь ты,
Чтоб не прибавил рок и хмеля маеты;
Не можешь посолить ломоть ржаного хлеба,
Чтоб не задели ран соленые персты.

301

«Вино — кровь лоз, — изрек я, хмуря б р о в и . —
Бросаю пить! Я не приемлю крови».
Мудрец спросил с усмешкой: «Ты всерьез?»
И я вскричал: «О, не лови на слове!»

302

Не по бедности я позабыл про вино,
Не из страха совсем опуститься на дно.
Пил вино я, чтоб сердце весельем наполнить,
А теперь мое сердце тобою полно.

303

Когда б я отравил весь мир своею скверной, —
Надеюсь, ты б меня простил, о милосердный!
Но ты ведь обещал в нужде мне руку дать:
Не жди, чтоб сделалась нужда моя безмерной.

304

Считают, будто я неверный — верно,
Развратник, ринд и полон скверны — верно.
У каждого суждение свое,
А я такой, как есть. Что верно — верно!

315

Когда-то просвещал нас синклит седых бород,
Когда-то восхищал нас и нашей мысли плод...
А что в конце осталось? Последний вывод вот:
Сюда прилив примчал нас, отсюда вихрь несет.

316

Безгрешными приходим — и грешим,
Веселыми приходим — и скорбим.
Сжигаем сердце горькими слезами
И сходим в прах, развевая жизнь как дым.

317

Мы источник веселья — и скорби рудник,
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!

318

Друзья, дадим обет быть вместе в этот час,
В веселье на печаль совместно ополчась,
И сядем пить вино сегодня до рассвета!
Придет иной рассвет, когда не будет нас.

319

Брось молиться, неси нам вина, богомол,
Разобьем свою добрую славу об пол.
Всё равно ты судьбу за подол не ухватишь —
Ухвати хоть красавицу за подол!

320

Сердце, воспрянь! Мы по струнам рукой проведем,
Доброе имя уроним с утра за вином.
Коврик молитвенный в доме питейном заложим,
Склянку позора и чести, смеясь, разобьем.

321

Пред взором милых глаз, огнем вина объятый,
Под плеск ладоней в пляс лети стопой крылатой!
В десятом кубке прок, ей-ей же, невелик:
Чтоб жажду утолить, готовь шестидесятый.

322

В мире временном, сущность которого — тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен.
Сущим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен.

323

Этот мир — эти горы, долины, моря —
Как волшебный фонарь. Словно лампа — заря.
Жизнь твоя — на стекле нанесенный рисунок,
Неподвижно застывший внутри фонаря.

324

Чтоб счастье испытать, вина себе налей,
День нынешний презри, о прошлых не жалей,
И цепи разума хотя б на миг единый,
Тюремщик временный,ними с души своей.

325

Цель вечная движенья миров вселенной — мы.
В глазу рассудка ясном зрачок мгновенный — мы.
Похож на яркий перстень летящий круг миров.
На перстне этом быстром узор нетленный — мы.

326

Ты, муфтий, нас беспутнее подчас,
Мы во хмелю тебя трезвей в сто раз.
Пьешь кровь людскую, кровь лозы мы тянем, —
По чести: кровожадней кто из нас?

327

Мы похожи на циркуль, вдвоем, на траве:
Головы у единого тулова две,
Полный круг совершаем, на стержне вращаясь,
Чтобы снова совпасть головой к голове.

328

Твои дары, о жизнь, — унынье и туга;
Хмельная чаша лишь одна нам дорога.
Вино ведь — мира кровь, а мир — наш кровопийца,
Так как же нам не пить кровь кровного врага?

329

Бросать не стоит в будущее взгляд,
Мгновенью счастья будь сегодня рад.
Ведь завтра, друг, и мы сочтемся смертью
С ушедшими семь тысяч лет назад.

330

Покуда рок не принял за нас,
Нальем вина и выпьем в добрый час!
Неумолимо кружит звездный купол,
Глядишь, воды — и той глотнуть не даст.

331

В сей мир едва ли снова попадем,
Своих друзей вторично не найдем.
Лови же миг! Ведь он не повторится,
Как ты и сам не повторись в нем.

332

До коих пор унижений позор терпеть от низких людей?
Доколе гнет столетья сносить, что прежних столетий
подлей?
Будь радостным, друг, ведь пост миновал и снова
праздник настал,
Давай же рубиновое вино и чаши скорей налей!

333

Мы розы превратим в вино, дадим живой хмельной
огонь им.
Под стоны чанга, пенье флейт печаль сердечную
прогоним.
С возлюбленной, чей легок дух, в веселье сердца
посидим,
Кувшина два иль три вина сквозь тяжкий камень
перегоним.

334

Мы чалму из тончайшего льна продадим
И корону султана спьяна продадим.
Принадлежность святош, драгоценные четки,
Не торгуясь, за чашу вина продадим.

335

Мне чаша чистого вина всегда желанна,
И стоны нежных флейт я б слушал неустанно.
Когда гончар мой прах преобразит в кувшин,
Пускай наполненным он будет постоянно.

336

Увы, не много дней нам здесь побыть дано,
Прожить их без любви и без вина — грешно.
Не стоит размышлять, мир этот — стар иль молод:
Коль суждено уйти — не всё ли нам равно?

337

Не прав, кто думает, что бог не умолим, —
Нет, к нам он милосерд, хотя мы и грешим.
Ты в кабаке умри сегодня от горячки —
Сей грех он через год простит костям твоим.

338

Мы попали в сей мир, как в силоч — воробей.
Мы полны беспокойства, надежд и скорбей.
В эту круглую клетку, где нету дверей,
Мы попали с тобой не по воле своей.

339

Где корм, а где ловушка, не мог я рассмотреть;
Влечет хмельная чаша, влечет к себе мечеть...
А всё ж с такой подругой и с кубком огненным
Уместней мне не в келье, а в кабаке сидеть.

340

За то, что вечно пьем и в опьянение пляшем,
За то, что почести оказываем чашам,
Нас не кори, ханжа! Мы влюблены в вино,
И милые уста всегда к услугам нашим.

341

Хайяму я прошу мой передать привет
И на вопрос его такой снести ответ:
«Неправда, что вино я запретил; лишь глупым
Оно запрещено, а умным — вовсе нет».

342

Прошу вас Мустафе мой передать привет
И так его спросить: «Зачем лежит запрет,
О мудрый хашимит, на чистом соке гроздий,
Тогда как кислый дуг нам пить запрета нет?»

343

Доколе будешь нас корить, ханжа ты скверный,
За то, что к кабаку горим любовью верной?
Нас радует вино и милая, а ты
Опутан четками и ложью лицемерной.

344

Держит чашу рука, а другая — Коран:
То молюсь до упаду, то до смерти пьян.
Как лишь терпит нас мраморный свод
бирюзовый —
Не кафилов совсем, не совсем мусульман.

345

О вращенье небес! О превратность времен!
За какие грехи я, как раб, заклею?
Если ты к подлецам и глупцам благосклонно,
То и я не настолько уж свят и умен!

346

Не избавиться мне от житейских оков,
Я не рад, что несчастный мой жребий таков.
У судьбы я учился прилежно и долго,
Но всегда оставался в числе дураков.

347

Дураки мудрецом почитают меня.
Видит бог: я не тот, кем Считают меня.
О себе и о мире я знаю не больше
Тех глупцов, что усердно читают меня.

348

Лучше пить и веселых красавиц ласкать,
Чем в постах и молитвах спасенья искать.
Если место в аду для влюбленных и пьяниц,
То кого же прикажете в рай допускать?

349

Если хочешь покоиться в неге блаженной
И у ног своих мир этот видеть надменный
Перейди в мою веру, учись у м е н я , —
Пей вино, но не пей эту горечь вселенной!

350

Ухожу, ибо в этой обители бед
Ничего постоянного, прочного нет.
Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
Кто прожить собирается тысячу лет.

351

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сладостями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

352

Не трать себя, о друг, на огорченья,
На камни тягот, на долготерпенье.
Не зная завтра, каждое мгновенье
Отдай вину, любви и наслажденью!

353

Лучше скромная доля, чем славы позор,
А пенять на судьбу — это глупость и вздор.
Лучше пьяницей я прослышу в этом мире,
Чем ханжою меня назовет разговор.

359

Смотри: беременна душою плоть бокала,
Как если б лилия чревата розой стала.
Нет, это пригоршня текучего огня
В утробе ясного, как горный ключ, кристалла.

360

Наш мир — творца ошибку, плохой приют на час —
Ты скрась вином, улыбкой и блеском милых глаз.
Что спорить: мир предвечен иль создан был для нас?..
Пусть он и бесконечен, да нам конец сейчас.

361

О мой избранник, о старинный друг!
Из-за коварства неба столько мук!
Сиди в углу ристалища спокойно,
Смотри, как веселится неба круг!

362

О, доколе сокрушаться, что из этой майхоны
Ни конец мой, ни начало мне в тумане не видны.
Прежде чем в путь бесконечный соберу свои пожитки,
Дай вина мне, милый кравчий! Пояснения не нужны.

363

Из верченья гончарного круга времен
Смысл извлек только тот, кто учен и умен,
Или пьяный, привычный к вращению мира,
Ничего ровным счетом не мыслящий в нем!

364

Если ты не слепой, мглу могильную зри!
Эту полную смут, землю пыльную зри!
Сильных мира сего в челюстях муравьиных —
Этот пир, эту тризну обильную — зри!

365

Вращаясь, свод небесный нас давит и гнетет,
Пустеет мир, и многих друзей недостает.
Чтоб вырвать хоть мгновенье у рока для себя,
Забудь о том, что было, и не гляди вперед.

366

Бык Землю держит испокон веков,
Телец — вверху, за толщей облаков.
Вглядись глазами разума — увидишь
Ты сборище ослов меж двух быков.

367

Те, что веруют слепо, — пути не найдут.
Тех, кто мыслит, — сомнения вечно гнетут.
Опасаясь, что голос раздастся однажды:
«О невежды! Дорога не там и не тут!»

368

Вы мне говорите: «Ты хоть меньше пей!
В чем причина страсти пагубной твоей?»
Лик подруги милой, утренняя чаша —
Вот в чем вся причина, нет причин важней.

369

Вот беспутный гуляка, хмельной ветрогон:
Деньги, истину, жизнь — всё поставит на кон!
Шариат и Коран — для него не закон.
Кто на свете, скажите, отважней, чем он?

370

Ты не слушай глупцов, умудренных житьем.
С молодой уроженкой Тараза вдвоем
Утешайся любовью, Хайям, и питьем,
Ибо все мы бесследно отсюда уйдем.

371

Если б мне всемогущество было дано —
Я бы небо такое низвергнул давно
И воздвиг бы другое, разумное небо,
Чтобы только достойных любило оно!

372

Эй, видящий вращенье небосвода,
Не помнящий, что смерть стоит у входа,
Очнись, взгляни хоть мельком, как с людьми
Жестокосердно поступают годы!

373

На миг один избавься от забот,
Вздыхни свободно, сбрось обиды гнет!
Будь свойством мира постоянство, разве
Родиться наступил бы твой черед?

374

Долго ль будешь ты всяким скотам угождать?
Только муха за харч может душу отдать!
Кровью сердца питайся, но будь независим.
Лучше слезы глотать, чем объедки глотать.

375

Петь так петь, — соловьи всё дружней и дружней.
Пить так пить, — мы с друзьями пьяней и пьяней.
Вот и роза в саду сладострастно раскрылась, —
Два-три раза на дню я склоняюсь над ней.

376

Эта жизнь — солончак. Вкус у жизни такой,
Что сердца наполняются смертной тоской.
Счастлив тот, кто ее поскорее покинет.
Кто совсем не родится — познает покой.

377

Для того, кто за внешностью видит нутро,
Зло с добром — словно золото и серебро.
Ибо то и другое — дается на время,
Ибо кончатся скоро и зло, и добро.

378

Коль день прошел, о нем не вспоминай,
Пред днем грядущим в страхе не стони.
О прошлом и грядущем не печалься,
На миг один в блаженстве утони!

379

Будь, как ринд, завсегдаем всех кабаков,
Вечно пьяным, свободным от всяких оков.
Хоть разбойником будь на проезжей дороге:
Грабь богатых, добром одаряй бедняков!

380

От жизненных тревог мне сердце успокой
И прегрешения мои от мира скрой.
Сегодня дай вкусить мне радость жизни,
А завтра поступай как ты решишь со мной.

381

Боже, скуку смертельную нашу прости,
Эту муку похмельную нашу прости,
Эти ноги, бредущие к харабату,
Эту руку, обнявшую чашу, прости!

382

Влюбленный на ногах пусть держится едва,
Пусть у него гудит от хмеля голова.
Лишь трезвый человек заботами снедаем,
А пьяному ведь всё на свете грын-трава.

383

О творенье божье! Благосклонно и любя,
Изначально рай и ад бог создал для тебя.
Жизнь — как рай: я ни глотка не пью, кроме вина,
Ничего что в рай пути не вижу для себя!

384

Рано утром я слышу призыв кабака:
«О безумец, проснись, ибо жизнь коротка!
Чашу черепа скоро наполнят землю.
Пьяной влагою чашу наполним пока!»

385

Скорей приди, исполненная чар,
Развей печаль, вдохни сердечный жар!
Налей кувшин вина, пока в кувшины
Наш прах еще не превратил гончар.

386

Мы не надолго в этот мир пришли
И слезы, скорбь и горе обрели.
Мы наших бед узла не разрешили,
Ушли — и горечь в душах унесли.

387

Меня, когда умру, вы соком лоз омойте
И над могилою хвалу вино пропойте.
Где в Судный день мой прах искать, я вам
скажу:
Сады, вокруг кабаков цветущие, разroyте.

388

Я небосводом брошен на чужбину;
Что дал сперва, он отнял половину.
И я из края в край на склоне лет
Влачу, как цепи, горькую судьбину.

389

Вино питает мощь равно души и плоти,
К сокрытым тайнам ключ вы только в нем
найдете.
Земной и горний мир, до вас мне дела нет!
Вы оба пред вином ничто в конечном счете.

390

Друг, твое вино питает существо мое живое,
Лик твой нежный мне сияет, словно солнце заревое.
Встань и дай мне на мгновенье замереть у ног твоих,
Смерть у ног твоих мне лучше сотни жизней старца
Ноя.

391

Хотя стройнее тополя мой стан,
Хотя и щеки — огненный тюльпан,
Но для чего художник своенравный
Ввел тень мою в свой пестрый балаган?

392

Благоговейно чтят везде стихи Корана,
Но как читают их? Не часто и не рьяно.
Тебя ж, сверкающий вдоль края кубка стих,
Читают вечером, и днем, и утром рано.

393

Не кори тех, кто пьян, уходя с кутежа,
Не живи лицемерьем, неправде служа.
Ты не пьешь, но гордиться тебе не пристало:
Твой порок хуже пьянства, презренный ханжа.

394

Как знать, подруга, что нас завтра ждет.
В ночь лунную забудем день забот.
Испей вина, — еще ведь не однажды
Луна взойдет, а нас уж не найдет.

395

Увы, неблагоприятен небосвод!
Что ни захочешь — всё наоборот.
Дозволенным господь не одаряет,
Запретного — и дьявол не дает.

396

Сделай мне хоть что-нибудь в угоду, ходжа.
В речи своей не лей ты воду, ходжа.
Прав я — и даже ты, всё видящий вкривь,
Вылечив свой взор, мне дашь свободу, ходжа.

397

Покамест ты жив — не обижай никого.
Пламенем гнева не обжигай никого.
Если ты хочешь вкусить покоя и мира,
Вечно страдай, но не угнетай никого.

398

Слушай-ка, законник, ты не тронулся умом?
Люди здесь беседуют о господе самом, —
Ты ж для устанавливаешь срок...
Мудрый разве путается с эдаким добром?

404

Милый юноша, утро блеснуло лучом,
Встань, хрустальные кубки наполни вином.
Этот сладостный миг, что уйдет безвозвратно,
Вновь найти не надейся вовеки потом.

405

Пить вино хорошо, если в сердце весна,
Если гурия рядом, нежна и страстна.
В этом призрачном мире, где тлен и руины,
Для забвенья заветная чаша дана.

406

Кирпич на кувшине короны Джама краше,
И яства Мариам — ничто пред винной чашей;
Мне вздох из пьяных уст милей стократ, чем
Адхам и бу-Саид, святые стоны ваши.

407

Круг небес, неизменный во все времена,
Опрокинут над нами, как чаша вина.
Эта чаша, которая ходит по кругу,
Не стони — и тебя не минует она.

408

Принеси заключенный в кувшине рубин —
Он один мой советчик и друг до седин.
Не сиди, размышляя о бренности ж и з н и , —
Принеси мне наполненный жизнью кувшин!

409

Противоядье скорби, рубин целебных лоз
Душист, как мускус черный, и ал, как пурпур роз.
Подай вина и лютию, и обезвредим мы
Смертельный яд печали, отраву едких слез.

410

Всем сердечным движениям волю давай,
Сад желаний возделывать не уставай,
Звездной ночью блаженствуй на шелковой травке:
На закате — ложись, на рассвете — вставай.

411

Считай, что все дела на лад пошли,
Что ты хозяин всех богатств земли,
А после ты сочти всё это снегом,
Растаявшим легко в степной дали.

412

Приемли, что дает круговорот времен,
И с полной чашею, как шах, садись на трон,
Бунт и покорность — прах перед лицом а л л а х а , —
Испей же свой фиал, что миром поднесен!

413

Как хотел, так себя ты и тешил всю жизнь,
Пил с друзьями и жен своих нежил всю жизнь.
Перед тем как уйти, оглянулся и — что же:
Всё приснилось, как будто и не жил всю жизнь.

414

Руины прошлого размыл разлив. И краше —
С краями полная — блистает жизни чаша.
Не будь беспечным, друг. Судьба, как тать
Придет и унесет пожитки жизни нашей. в ночи,

415

О, долго ль жизнь влачить в юдоли той,
Где кравчий жизни в кубок льет отстой
Вина коварства? Выплеснуть, как воду,
Хотел бы я остаток лет пустой.

416

Жильцы могил гниют дни, месяцы, года,
Немало их частиц исчезло без следа.
Какой же хмель свалил их с ног и не дает им
Прийти в сознание до Страшного суда?

417

Хоть сотню проживи, хоть десять сотен лет,
Придется все-таки покинуть этот свет.
Будь падишахом ты иль нищим на базаре —
Цена тебе одна: для смерти санов нет.

418

Слышал я: под ударами гончара
Глина тайны свои выдавать начала:
«Не топчи меня! — глина ему говорила. —
Я сама человеком была лишь вчера».

419

Если ты не впадаешь в молитвенный раж,
Но последний кусок неумищим отдашь,
Если ты никого из друзей не предашь —
Прямо в рай попадешь... Если выпить мне
дашь!

420

Так как вечных законов твой ум не постиг —
Волноваться смешно из-за мелких интриг.
Так как бог в небесах неизменно велик —
Будь спокоен и весел, цени этот миг.

421

Зачем ты над загадкой жизни бился,
Тоскою и сомнением удручен?
В конце концов, когда сей мир творился,
Ты на совет ведь не был приглашен.

422

Не ставь ты дураку хмельного угощенья,
Чтоб оградить себя от чувства отвращенья:
Напившись, криками он спать тебе не даст,
А утром надоест, прося за то прощенья.

423

К нему идти ты хочешь? Оставь жену, детей,
И всё, что мило сердцу, и близких, и друзей.
Всё устрани, что может связать тебя в п у т и , —
Чтоб двигаться свободно, все пути рви скорей.

424

Ты мрачен? Покури хашиш — и мрака нет;
Иль кубок осуши — тоски пройдет и след.
Но стал ты суфием, увы! Не пьешь, не куришь,
Бульжник погрызи — вот мой тебе совет.

425

Под мелодию флейты, звучащей вблизи,
В кубок с розовой влагой уста погрызи.
Пей, мудрец, и пускай твое сердце ликует,
А непьющий святоша — хоть камни грызи!

426

Влагу, к жизни тебя возродившую, пей,
Влагу, юность тебе возвратившую, пей,
Эту алую, с пламенем схожую, влагу,
В радость горе твое превратившую, пей.

427

Известно, в мире всё лишь суета сует:
Будь весел, не горюй, стоит на этом свет.
Что было, то прошло, что будет — неизвестно, —
Так не тужи о том, чего сегодня нет.

428

Пей с достойным, который тебя не глупей,
Или пей с луноликой любимой своей.
Никому не рассказывай, сколько ты выпил.
Пей с умом. Пей с разбором. Умеренно пей.

429

Защитник подлых — подлый небосвод
Давно стезей неправедной идет.
Кто благороден — подл пред ним сегодня,
Кто подл — сегодня благороден тот.

430

Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим.

431

Не бойся, друг, сегодняшних невзгод!
Не сомневайся, время их сотрет.
Минута есть, отдай ее веселью,
А что потом придет, пускай придет!

432

На стенах Туса я увидел утром рано
Над мертвым черепом царя Кавуса — врана.
Он каркал: «Где они теперь, — увы, увы! —
Напевы бубенцов и крики барабана?»

433

Беспощадна судьба, наши планы круша,
Час настанет — и тело покинет душа.
Не спеши, посиди на траве, под которой
Скоро будешь лежать, никуда не спеша.

434

От губительных ядов житейских невзгод
Лишь в вине себе смертный спасенье найдет.
Пей на травах душистых, пей с юностью пылкой,
До того, как твой прах сам травую взойдет.

435

От горя разлуки с тобой я вяну.
Куда бы ни шла, от тебя не отстану,
Уйдешь — все сердца погибают в печали,
Вернешься — они твоей жертвою станут.

436

Когда вселенную настигнет день конечный,
И рухнут небеса, и Путь померкнет Млечный, —
Я, за полу схватив создателя, спрошу:
«За что же ты меня убил, владыка вечный?»

437

То вино, что по сути способно принять
разных видимых форм очертанья,
Что способно животным, растением стать,
изменять даже форм очертанья,
Не исчезнет и будет всё то же вино,
Так как вечную сущность имеет оно.

438

Пусть у меня в объятиях луна,
Пусть воду Хизра пью взамен вина,
Под тар Зухры беседую с Исою,
Веселья нет, когда душа грустна.

439

Пью не ради запретной любви к питию
И не ради веселья душевного пью,
Пью вино потому, что хочу позабыться,
Мир забыть и несчастную долю свою.

440

Если небо враждою опять не повеет — не чудо ли?
Не побьет нас камнями, как рассвирепеет, — не чудо ли?
Если кадий, достоинство, честь на вино променяв,
Банг у нас в медресе не посетит — не чудо ли?

441

Налей вина, саки! Тоска стесняет грудь;
Не удержать нам жизнь, текучую, как ртуть.
Не медли! Краток сон дарованного счастья,
Не медли! Юности, увы, недолог путь.

442

Во мне вы видите чудовище разврата?
Пустое! Вы ль, ханжи, живете так уж свято?
Я, правда, пьяница, блудник и мужелюб,
Но в остальном — слуга послушный шарията.

443

Фиал, в котором труд умельца скрыт,
И во хмелю не каждый раздробит.
А этот торс, дыханием согретый,
Кем добрым создан, злобным кем разбит?

444

Непостоянно всё, что в мире есть,
К тому ж изъянов в том, что есть, не счесть.
Считай же сущим всё, чего не видишь,
И призрачным всё то, что видишь здесь.

445

Да пребудет вино неразлучно с тобой!
Пей с любою подругой из чаши любой
Виноградную кровь, ибо в черную глину
Превращает людей небосвод голубой.

446

Виночерпий! Расплавленный лал принеси.
Лунолика! В кубок уста погрузи,
Ибо жаркие губы любимой и кубок
С этой огненной влагою — в кровной связи.

447

С фиалом в руке, с локоном пери — в другой
Сидит он в отрадной тени, над светлой рекой,
Он пьет, презирая угрозы бегущего свода,
Пока не упьется, вкушая блаженный покой.

448

С тех пор как отличать я руки стал от ног,
Ты руки мне связал, безмерно подлый рок,
Но взыщешь и за дни, когда мне не сверкали
Ни взор красавицы, ни пьяных гроздий сок.

449

Мне одна лишь отрада осталась: в вине.
От вина лишь осадок остался на дне.
От застольных бесед ничего не осталось.
Сколько жить мне осталось — неведомо мне.

450

Тот, кто милых красавиц с улыбкой сдружил,
Кто в скорбящее сердце страданье вложил,
Если счастье не дал нам — не ропщем,
не плачем,
Ибо многих он даже надежды лишил.

451

Так как истина вечно уходит из рук —
Не пытайся понять непонятное, друг.
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук.

452

И пылинка — живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была,
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

453

Пламенея, тюльпаны растут из земли
На крови государей, что здесь полегли.
Прорастают фиалки из родинок смуглых,
Что на лицах красавиц когда-то цвели.

454

Чья плоть, скажи, кувшин, тобою стала?
Певца влюбленного, как я, бывало?
А глиняная ручка, знать, была
Рукой, что шею милой обвивала?

455

Как много было зорь и сумерек до нас!
Недаром небесам кружиться дан приказ.
Будь осторожнее, ступню на землю ставя:
Повсюду чей-нибудь прекрасный тлеет глаз.

456

Где сонмы пировавших здесь до нас?
Где розы алых уст, нарциссы глаз?
Спеши, покамест плоть не стала прахом,
Как прах твой плотью раньше был сто раз.

457

Всё, что будет: и зло, и добро — пополам
Предписал нам заранее вечный калам.
Каждый шаг предначертан в небесных
скрижалях,
Нету смысла страдать и печалиться нам.

458

Саки! Печалью грудь моя полна,
Без меры нынче выпил я вина.
Пушок твоих ланит так юн и нежен,
Что новая пришла ко мне весна.

459

О кравчий! Цветы, что в долине пестрели,
От знойных лучей за неделю сгорели.
Пить будем, тюльпаны весенние рвать,
Пока не осыпались и не истлели.

460

Красавица, что сердце мне разбила,
Сама в силочку любовный угодила.
Могу ль себе лекарства я найти,
Когда в огне недуга лекарь милый?

461

Будь осмотрителен — судьба-злодейка рядом!
Меч времени остер — не будь же верхоглядом!
Когда судьба тебе положит в рот халву,
Остерегись — не ешь: в ней сахар смешан с ядом!

462

Я люблю свой кабак, ибо, что ни скажи,
Благородные здесь обитают мужи.
Медресе я разрушил бы — только ханжи
И выходят из этой обители лжи.

463

Я пьяным встретил раз пред дверью кабака
С моельным ковриком и кубком старика;
Мой изумленный взор заметив, он воскликнул:
«Смерть ждет нас впереди, давай же пить пока!»

464

Ты к людям милосерд? Да нет же, непохоже!
Изгнал ты грешника из рая отчего же?
Заслуга велика ль послушного простить?
Прости ослушника, о милосердный боже!

465

Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть — их по пальцам легко перечесать.

466

Сей караван-сарай, где то и дело день
Спешит, как гостя гость, сменить ночную тень, —
Развалины хором, где шли пиры Джамшидов,
Гробница, что дает Бахрамам спящим сень.

467

Сегодня пятница; поэтому смени
На чашу кубок твой, а ежели все дни
И так из чаши пьешь, удвой ее сегодня:
Священный этот день особо помяни!

468

Твердят, будто пьяницы в ад угодят.
Всё вздор! Кабы пьющих отправили в ад
Да всех женолюбов туда же им вслед,
Пустым, как ладонь, стал бы райский ваш сад.

474

О кравчий, старое вино — моя старинная любовь,
 Безгрешной дочери лозы живая, пламенная кровь.
 И пусть хулители гласят: «Не верит в бога тот, кто
 пьет».
 Я впрямь не верил ни во что. Сегодня пью — и верю
 вновь.

475

Коль человек чужой мне верен — он мой брат,
 Неверный брат — мой враг, будь проклят он стократ.
 Лекарство иногда опасней, чем отравы,
 Болезни иногда излечивает яд.

476

Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
 Поцелуй любимой — мой хлеб и бальзам.
 Губы пылкой возлюбленной — винного цвета,
 Буйство страсти подобно ее волосам.

477

Пей вино, ибо радость телесная — в нем.
 Слушай чанг, ибо сладость небесная — в нем.
 Променяй свою вечную скорбь на веселье.
 Ибо цель, никому не известная, — в нем.

478

Пей вино, ибо жизнь продлевает оно,
 В душу вечности свет проливает оно.
 В эту пору цветов, винограда и пьяниц
 Быть веселым повелевает оно!

479

Хоть мудрец — не скупец и не копил добра,
Плохо в мире и мудрому без серебра.
Под забором фиалка от нищенства никнет,
А богатая роза красна и щедра!

480

Алый лал наливай в пиалу из ковша,
Пиала — это тело, а влага — душа.
Улыбается весело полная чаша,
Слезы сердца осушишь, ее осуша.

481

Моей скорби кровавый ручей сотни башен бы снес,
Десять тысяч строений подмыл бы поток моих слез.
Не ресницы на веках моих — желоба дождевые,
Коль ресницы сомкну — от потопа бежать бы пришлось.

482

Мне трезвый день — для радости преграда,
А хмель туманит разум, вот досада!
Меж трезвостью и хмелем состоянье —
Вот сердца несравненная отрада!

483

Этот ценный рубин — из особого здесь рудника,
Этот жемчуг единственный светит особой печатью.
И загадка любви непонятной полна благодатью,
И оно для разгадки особого ждет языка.

484

Мне заповедь — любовь, а не Коран, о нет!
Я — скромный муравей, не Сулейман, о нет!
Найдете у меня лишь бледные ланиты
И рубище, — не шелк и не сафьян, о нет!

485

Наливай нам вина, хоть болит голова.
Хмель дарует нам равные с богом права.
Наливай нам вина, ибо жизнь — быстротечна.
Ибо всё остальное на свете — слова!

486

Да, жребий мертвеца не так, как мой, тяжел,
Ведь под землей мертвец спокойствие нашел.
Как я ни обмывал подол свой кровью глаз,
Всегда грязнее глаз кровавый мой подол.

487

Всё — и зло, и добро, что людская скрывает природа,
Высшей воле подвластно, и здесь не дана нам свобода.
Ты вину своих бедствий не сваливай на небосвод.
В сто раз хуже, чем твой, подневольный удел небосвода.

488

Если жизнь твоя нынче, как чаша, полна —
Не спешి отказаться от чаши вина.
Все богатства судьба тебе дарит сегодня —
Завтра, может случиться, ударит она!

489

Коль роз не будет — хватит и шипов,
Свет не прольется — хватит и костров.
Коль ханаки нет, рубища и шейха —
Зуннара хватит и колоколов.

490

Вино дано мне, музыка и пенье.
Что есть, что будет — всё добыча тленья.
Не знаю я ни трезвости, ни пьянства,
Мне дар от двух миров — одно мгновенье.

491

Просило сердце: «Поучи хоть раз!»
Я начал с азбуки: «Запомни — „Аз“».
И слышу: «Хватит! Всё в начальном слоге,
А дальше — беглый, вечный пересказ».

492

От безбожья до бога — мгновенье одно.
От нуля до итога — мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь — ни мало ни много — мгновенье одно!

493

Травинки, те, что у ручья, не мни.
Из уст красавиц выросли они.
Ступай тихонько, их касайся нежно,
Тюльпаноликим ведь они сродни.

494

Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы:
Твой шатер подпирают гнилые столбы.
Если плотью душа, как палаткой, укрыта —
Берегись, ибо колья палатки слабы!

495

Цвет рубину уста подарили твои,
Ты ушла — я в печали и сердце в крови.
Кто в ковчеге укрылся, как Ной, от потопа,
Он один не утонет в пучине любви.

496

Дом разрушу, последний кирпичик в стене
Я отдам за вино, ненавистное мне.
«Чем расплатишься завтра?» — Чалмой и
халатом.
Не Марьям соткала их, — сойдемся в цене!

497

О невежды! Наш облик телесный — ничто,
Да и весь этот мир поднебесный — ничто.
Веселитесь же, тленные пленники мига,
Ибо миг в этой камере тесной — ничто!

498

От стрел, что мечет смерть, нам не найти щита:
И с нищим и с царем она равно крута.
Чтоб с наслаждением жить, живи
для наслажденья,
Всё прочее — поверь! — одна лишь суета.

499

Ты видел мир, но всё, что ты видал, — ничто.
Всё то, что говорил ты и слышал, — ничто.
Итог один, весь век ты просидел ли дома
Иль из конца в конец мир исшагал, — ничто.

500

Жизнь в разлуке с лозою хмельною — ничто,
Жизнь в разлуке с певучей струною — ничто.
Сколько я ни вникаю в дела под луною,
Наслаждение — всё, остальное — ничто!

501

Мы в этот мир пришли вкусить короткий сон;
Кто мудр, из кабака тот не выходит вон.
Потоками вина туши огонь страданий,
Пока ты ветром в прах навеки не снесен.

502

Бокала полного веселый вид мне люб,
Звук арф, что жалобно притом звенит, мне люб.
Ханжа, которому чужда отрада х м е л я , —
Когда он за сто верст, горами скрыт, — мне люб.

503

Как нежно щеки розы целует ветерок!
Как светел лик подруги, и луг, и ручеек!
Не говори о прошлом: какой теперь в нем прок?
Будь счастлив настоящим. Смотри, какой денек!

504

Сулят мне: в эдеме усладу найдешь,
По мне же и сок винограда хорош.
Наличность бери, а на слово не верь:
Лишь издали гром барабана хорош.

505

Хоть мудрый шариат и осудил вино,
Хоть терпкой горечью пропитано оно —
Мне сладко с милой пить. Недаром говорится:
«Мы тянемся к тому, что нам запрещено».

506

Кто чар ее не избежал, отныне знает счастье,
Кто пылью лег у милых ног, душой впивает счастье.
Измучит, станет обижать, но ты не будь в обиде:
Всё, что подобная луне нам посылает, — счастье.

507

В жизни сей опьянение лучше всего,
Нежной гурии пение лучше всего.
Вольной мысли кипение лучше всего,
Всех запретов забвение лучше всего.

508

Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе,
Трезвон колоколов — язык смиренья рабий,
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.

509

Смерть лишь однажды встанет за плечом,
Так повернись бесстрашно к ней лицом!
Ты — крови горсть, костей и сухожилий —
Мог и не быть, твой горький вопль о чем?

510

Словно солнце, горит, не сгорая, любовь.
Словно птица небесного рая — любовь.
Но еще не любовь — соловьиные стоны.
Не стонать, от любви умирая, — любовь!

511

Изначальной всего остального — любовь.
В песне юности первое слово — любовь.
О несведущий в мире любви горемыка,
Знай, что всей нашей жизни основа — любовь!

512

О кравчий, ты всех луноликих краше,
Твой лик сравню с Джамшидовой чашей.
Когда идешь, у ног лучится пыль,
Как сонм светил над головою нашей.

513

Чаша вина мне дороже державы Кавуса,
Трона Кубада и славы отважного Туса.
Стоны влюбленных, что слышатся мне
на рассвете,
Выше молитв и отшельнического искуса.

514

Коль есть красавица, вино и чанга звон
И берег над ручьем ветвями осенен,
Не надо лучшего, пусть мир зовется адом.
И если есть эдем, поверь, не лучше он!

515

Что ищешь радости? Миг — жизни всей итог.
Кубада, Джама прах — то пыль земных дорог.
Дела земли — да нет, вселенной все дела —
Обман, мираж и сон, что разум в плоть облек.

516

За любовь к тебе пусть все осудят вокруг,
Мне с невеждами спорить, поверь, недосуг.
Лишь мужей исцеляет любовный напиток,
А ханжам он приносит жестокий недуг.

517

О горе, горе сердцу, где жгучей страсти нет.
Где нет любви мучений, где грез о счастье нет.
День без любви — потерян: тусклее и серей,
Чем этот день бесплодный, и дней ненастья нет.

518

Плачет роза под прессом: «Зачем из меня
Соки жмут перегонщики, масло гоня?»
— «Годы горя и слез, — соловей отвечает, —
Вот цена одного безмятежного дня!»

519

Не знаю тайны я вращения небосвода,
Лишь за невзгодою меня гнетет невзгода.
Смотрю на жизнь свою и вижу: жизнь — прошла.
Что дальше будет? — Тьма, и нет из тьмы исхода.

520

В день завтрашний нельзя сегодня заглянуть,
Одна лишь мысль о нем стесняет мукой грудь.
Кто знает, много ль дней тебе прожить осталось?
Не трать их попусту, благоразумен будь.

521

Когда нам пира в мире не дано,
Нам будет пиром чаша и вино.
Оно — наш друг, его живого жара
Течение Кавсара лишено.

522

Разум мой не силен и не слишком глубок,
Чтобы замыслов божьих распутать клубок.
Я молюсь и аллаха понять не пытаюсь —
Сущность бога способен постичь только бог.

523

Мы разгадки вечной тайны не нашли,
Знаний о запретном не приобрели.
Место наше — сердце горестной земли.
Пей вино, тем длинным сказкам не внемли!

524

Тот кувшин, что сегодня поит бедняка,
Гордым сердцем царя был в другие века.
Из рубиновых уст и ланит белоснежных
Сделан кубок, что пьяницы держит рука.

525

Блажен, кто в наше время свободным шел путем,
Довольствуясь уделом, дарованным творцом;
От жизни, от мгновенья всё что хотел он взял,
Жил вольно, без печали, с фиалом и вином.

526

Вольно миг один живем на свете.
Не горюй, что рок нам ставит сети,
Ибо тела нашего основа:
Искра, капля, легкий прах и ветер.

527

Если только ты наступишь на колючку, друг, неожиданно,
Знай — то локон луноликой, бровь красавицы желанной.
И любой кирпич на башне величавого айвана —
То не палец ли везира? То не голова ль султана?

528

Если б мне этой жизни причину постичь —
Я сумел бы и нашу кончину постичь.
То, чего не постиг я, в живых пребывая,
Не надеюсь, когда вас покину, постичь.

529

Дождь крупный зелень окропил весной,
Я от вина багрового хмельной.
Когда умру, взойду травую ранней —
Чей взор пленит она в полдневный зной?

530

Весна. Желанья блещут новизной.
Сквозит аллея нежной белизной.
Цветут деревья — чудо Моисея.
И сладко дышит Иисус весной.

531

Полно, друг, о мирском горевать и тужить, —
Разве вечно кому-нибудь выпало жить?
Эти несколько вздохов даны нам на время,
А имуществом временным что дорожить?

532

Хайям! Из-за греха что тосковать?
Что проку нам об этом толковать?
Коль не грешить, зачем тогда прощенье?
Прощенье — для греха. Что горевать!

533

Почему стремиться к раю здесь должны мы непременно?
Мой эдем — вино и кравчий, всё иное в мире — тленно.
Там, в раю, — вино и кравчий, здесь дано — вино и
кравчий,
Так пускай вино и кравчий в двух мирах царят
бессменно.

534

Кравчий! Мой дух со всех сторон опустел:
Львы разошлись, лесистый склон опустел...
Рока сосуд от жизни вспененным был, —
Нынче ж пить черед наш — так и он опустел!

535

Звездный купол — не кровля покоя сердец,
Не для счастья воздвиг это небо творец.
Смерть в любое мгновение мне угрожает.
В чем же польза творенья? — Ответ, наконец!

536

Нам говорят: «Не пей вина в шабан,
В раджаб закрой и спрячь подальше жбан —
То месяцы аллаха и рокока».
Так будем пить в свой месяц — рамазан.

537

Любовь — роковая беда, но беда — по воле аллаха.
Что ж вы порицаете то, что всегда — по воле аллаха.
Возникла и зла и добра череда — по воле аллаха.
За что же нам громы и пламя Суда — по воле аллаха?

538

Небо — пояс загубленной жизни моей,
Слезы павших — соленые волны морей.
Рай — блаженный покой после страстных усилий,
Адский пламень — лишь отблеск угасших страстей.

539

Мы грешим, истребляя вино. Это так.
Из-за наших грехов процветает кабак.
Да простит нас аллах милосердный! Иначе
Милосердие божье проявится как?

540

Некий круг заключил наш приход и уход,
В нем конца и начала никто не найдет.
И никто еще верно сказать не сумел нам:
Мы откуда пришли? Что за гробом нас ждет?

541

Тайны мира, как я записал их в тетрадь,
Головы не сносить, коль другим рассказать.
Средь ученых мужей благородных не вижу,
Наложил на уста я молчанья печать.

542

На мир — пристанище немногих наших дней —
Я долго устремлял пылливый взор очей,
И что ж? Твое лицо светлей, чем светлый месяц,
Чем стройный кипарис, твой чудный стан прямой.

543

Покоя мало, тягот не избыть,
Растут заботы, всё мрачнее жить...
Хвала творцу, что бед у нас хватает:
Хоть что-то не приходится просить.

544

Твое тело, Хайям, лишь палатка в пути:
Вечный дух себе места не может найти.
Знак подаст повелитель отправиться дальше —
И торопятся слуги палатку снести.

545

Страсть твоя — дворняжка, право слова,
Лай стоит, а толку никакого,
С хитростью лисы и бдением зайца,
С волчьим плутовством, как тигр сурова.

546

Когда лепил меня создатель, он
Вложил в меня всё, чем я наделен.
Любой мой грех он наперед задумал.
Зачем же адский пламень им зажжен?

547

Творений ты — ваятель, почему
В них проглядел изъяны, не пойму.
Коль хороши, зачем их разбиваешь,
А если плохи, кто виной тому?

548

И слева мне и справа твердят: не пей, Хайям!
Вино враг веры правой, сок лоз — отравы нам.
Вино — враг веры правой? Так пей же кровь лозы,
Ведь кровь врагов лукавых нам пить велит ислам.

549

Смысла нет постоянно себя утруждать,
Чтобы здесь, на земле, заслужить благодать.
Что тебе предначертано, то и получишь,
И ни больше ни меньше. И нечего ждать!

550

Раб твой восстал... Благоволение твое где?
Мрак на душе... А озарение твое где?
Нас за покорность хочешь раем наградить?
Торговля — это... А прощение твое где?

551

В этом мире не вырастет правды побег.
Справедливость не правила миром вовек.
Не считай, что изменишь течение жизни.
За подрубленный сук не держись, человек!

552

Все беды от твоей извечной злобы.
Что, лютый рок, тебя смирить могло бы?
Рассечь бы прах — алмазам нет числа,
Зарытым в глуби черной той утробы.

553

Ты словно опьянен! Безумие твое
 невежественный страх предсмертию внушает —
И с отвращеньем ты глядишь в небытие!
 Ведь из небытия чудесно возникает
Бессмертья ветвь, полна живительной красоты!
 И вечной смерти нет, исчезло наважденье
С тех пор, как в душу мне отрадой возрожденья
 пахнуло нежное дыхание Исы.

554

О друг, нам время не подчинено,
Нам не навечно бытие дано.
Пока в руках мы держим наши чаши —
В руках мы держим истины зерно.

555

Так как всё за меня решено в вышине
И никто за советом не ходит ко мне —
Зачерпни-ка мне чашу вина, виночерпий:
Выпьем! Горести мира утопим в вине.

556

И сияние рая, и ада огни —
Мне мерещились на небе в давние дни.
Но Учитель сказал: «Ты в себя загляни —
Ад и рай, не всегда ли с тобою они?»

557

Когда плачут весной облака — не грусти.
Прикажи себе чашу вина принести.
Травка эта, которая радуется взоры,
Завтра будет из нашего праха расти.

558

Снова вешнюю землю омыли дожди,
Снова сердце забилося у мира в груди.
Пей с подругой вино на зеленой лужайке —
Мертвецов, что лежат под землей, разбуди!

559

Шел в кабак я, тепла в сердце веру чистую одну,
Что зуннаром светлых магов там свой стан я зятяну.
Там я так вином упился, что служитель харабата
Выбросил мои пожитки, после вымыл майхану.

560

Поменьше в наши дни имей друзей, простак,
Будь на признанья скуп, не слушай лстивых врак.
А погляди с умом — и ты увидишь сразу:
Тот, кому верил ты, он твой предатель, враг!

561

Налей! Вино — целитель сердечных ран — забот,
Наперсник тех, кто знает любви печаль и гнет.
Милей его обманы и пьяные мечты,
Чем этот череп мира, нависший небосвод.

562

Пей вино, ибо друг человеку оно,
Для усталых — подобно ночлегу оно.
Во всемирном потоке, бушующем в душах,
В море скорби — подобно ковчегу оно.

563

Когда совершается всё не по нашим желаньям,
Что пользы всю жизнь предаваться напрасным
стараньям?
Мы вечно в печали сидим, размышляя о том,
Что поздний приход увенчается скорым прощаньем.

564

Если сердце захочет свободы и сбросит аркан,
То куда же уйти ему, кравчий? Ведь мир — океан!
И суфий как сосуд узкогорлый, — неведенья полный,
Если выпьет хоть каплю — ей-богу, окажется пьян.

565

Суровый рамазан велел с вином проститься;
Где дни веселые? О них нам только снится,
Увы, невыпитый стоит в подвале жбан,
И не одна ушла нетронутой блудница.

566

Жизнь с крючка сорвалась и бесследно прошла,
Словно пьяная ночь, беспросветно прошла.
Жизнь, мгновенье которой равно мирозданию.
Как меж пальцев песок, незаметно прошла!

567

Если низменной похоти станешь рабом —
Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть и — куда же потом?

568

Ты с душою расстанешься скоро, поверь,
Ждет за темной завесою тайная дверь.
Пей вино! Ибо ты — неизвестно откуда.
Веселись! Неизвестно — куда же теперь?

569

Пред пьяным соловьем, влетевшим в сад, сверкал
Средь роз смеющихся смеющийся бокал;
И, подлетев ко мне, певец любви на тайном
Наречии: «Лови мгновение!» — сказал.

570

Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот.
Чтоб людям угодить, полезен лстивый шепот.
Пытался часто я лукавить и хитрить,
Но всякий раз судьба мой посрамляла опыт.

571

Дворец, где царь Джамшид пиры давал,
Прибежищем лисиц и ланей стал.
Бахрам разил онагров на охоте.
Смотри, он сам, сраженный смертью, пал.

572

Убеждают рассудок и разум давно:
Чашу чтить позволяют все веры равно.
И неправда, что пить нам аллах запрещает,
Он сказал: «Майсара», то есть: «Пейте вино».

573

Некто мудрый внушал задремавшему мне:
«Просыпайся, счастливым не станешь во сне.
Брось ты это занятие, подобное смерти.
После смерти, Хайям, отоспишься вполне!»

574

Можно ль первому встречному тайну открыть?
С кем о том, что я знаю, мне здесь говорить?
Я в таком положении, что суть моей тайны
Перед миром, увы, не могу возгласить.

575

Пей, ибо скоро в прах ты будешь схоронён.
Без друга, без жены, твой долгий будет сон.
Два слова на ухо сейчас тебе шепну я:
Когда тюльпан увял, расцвести не может он.

576

Творенья океан из мглы возник,
Но кто же до глубин его постиг
И жемчугу подобными словами
Изобразил непостижимый лик?

577

Как много нашей крови пролил бессудный этот небосвод,
Цветок ли расцветет —дохнет он и начисто его сметет.
О юноша, не обольщайся цветеньем юности мгновенной,
Повеет стужей и бутоны он нераскрытые убьет.

578

Поутру просыпается роза моя,
На ветру распускается роза моя.
О, жестокое небо! Едва распустилась —
Как уже осыпается роза моя.

579

Радости сердце мое не познало — горе мешало,
Лучших даров, чем вино, от обоих миров не вкушало.
Дай мне, о кравчий, вина! Пусть оно мне вернет мою
душу.
Пусть мне дарует блаженство, что сердце мессии
познало.

580

Смысла нет перед будущим дверь запирать,
Смысла нет между злом и добром выбирать.
Небо мечет вслепую игральные кости.
Всё, что выпало, надо успеть проиграть.

581

Для мудрости высокой «Хайям» палатку шил,
Сгорел в горне печали и труд не довершил.
И ножищами скрепы палатки срезал рок,
А продавец надежды ее задаром сбыл.

582

По желанью мудрецов не вертится небосвод.
Восемь ли небес сочтешь, семь ли — здесь не важен
счет.
Всё равно, коль умирать, коль мечта твоя умрет, —
Съест ли муравей тебя или волк в степи сожрет.

583

С вином и розами я шествовал доселе,
Не привели они меня к желанной цели;
Однако в сторону я не сверну: друзей
Бросать на полпути пристойно ль, в самом деле?

584

Мы бродили всю жизнь по горам и долам,
Путь домой находили с грехом пополам.
Но никто из ушедших отсюда навеки
Не вернулся обратно, не встретился нам.

585

Я скитался всю жизнь по горам и долам,
Но несколько свои не поправил дела.
Я доволен и тем, — хоть превратности были —
Всё же жизнь и приятного много дала.

586

Где вы, друзья, враги, где пери, дивы,
Где грусть и радость прошлого? — Ушли вы.
Так радуйтесь тому, что нам дано.
Пройдет оно, чем вы сегодня живы.

587

Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел — и назад не придет никогда.
Будем жить, о подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем — не стоит труда.

588

Этот свод голубой и таз на нем золотой
Долго будет кружиться еще над земной суетой.
Мы — незваные гости, — пришли мы на краткое время,
Вслед кому-то — пришли мы, пред кем-то — уйдем
чередой.

589

Кто урод, кто красавец — не ведает страсть.
В ад согласен безумец влюбленный попасть.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову класть.

590

Я несчастен и мерзок себе, сознаюсь,
Но не хнычу и кары небес не боюсь.
Каждый божеский день, умирая с похмелья,
Чашу полную требую, а не молось!

591

Рай здесь нашел, за чашею вина, я
Средь роз, близ милой от любви сгорая.
Что слушать толки нам про ад и рай!
Кто видел ад? Вернулся кто из рая?

592

Иди зарей весенней к ручью — меже полей,
С друзьями иль подругой, небесных дев милей;
Пей утреннюю чашу... Свободен будешь ты
От призраков и страхов, мечетей и церквей.

593

Ни в мечеть я, ни в церковь, друзья, ни ногой!
И надежды на рай у меня никакой.
Забудыга, безбожник, такой я, с я к о й, —
Видно, бог меня сделал из глины плохой!

594

Доколе дым кумирни прославлять,
О рае и об аде толковать?
Взгляни на доски судеб: там издревле
Написано всё то, что должно стать.

595

Нам — вино и любовь, вам — кумирня и храм.
Пекло нам уготовлено, гурии — вам.
В чем же наша вина, если все наши судьбы
Начертал на скрижалях предвечный калам?

596

В мечетях, в храмах, в капищах богов
Боятся ада, ищут райских снов.
Но тот, кто сведущ в таинствах творенья,
Не сеял в сердце этих сорняков.

597

Каждый, в ком пламенеет любовь без конца и без края,
В храме он иль в мечети, — но если, огнем изгорая,
Записал свое имя навеки он в Книге Любви,
Тот навеки свободен от ада, свободен от рая.

598

Чтоб жить в раю, я создан был всевышней силою
небесной,
Иль в гнусном мучиться аду? Как знать? Мне это
неизвестно...
Наличным дай барбат, фиал и луг с красавицей
чудесной,
В рассрочку забирай эдем. Кто выиграл, скажи мне
честно?

599

Коль на ярком лугу в блеске вешнего дня
Чашу мне пери даст, красотой пьяня,
Как хотите, о люди, меня назовите,
Если вспомню о рае — пес лучше меня.

600

Наполнить камешками океан
Хотят святоши — безнадежный план!
Пугают адом, соблазняют раем...
А где гонцы из этих дальних стран?

601

Всяк, кто в сердце знак рассудка начертал, —
В жизни ни минутки зря не расточал,
Богу ль он молился, громогласно вопия,
Чарку ли в руке он, успокоенный, сжимал.

602

С людьми ты тайной не делись своей,
Ведь ты не знаешь, кто из них подлей.
Как сам ты поступаешь с божьей тварью,
Того же жди себе и от людей.

603

Вразуми, всемогущее небо, невежд:
Где уток, где основа всех наших надежд?
Сколько пламенных душ без остатка сгорело!
Где же дым? Где же смысл? Оправдание — где ж?

604

Почему этот кубок бесцветен и сух?
Где рей ханский рубин, укрепляющий дух?
Позабудь ненадолго запреты ислама,
Не скорби в одиночку — напейся за двух!

605

Здесь башня в старину до туч вставала,
Цари лобзали здесь порог, бывало.
А нынче утром: «Где всё это, где?» —
В развалинах кукушка куковала.

606

Когда твой светлый дух покинет тело,
Иной хозяин в дом твой вступит смело.
Но не узнать ему, что стало с тем,
Что жизнью, страстью, мыслью пламенело.

607

Сто лет я жил, греха не зная,
На мне господня благодать;
Хочужить дальше, согрешая, —
Его терпенье испытать.

608

Когда последний вздох испустим мы с тобой,
По кирпичу на прах положат, мой и твой.
А сколько кирпичей насушат надмогильных
Из праха нашего уж через год-другой!

609

Грозит нам свод небесный бедой — тебе и мне,
И надо ждать разлуки с душой — тебе и мне.
Приляг на мягком дерне! В могиле суждено
Питать все эти корни собой — тебе и мне.

610

Стеклянный кубок полон вина живой игрой
И стал подобен телу с кипучею душой.
Кто грузен, вял, недвижим, тот недостоин нас;
Но этот грузный кубок теперь нам не чужой.

611

Для тех, кто умирает, Багдад и Балх — одно;
Горька ль, сладка ли чаша — мы в ней увидим дно.
Ущербный месяц гаснет — вернется молодым,
А нам уж не вернуться... Молчи и пей вино.

612

Посмотри: всё, чего я добился, — ничто.
Что узнал я и чем наслаждался — ничто.
Я — чудесный фонтан: истощился — ничто.
Я — волшебная чаша: разбился — ничто.

613

Этой чаше рассудок хвалу воздаст,
С ней влюбленный целуется ночь напролет.
А безумный гончар столь изящную чашу
Создает — и об землю без жалости бьет!

614

Ты — дух животворящий, ты — чистое вино,
От всех скорбей целенье в тебе одном дано.
Еще мне две-три чаши! Как можно говорить,
Что лучшее лекарство больным запрещено?

615

Душа ни тайн вселенной не познала,
Ни отдаленной цели, ни начала.
В своем сегодня радость находи,
Ведь не воротить то, что миновало.

616

Много сект насчитал я в исламе. Из всех
Я избрал себе секту любовных утех.
Ты — мой бог! Подари же мне радости ряя.
Слиться с богом, любовью пылая, — не грех!

617

Скорбеть о скорби будущей доколе?
Поверь, не радостна провидцев доля.
Будь радостен, не тесен мир для сердца,
А изменить судьбу — не в нашей воле.

618

Доколе жаловаться мне, свое невежество кляня?
Я стал добычей стольких бед, что сердце сжалось
у меня.
Теперь зуннаром повяжусь, стыдась тяжелых
прегрешений.
Стыдась, что мусульманин я, я белого не вижу дня.

619

Не убивай меня, небо, в своем опьяненье!
Видишь величье мое и твое униженье!
Из-за моей нищеты и вседневных скорбей
Проклял я сам этой жизни постыдной томлень!

620

Мне, боже, надоела жизнь моя.
Сыт нищетой и горьким горем я.
Из бытия небытие творишь ты,
Тогда избавь меня от бытия.

621

О вино! Ты — живая вода, ты — исток
Вдохновенья и счастья, а я — твой пророк.
Я тебя прославляю в согласье с Кораном:
Ведь сказал же аллах, что вино — не порок!

622

Будь весел в эти мгновенья, в которые ты живешь,
Люби луноликих красавиц, чей стан с кипарисом схож,
Поскольку ты здесь не вечен, старайся стать
совершенным —
И радуйся, если в мире друзей совершенных найдешь.

623

Хайям! О чем горюешь? Весел будь!
С подругой ты пируешь — весел будь!
Всех ждет небытие. Ты мог исчезнуть,
Еще ты существуешь — весел будь!

624

Освободись, о сердце, от плена чувств земных,
От радостей любовных, от горестей пустых!
Иди к дервишам, сердце, присядь на их порог...
И ты, быть может, станешь святым среди святых.

625

Мои заслуги точно все до одной сочти;
Грехов же, ради бога, десятки пропусти:
Их ветренность раздует все адские огни.
Уж лучше, ради праха пророка, всё прости.

626

Скажу тебе, коль хочешь мой выслушать совет:
Нарядом лицемерья не обольщай наш свет.
Земная жизнь — мгновенье, другая — без конца,
Продать за миг всю вечность? Да в этом смысла
нет.

627

Я, шатаясь, спускался вчера в погребок.
Пьяный старец оттуда подняться не мог.
«И не стыдно тебе, старику, напиваться?» —
Я спросил. Он ответил: «Помилует бог!»

628

Вчера в гончарную зашел я в поздний час,
И до меня горшков беседа донеслась.
«Кто гончары, — вопрос один из них мне задал, —
Кто покупатели, кто продавцы средь вас?»

629

Хмельная чаша нам хотя запрещена,
Не обходись и дня без песни и вина;
На землю выливай из полной чаши каплю,
А после этого всю осушай до дна.

630

Если будешь всю жизнь наслаждений искать:
Пить вино, слушать чанг и красавиц ласкать —
Всё равно тебе с этим придется расстаться.
Жизнь похожа на сон. Но не вечно же спать!

631

О невежда, вокруг посмотри, ты — ничто,
Нет основы — лишь ветер царит, ты — ничто.
Два ничто твоей жизни предел и граница,
Заключен ты в ничто, и внутри ты — ничто.

632

Кумир мой, вылепил тебя таким гончар,
Что пред тобой луна стыдится своих чар.
Другие к празднику себя пусть украшают,
Ты — праздник украшать собой имеешь дар.

633

В час, как впервые замесили м е н я , —
Сотней пороков наградили меня, —
Ясно, что теперь я улучшить не смогу
Форму, в которой сотворили меня.

634

Ты — творец, и таким ты меня сотворил,
Дал вина и любовной тоской напоил.
Если ты в первый день меня создал поэтом,
Так за что же тогда ты мне ад посулил?

655

Ты мой кувшин с вином разбил, господь!
Мне радости врата закрыл, господь!
Ты алое вино пролил на землю.
Типун мне на язык, иль пьян ты был, господь?

636

Старайся принимать без ропота мученья,
Не жалуйся на боль — вот лучшее леченье.
Чтоб стал ты богачом, за нищенский удел
Благодари светил случайное стеченье.

637

Если хочешь, чтоб крепкой была бытия основа
И хотя бы два дня провести без унынья злого,
Никогда не чуждайся веселья и пей всегда,
Чтоб успеть все улады испить из фиала
земного.

638

Я научу тебя, как всем прийтись по нраву:
Улыбки расточай налево и направо,
Евреев, мусульман и христиан хвали —
И добрую себе приобретешь ты славу.

639

Чистый дух, заключенный в нечистый сосуд,
После смерти на небо тебя вознесут!
Там — ты дома, а здесь — ты в неволе у тела,
Ты стыдишься того, что находишься тут.

640

О, если бы крылатый ангел мог,
Пока не поздно, не исполнен срок,
Жестокий свиток вырвать, переправить
Иль зачеркнуть угрозу вещей строк!

641

Тот я, кого из ничего ты сотворил...
Много, конечно, для меня ты совершил.
Если же слаб я, то меня прости:
Сам меня ты слабым из праха замесил...

642

Меняем реки, страны, города...
Иные двери... Новые года...
А никуда нам от себя не деться,
А если деться — только в никуда.

643

Зачем сперва ты мне себя раскрыл,
А после так жестоко отдалил?
Коль знал, что от меня ты отвернешься,
Зачем меня скитаться в мир пустил?

644

Если б небо вершило лишь праведный суд,
И земной был закон справедлив, хоть и крут.
Если б там, наверху, справедливость царила,
Благородные разве бы мучались тут?

645

О, если б до привала добрести,
Поверить, что придет конец пути!
О, если б через многие столетья
Хотя б травой из праха прорасти!

646

Веселись! Ибо нас не спросили вчера,
Эту кашу без нас заварили вчера.
Мы не сами грешили и пили вчера —
Всё за нас в небесах предрешили вчера.

647

К чему печали нам служить? Смелее веселись!
Неверен рок? Себе будь вернее, веселись!
Весь мир ничто? Тем лучше! Вообрази скорей,
Что нет тебя, и действуй вольнее, веселись.

648

Смертный, если не ведаешь страха — борись.
Если слаб — перед волей аллаха смирись.
Но того, что сосуд, сотворенный из праха,
Прахом станет — оспаривать не берись.

649

О чадо четырех стихий, внемли ты вести
Из мира тайного, не знающего лести!
Ты зверь и человек, злой дух и ангел ты:
Всё, чем ты кажешься, в тебе таится вместе.

650

Мне так небесный свод сказал: «О человек,
Я осужден судьбой на этот страшный бег.
Когда б я властен был над собственным вращеньем,
Его бы я давно остановил навек».

651

Чем за общее счастье без толку страдать —
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освобождать.

652

О небосвод, я от тебя терплю мучения всегда,
Рубашку счастья моего тырываешь без стыда.
Коль ветер веет на меня, его в огонь ты превращаешь,
Губами я коснусь воды — в прах обращается вода!

653

Я в безумной любви лишь вину поклянусь,
А гулякой меня назовут — ну и пусть!
«Ты откуда идешь, — спросят, — винная бочка?» —
Так я кровью лозы благодатной упьюсь.

654

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно не мало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

655

Мгновеньями он виден, чаще скрыт.
За нашей жизнью пристально следит.
Бог нашей драмой коротает вечность!
Сам сочиняет, ставит и глядит.

656

Друг, в нищете своей отдай себе отчет!
Ты в мир ни с чем пришел, могила всё возьмет.
«Не пью я, ибо смерть близка», — мне говоришь ты;
Но пей ты иль не пей — она в свой час придет.

657

О чем кричит, тревожа чуткий слух,
Что видел в зеркале зари петух?
Проходит жизнь, и эта ночь мелькнула,
Но дремлешь ты и к страшной вести глух.

658

Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей,
Издеваться над глиной, над прахом людей?
Ты, я вижу, ладонь самого Фаридуна
Положил в колесо. Ты безумец, ей-ей!

659

Чужой стряпни вдыхать всемирный чад?!
Класть на прорехи жизни сто заплат?!
Платить улыбки по счетам вселенной?!
— Нет! Я не так усерден и богат!

660

Будь Аристотеля, Джемхура будь мудрей,
Будь богдыхана ты иль кесаря сильней,
Пей всё равно вино. Конец один — могила:
Ведь даже царь Бахрам почил навеки в ней.

661

Загадку бытия не разгадать,
Не посетит нас мудрых благодать.
Поищем рая в чаше — в рай небесный
То ль достучимся, то ли нет — как знать!

662

Прославься в городе — возбудишь озлобленье.
А домоседом стань — возбудишь подозренье.
Не лучше ли тебе, хотя б ты Хизром был,
Ни с кем не знаться — жить всегда в уединенье?

663

Повторенье, подражанье — мира этого дела.
Если бы не повторенье, жизнь бы праздником была, —
Награждались бы старанья, исполнялись бы желанья.
Тень угрозы бесполезной навсегда бы отошла.

664

Шейх блудницу стыдил: «Ты, беспутная, пьешь,
Всем желающим тело свое продаешь!»
— «Я, — сказала блудница, — и вправду такая,
Тот ли ты, за кого мне себя выдаешь?»

665

У мертвых и живых один владыка — ты;
Кто небо завертел над нами дико? — Ты.
Я тварь греховная, а ты создатель мира;
Из нас виновен кто? Сам рассуди-ка ты!

666

О живущий в плену четырех стихий и семи планет!
Ты — игралитще их, ты влачишь ярмо вереницы лет.
Пей вино! Ведь я тысячу раз тебе повторял:
Коль уйдешь, то уйдешь навсегда — и возврата нет!

667

О рок жестокий! Как твой гнет безжалостно тяжел —
Царят в обители твоей лишь зло да произвол!
Даруешь счастье подлецам, несчастья — благородным.
Кто ты: безумный ли старик или тупой осел?

668

Виночерпий, опять моя чаша пуста!
Чистой влаги иссохшие жаждут уста,
Ибо друга иного у нас не осталось,
У которого совесть была бы чиста.

669

Познай все тайны мудрости! — А там?..
Устрой весь мир по-своему! — А там?..
Живи беспечно до ста лет счастливецом...
Протянешь чудом до двухсот!.. А там?..

670

«Брось вино! Попадешь, — мне пророчат, —
в беду:
В день Суда испекут тебя черти в аду!»
Это так. Но не лучше ли вечного рая
Миг божественной истины в пьяном бреду?

671

Коль ищешь ты, чем пропитаться б мог,
Одеться чем, — не ждет тебя упрек.
Всё прочее того не стоит, право,
Чтоб жизни цвет ты гибели обрек.

672

Разбил кувшин из глины расписной,
До чертиков напившись в час ночной.
Кувшин сказал мне горестно и внятно:
«Я был тобой, ты вскоре станешь мной».

673

Слезами омываясь в день трикраты,
Доколе будешь сам терзать себя ты?
Пируй сегодня, пой и пей вино,
Пока не разомкнется круг заклятый!

674

Как надоели мне несносные ханжи!
Вина подай, саки, и вот что: заложу
Тюрбан мой в кабаке и мой моленный коврик;
Не только на словах я — враг всей этой лжи.

675

Коль в роде отличишь моем ты признак родовой, саки,
То сто различий видовых возникнет пред тобой, саки.
Охотно отрекусь от них, а ты мне вдосталь дай вина,
И пусть я перестану быть тогда самим собой, саки!

676

Скорее пробудись от сна, о мой саки!
Налей пурпурного вина, о мой саки!
Пока нам черепа не превратили в чаши,
Пусть будет пара чаш полна, о мой саки!

677

Гостившие здесь прежде поколения
Дремали в грезах самообольщенья.
Садись и пей! Все речи мудрецов —
Пустынный прах и ветра дуновенье.

678

Что за утро! Налей-ка, не мешкая, мне
Что там с ночи осталось в кувшине на дне.
Прелесть этого утра душою почувствуй —
Завтра станешь бесчувственным камнем в стене.

679

Так как смерть всё равно мне пощады не даст —
Пусть мне чашу вина виночерпий подаст!
Так как жизнь коротка в этом временном мире,
Скорбь для смертного сердца — ненужный
балласт.

680

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!
Пусть без усталости хлещет из горлышка кровь.
Эта влага мне стала единственным другом,
Ибо все изменили — и друг, и любовь.

681

Пей! И в огонь весенней кутерьмы
Бросай дырявый темный плащ зимы.
Недлинен путь земной. А время — птица.
У птицы — крылья... Ты у края тьмы.

682

Огню, сокрытому в скале, подобен будь,
А волны смерти всё ж к тебе разыщут путь.
Не прах ли этот мир? О, затяни мне песню!
Не дым ли эта жизнь? Вина мне дай хлебнуть!

683

Нет различья: одна или тысяча бед.
Беспощадна к живущим семерка планет.
Беспощадны к живущим четыре стихии.
Кроме чаши вина — утешения нет!

684

Виночерпий, налей в мою чашу огня!
Надоела хвастливых друзей болтовня.
Дай мне полный кувшин этой пламенной влаги,
Прежде чем изготовят кувшин из меня.

685

Ты при всех на меня накликаешь позор:
Я безбожник, я пьяница, чуть ли не вор!
Я готов согласиться с твоими словами.
Но достоин ли ты выносить приговор?

686

Этот райский, с ручьями журчащими, край —
Чем тебе не похож на обещанный рай?
Сколько хочешь валяйся на шелковой травке,
Пей вино и на ласковых гурий взирай!

687

Открой врата, ведь отворить их можешь только ты,
Путь укажи, ведь проводить нас можешь только ты,
Ни у кого не стану я о помощи просить,
Все бранны, тленны, вечно жить обязан только ты.

688

О вино! Ты прочнее веревки любой.
Разум пьющего крепко опутан тобой.
Ты с душой обращаешься, словно с рабой,
Стать ее заставляешь самую собой.

206

689

Небо! Жалуешь ты почему подлецов?
Бани, мельницы — им, им — сиянье дворцов,
Человек благородный и хлеба не видит, —
Наплевать я на небо такое готов.

690

Ты расставляешь западни на всех путях моих.
Грозишь убить, коль попадусь я вдруг в одну из них.
Ты сам ведь ставишь западни! А тех, кто в них попал,
Бунтовщиками ты зовешь и убиваешь их?!

691

Ни держава, ни полная злата казна
Не сравнятся с хорошею чаркой вина!
Ни венец Кей-Хосрова, ни трон Фаридуна
Не дороже затычки от кувшина!

692

Лживой книжной премудрости лучше бежать.
Лучше с милой всю жизнь на лужайке лежать.
До того как судьба твои кости иссушит —
Лучше чашу без усталости осушать!

693

Лучше в жизни, всего избежать, кроме чаши вина,
Если пери, что чашу дала, весела и хмельна.
Опьяненье, беспутство, поверь, от Луны и до Рыбы,
Это — лучшее здесь, если винная чаша полна.

694

Оттого что неправеден мир, не страдай,
Не тверди нам о смерти и сам не рыдай.
Наливай в пиалу эту алую влагу,
Белогрудой красавице сердце отдай.

695

Дай мне влаги хмельной, укрепляющей дух.
Пусть я пьяным напился и взор мой потух —
Дай мне чашу вина! Ибо мир этот — сказка,
Ибо жизнь — словно ветер, а мы — словно пух.

696

Не думай более прожить, чем шесть десятков лет,
Беспечным пьяницей броди среди земных сует.
Пока из чаши-головы не сделали кувшина,
С кувшином, с чашею в руке всегда встречай рассвет.

697

Не хмурь бровей из-за ударов рока.
Упавший духом гибнет раньше срока.
Ни ты, ни я не властны над судьбой.
Мудрей смириться с нею. Больше проку!

698

Да, лилия и кипарис — два чуда под луной,
О благородстве их твердит любой язык земной.
Имея двести языков — она всегда молчит,
А он, имея двести рук, не тянет ни одной.

699

Красой затмила ты Китая дочерей,
Жасмина нежного твое лицо нежней;
Вчера взглянула ты на шаха Вавилона
И всё взяла: ферзя, ладьи, слонов, коней.

700

Коль можешь, не тужи о времени бегущем,
Не отягчай души ни прошлым, ни грядущим.
Сокровища свои потрать, пока ты жив,
Ведь всё равно в тот мир предстанешь неимушим.

II

701

Ах, что душа знавала, была одна беда.
Вино моим бывало, а радость — никогда.
Такого, как желалось, ни часу не досталось,
А молодость увяла, прошли мои года.

702

Огонь и ветер, вода и прах — из них мы встали
И станем ими в Судный день, забыв печали ^{все,} все...
Что плоть постылую жалеть? Ее топтали все,
А души нам спасет творец. И то едва ли все!

703

Зачем прельщаешься обителью в мирах,
Где жизнь твоя рассыпавшийся прах?
Ты ветра брат, а зажигаешь свечи
И строишь кровлю на семи ветрах.

704

Целовать твою ножку, о веселья царица,
Много слаще, чем губы полусонной девицы!
День-деньской я капризам всем твоим потакаю,
Чтобы звездной ночью мне с любимой слиться.

705

Коль умен ты, не стань у корысти слугой — никогда,
Не склоняйся пред жадностью мудрой главой — никогда,
Будь бушующим пламенем, медленной влагой,
Но не прахом, что ветер развеет любой, — никогда.

706

Хочешь тронуть розу — рук иссечь не бойся,
Хочешь пить — с похмелья хворым слечь не бойся,
А любви прекрасной, трепетной и страстной
Хочешь — понапрасну сердце сжечь не бойся.

707

Душегуб и меня почитал душегубом.
Как проникся он сим заблуждением сугубым?
Он не то чтоб пригнул, он в свой дух заглянул
И увидел — себя! — в этом зеркале грубом.

708

Мудрец, султан иль ринд — творцу любой известен.
Он душу зрит и мысль, твой торг с судьбой известен.
И если свой народ ты гнусной ложью грабишь,
Как глать посмеешь там, где твой разбой известен?!

709

Тому, кто ощутил, что жизнь сгорела вся,
Не стыдно ль строить дом, тяжелый груз неся?
Мы убедились в том, что жизнь — всего лишь ветер,
Тот в горе будет, кто на ветер оперся.

چند رباعی از خیام

بخط میر

اوراق وجود ما کسی نکرده غماهی جانیت رسد و برین	از آمدن ببار و زرقندی می خورم خوراند و گفست
---	--

چون از کف پای علاقت جو در ریت که تا مرجه چریت جو	می که چه شمع زشت ناپست جو تلخست و حرمت و خوشمی آید
---	---

<p>حیام اگر بادہ پرستی خوشنماں</p> <p>چون عاقبت کار ما خواہد بود</p>	<p>بالا اگر کسی خوشنماں</p> <p>انکار کہ نیست جو مستی خوشنماں</p>
--	--

<p>گفتم کہ کوفی و نھی پسند</p> <p>چون سپر راہ آدم داپستم</p>	<p>در کار سربیت و طریقت مدد</p> <p>کہین سخن بران سپر چو من ناملدند</p>
--	--

<p>کرست ترا درین جهان سپر</p> <p>پس از من تو بیار مودت لبے</p>	<p>مان تا زنی پے می و مطربے</p> <p>دنیایکند کہ ای آزار کے</p>
--	---

710

Дел людских постигая безумную суть,
Сам среди прочих глупцом и безумцем не будь.
Мудрецы наслаждением лечат тревоги...
В упоении грез грешный мир позабуди!

711

Разве суетность мира тебе не смешна?
Что нам битый кувшин, если чаша полна?!
В сердце зелье тоски, исцеленье — в бутылки.
Горе тем, кто ее не осушит до дна!

712

Если сана святого ты мечтаешь достичь,
Постарайся гордыню на время сломить.
Не тревожься о пище, не думай о смерти,
Будет время того и другого вкусить.

713

Будь всесилен, как маг, проживи сотни лет, —
В темной бездне веков не увидят твой свет.
Лишь в легендах порой наши судьбы мерцают.
Стань же искрою счастья среди этих легенд!

714

Никому не познать судеб вещей закон,
Для земных мудрецов стал загадкой он.
Так не трать жалких сил на его постижение,
Счастье в кубках ищи... О, как сладок их звон!

715

Думал, казий и муфтий мне смогут помочь
Верный путь обрести, скорби дух превозмочь,
Но, пожив, убедился, что эти всезнайки
Знают, друг мой, как я, так же мало точь-в-точь.

716

Отвечало сердце, спрошено о рае:
Мол, ищу ответа у мудрейших зря я,
Хоть на целом свете верят в бредни эти,
Над собой насмешки чьи-то повторяя.

717

Ты славил розу, лил рубин — и цену их узнал,
А был бы скаред — только тлен хлопот своих узнал.
Все тайны розы и вина известны лишь тому,
Кто алой влаги волшебство средь бед земных узнал.

718

Пейте смело, друзья! В час веселых утех
Усладят нас свирель, гимны зелью и смех,
Что ж до Судного дня, он, похоже, не завтра.
Может быть, позабудут наш маленький грех?..

719

Что, несчастный, ты хочешь от этих ослов?
Ты им мудрость несешь — отметают без слов.
Раз в году ключевою водой не напоят,
В день сто раз опозорят — вот весь твой улов...

720

Будь мудр и жалкий путь глупца себе не выбирай.
Коль щедр друг, в друзья скупца себе не выбирай.
Сердца людей открыты тем, кто помыслами чист.
Дари всем благо, но льстеца себе не выбирай.

721

И цветы луговые увянут, увы,
И сады неземные обманут, увы.
Веселись, всё равно твое имя забудут
На земле. И меня не помянут, увы.

722

Кудри милой от мускуса ночи темней,
А рубин ее губ всех дороже камней...
Я однажды сравнил ее стан с кипарисом,
Возгордился теперь кипарис до корней!

723

Виночерпий, очнись! Черных ночи знамен
Нет над нами давно, ты ж — и утром хмелен!
Глаз бездумных нарциссы открой поскорее,
Кликни магов вина, пусть спешат на наш стон!

724

Сколько небо с землей будут существовать,
Столько злак полевой будет существовать.
Сколько времени будут кружиться светила,
Столько рок мировой будет торжествовать:

725

Веселись, чтоб потом о судьбе не грустить,
 Рок легко оборвет твою тонкую нить...
 Пей вино и забудь о превратностях мира,
 Пусть тревожится тот, кому вечно в нем жить.

726

Коль нечестивец чтит Коран, какой тут пользы
 ждать?
 Весь аскетизм его — обман. Какой тут пользы
 ждать?
 Пускай рядится он в тряпье — святым ему не быть.
 Он проклят богом мусульман. Какой тут пользы
 ждать?

727

«Мы из глины, — сказали мне губы кувшина, —
 Но и в нас билась кровь цветом ярче рубина...
 Твой черед впереди. Участь смертных едина.
 Всё, что живо сейчас, завтра — пепел и глина».

728

Завесу над судьбой никто не смог поднять,
 Каков наш рок собой, никто не смог понять.
 О том наш род слепой настроил тьму догадок,
 А тьма — она есть тьма, тьмой мрака не пронять.

729

С приходом сияния нового дня
 Днем меньше осталось у вас и меня.
 Ах, дни озоруют и век наш воруют
 При свете ярчайшего в мире огня.

730

Небо, может быть, к нам подберет, даст бог,
Несговорчивый, станет сговорчивым рок,
Но, увы, не воскреснут друзья дорогие.
Жизнь прошла — кто же вспять повернет нам
поток?

731

Коль дана тебе сила день чашей встречать,
Ни минуты не должен твой кравчий скучать!
Знай, на каждом из нас лишь несчастья печать...
Дело рока — губить, а вина — выручать.

732

На зеленой траве, у проточной воды,
Пей вино, пой стихи до ночной темноты,
Весел будь, ибо шепчет проточная влага:
«Ухожу, не вернусь, — не вернешься и ты».

733

Долго ль ядом кормить меня будет судьба?
Долго ль кровь мою пить злая будет судьба?
Из-за хлеба куска, чтоб его заслужить,
Долго ль буду бродить я по свету, судьба?

734

Человек что флейта, человек что фляга,
В нем душа что песня, что хмельная влага.
С чем сравнить Хайяму душу человека?
С огоньком, который прячет тело-скряга.

735

О небо, ты бездонно! О небо, ты безгранно!
Так что же ты нас, малых, терзаешь невозбранно?
Истрачен я, измучен, напастями навьючен.
Доколе же ты будешь мне сыпать соль на раны?

736

Жил ты, бедную душу грехами губя,
Без раскаянья жил, никого не любя,
И, когда до своей доберешься могилы,
Отвернется, пожалуй, земля от тебя.

737

Что ни ночь, сколько на небе шьется рубах,
Сколько тут же без счета их рвется впотьмах!
И веселых и грустных в незримых руках
Тащит рок из воды, погружает во прах.

738

Горька наша жизнь, но что толку роптать?
Успей, пока можешь, дань чаше воздать!
В цветенье земля, значит, самое время
Разлить нам по кубкам ее благодать!

739

Не мучь свое сердце тревожной мечтой,
Поверь, только чаша подарит покой.
Скинь с плеч бремя мира, примись за кувшин,
И станешь счастливым... Секрет-то простой!

740

Сердце! Пусть хитрецы, сговорясь заодно,
Осуждают вино, дескать, вредно оно.
Если душу отмыть свою хочешь и тело —
Чаще слушай стихи, попивая вино.

741

Когда смерть переступит Хайяма порог
И сорвет с древа жизни мой чахлый листок,
Мир поместится весь в одно малое сито.
Сквозь него и просеют мой прах, как песок.

742

Дай коснуться, любимая, прядей густых,
Эта явь мне милей сновидений любых...
Твои кудри сравню только с сердцем влюбленным,
Так нежны и так трепетны локоны их!

743

Ты в игре — королева. Я и сам уж не рад.
Конь мой сделался пешкой, но не взять ход назад...
Черной жмусь я ладьёю к твоей белой ладье,
Два лица теперь рядом... А в итоге что? Мат!

744

Кто лишь в выпивках успешен? Это я.
Кто послушен был, стал грешен? Это я.
Кто, упившись в грязной яме, бесконечными ночами
Был в молитвах безутешен? Это я.

745

Годов быстротечности я не боюсь,
Стать пылью для вечности я не боюсь.
Конец неизбежен, чего ж тут бояться?
Что жил я не всласть, о миряне, боюсь.

746

Закрыл я двери сердца желанью и надежде,
Равно не льщу корыстно ни мудрым, ни невежде.
Святой ли я суфийский, монах ли я буддийский,
А я есть я. Без споров, кто после и кто прежде.

747

Мы в месяц строгого поста вино хмельное пьем.
Пусть от грехов горчит оно — мы и такое пьем!
Аллах, прости кощунство нам — не делай горьким
лал.
Кто, как не ты, вина творец? А мы запоем пьем!

748

Может, стоит и следовать разуму, друг,
Только ты не прошел и полкруга наук,
Твой наставник — судьба, как базарный пройдоха,
Облапошит однажды — всё выучишь вдруг.

749

Что не стыдишься низкого разврата,
Отказа от запретов шариата?
Весь мир себе, допустим, заберешь —
Но всё ж его оставишь ты когда-то...

750

Послушай, юноша, что старец произносит —
Он только суть одну тебя постигнуть просит:
Не должен ты дружить с безграмотным невеждой,
Не должен труд вершить, что пользы не приносит.

751

Ты, о смысл мироздания на этой земле,
Ты не тщишь рассуждать о добре и о зле.
Виночерпий веков подает тебе чару —
Пей, покончи с борением дум на челе.

752

Брат, не требуй богатств — их не хватит на всех.
Не взирай со злорадством святоши на грех.
Есть над смертными бог. Что ж до дел у соседа,
То в халате твоём ещё больше прорех.

753

О кравчий, взор к нам обрати с участием, ради бога!
Тоски оковы разорви на части, ради бога!
Мы точно рыбы на песке, ты — Хызр с живой водою...
Впусти страдальцев и верни нам счастье, ради бога!

754

Ты, кого я избрал, всех милей для меня.
Сердца пылкого жар, свет очей для меня.
В жизни есть ли хоть что-нибудь жизни дороже?
Ты и жизни дороже моей для меня.

755

Один всегда постыден труд — превозносить себя.
«Да так ли ты велик и мудр?» — сумеи спросить себя.
Примером служат пусть глаза, — огромный видя мир,
Они не рошут оттого, что им не зреть себя.

756

Мы из глины с тобой, из воды мы с тобой,
Ни одной не избегли беды мы с тобой.
Пью вино, ты напрасно меня о суждаешь, —
Не довольно ль того, что бедны мы с тобой?

757

Чистый лал, кровь лозы, ты из чары испей,
В честь любимых, чьи грезятся чары, — испей!
Мне шепнула лоза: «Не жалея моей крови,
Да минуют тебя все удары, — испей!»

758

Если пути тоски разорвать не сумел,
Если солнце черно от безрадостных дел,
Расспроси о судьбе всех бредущих навстречу,
И утешит тебя общий с ними удел.

759

Пыль дорожная плотником местным была
Или, может быть, витязем честным была.
Будь уверен, куда бы нога ни ступила,
Пыль дорожная кем-то известным была.

760

Ни тех, с кем беседой забыться мирскою, нет.
Ни тех, с кем своей поделиться тоскою, нет.
Покоя алкаю, да так полагаю:
Алкай, не алкай — в этом мире покоя нет.

761

Возвеличит молва — то вина не твоя.
Полетит голова — то вина не твоя.
Ах, добро или зло приключится с тобою,
Вспомни эти слова — то вина не твоя.

762

Быть обителью вечной мир не хочет для нас,
На три дня рай и ад он лишь прочит для нас,
А потом все мы — прах. Прах пойдет на кувшины
Время, ловкий гончар, уж хлопочет для нас...

763

И с другом и с врагом ты должен быть хорош.
Кто по натуре добр, в том злобы не найдешь.
Обидишь друга — наживешь врага ты,
Врага обнимешь — друга обретешь.

764

Степь расцветшая раем покажется мне,
Будем помнить о саде, ручье и вине.
Мир свернет свой шатер при ущербной луне —
Пожалеет об этом сверкающем дне.

765

Родник живительный сокрыт в бутоне губ твоих,
Чужая чаша пусть вовек не тронет губ твоих...
Кувшин, что след от них хранит, я осушу до дна.
Вино всё может заменить... Всё, кроме губ твоих!

766

Смерть однажды случится, моя и твоя.
И душа отлучится, моя и твоя.
Нас не будет, но в лунном и солнечном блеске
Смерть, как пар, растворится, моя и твоя.

767

Из-за того, что не пришло, ты не казни себя,
Из-за того, что отошло, ты не кляни себя,
Урви от подлой жизни клоч — и не брани себя,
Покуда меч не поднял рок — живи, храни себя.

768

Пока еще клокочет души моей казан,
Чего мне ни пророчат, я пью вино и пьян.
А замешавшись с глиной, хочу быть жбаном вин-
ным,
И — чур! — виноторговцу продайте этот жбан.

769

В смятении сердце. Какой оно друг?
Во всех уголках его скрытый недуг.
В глазах же моих сразу два горьких моря,
Того гляди, рыбка поймается вдруг!

770

До того, как замрешь на последней меже,
В этой жизни подумать успеи о душе,
Ибо там, оказавшись с пустыми руками,
Ничего наверстать не сумеешь уже.

771

В том находишь забаву ты только один,
Унижая людей безо всяких причин.
Свой оплакивай жребий до самой кончины
И скорби, о глупец и глупцов господин.

772

О роза, с милою моей твой цвет красою схож,
Как цвет вина и лала цвет своей игрою схож...
Что мне судьба? Я для нее давно стал чужаком.
В том нет загадки — мой удел с любой судьбою схож.

773

Куда уйти от пламенных страстей,
Что причиняют боль душе твоей?
Когда б узнал, что этих мук источник
У той в руках, что всех тебе милей...

774

Душой ты безбожник с Писаньем в руке,
Хоть вызубрил буковки в каждой строке.
Без толку ты оземь башкой ударяешь,
Ударь лучше оземь всем тем, что в башке.

775

Глоток рубина, и я вновь воспряну, виночерпий.
Уйми огонь и дай припасть к фонтану, виночерпий...

Пока мой разум, давний враг, души сжимает ворот,
Я чаще верной изменять не стану, виночерпий!

776

Пусть вечен мир, но смертных путь в нем краток,
виночерпий...
Наполни кубок! Сок лозы так сладок, виночерпий!
Едва зари пробьется луч, запрем плотнее двери
И чашей скрасим наших дней остаток, виночерпий.

777

Виночерпий, свеча есть, вино и луна!
Виночерпий, подруга пьяна от вина!
Мое сердце горит, где ж вода, виночерпий,
Загорюсь — и твоя это будет вина.

778

Люблю расплавленный рубин. За дело, виночерпий!
Дух брошен в пламя, воскреси хоть тело, виночерпий!
Мне чаша полная нужна. Лей смело, виночерпий!
Хочу, чтоб скорбная душа запела, виночерпий!

779

Хочу пурпурного вина, как яда, виночерпий.
Печальна жизнь. В каких краях отрада, виночерпий?
Забыть в хмелю себя и мир, испить забвенья чашу,
А больше, верь, мне ничего не надо, виночерпий...

780

Настройте чанг, восславим, брат, попойку на заре!
Буди друзей, не то просят попойку на заре!
Дурман вина и миг любви — вот всё, чем дорог мир...
Начнем, чтоб встретить нам закат, попойку на заре.

III

781

На твое лишь милосердие уповаем мы, аллах,
Нерадивые в молитвах, неповинные в грехах.
Твоя воля беспредельна, потому смогли возникнуть:
В сердце грешника — надежда, а в душе святоши —
страх.

782

Перед вином главу склоняю сам.
Жизнь за него, не дрогнув, я отдам.
Моя рука держать устала чашу,
Но тянется душа к ее устам.

783

С моим неверьем лучше не шути,
Могучей верой ты его сочти.
Уж если я такой как есть — неверный,
То правоверных — в мире не найти.

784

Проходит странно дней земных круговорот,
Давно ль зарей сиял над нами небосвод?
Воспрянь и кубок свой живой водой наполни!
Из жизни день ушел, и эта ночь пройдет.

785

Вину, что дарит радость нам с тобой,
От нас скрываться суждено судьбой,
Ты не гляди, как я владею чашей,
Гляди, как я владею сам собой.

786

К познанию божества прямым путем идущий
Чуждается себя и в боге весь живет.
Себя не признавай! Верь: бог един есть сущий!
«Божествен только бог» к тому же нас зовет.

787

Бди ночью: в ночь для тайн любовники все в сборе
Вкруг дома, где их друг, носясь, как рой теней.
Все двери в те часы бывают на запоре,
Лишь друга дверь одна открыта для гостей.

788

Сколько печалей мне волей твоею дано.
Ты ежечасно мне горе несешь не одно.
Пусть же оплачут меня, ибо слез я достоин:
Рядом с тобою до гроба мне быть суждено.

789

К хорошим людям плохо относиться нельзя,
И на себя на самого молиться нельзя.
Своим богатством и умом хвалиться нельзя.
Короче говоря, ничем кичиться нельзя.

229

790

Из глины Адам — первородич народов Земли, —
И с ним, словно буря, тревоги и страсти пришли.
Иглою любви прокололи артерию духа,
И капля упала, и сердцем ее нарекли.

791

Ты жизнь свою на ветер по глупости пустил,
Ты смерть свою, невежда, из виду упустил.
Ты рассчитал события на двести лет вперед,
Но у судьбы отсрочки себе не испросил.

792

Коль станешь твердым — как копьё, начнут тебя метать,
А станешь мягким — словно воск, положат под печать.
Согнешься, выпрямят тебя перед огнем, как лук.
А выпрямишься — как стрелой, начнут тобой стрелять.

793

Лучатся маки в утренней росе,
Пора любви пришла во всей красе.
Мы книги в майхоне пропьем, а после
Уж наведем порядок в медресе.

794

Доколь мы будем Книгу Жизни рвать,
Доколь рыдать, посуду бить, страдать?
Наполни чашу смехом и отвагой,
Чтобы разбить жестокой скорби рать!

795

Пусть, как огонь, сквозь воздух мы пройдем,
Пусть мы исток живой воды найдем,
Ведь всё равно мы — прах, мир этот — ветер.
Так сядем, упоим сердца вином.

796

Мы веселы — и день нам не приносит горя.
И, получив одно, не жаждем взять другое.
Не морщим утром лоб: а будет ли обед?
Не просим — и дано нам щедрою рукою.

797

Мир — это тело мироздания, душа которого — господь,
И люди с ангелами вместе даруют чувственностью плоть,
Огонь и прах, вода и воздух — из их частиц мир создан
сплошь.
Единство в этом, совершенство, всё остальное в мире —
ложь.

798

Мы выпили так, что алмаз уже красен, как лал,
И в страхе кричит нам «довольно!» усталый бокал.
Вино к нам нейдет — мы отправимся сами к нему
И, хум оседлав, полним жаром прохладный бокал.

799

Ты, виночерпий, был столь милосерден со мной,
Если б не ты, разве мне бы помог кто иной?
Если уж ты мне в печали не дашь утешенья,
Кто же поможет мне сладить с моею бедой?

800

Коль ты кумир — отныне чтить кумиров буду я,
Коль ты несешь вино — в вине отныне жизнь моя.
Пусть я в слиянии с тобой утратил сам себя,
Любовное небытие не лучше ль бытия?

801

Считай, что ты изменишь ход планет.
Считай, что этот свет — не этот свет.
Надейся, что желанного достигнешь.
Считай, что так. А нет — считай, что нет.

802

Под вечным куполом всю жизнь мечась, ты всё ж,
Как муравей в тазу, ни щели не найдешь,
С повязкой на глазах, — а в сердце страх и д р о ж ь , —
Как бык на мельнице, по кругу ты идешь.

803

О виночерпий! Уже воссияла луна!
Небо к нам часто сурово. Налей же вина!
Ведаешь сам ты, как смерть пепелит нашу ниву,
Глазом моргнуть не успеешь — дотла сожжена.

804

Любимая в ночи ко мне пришла,
Назло врагам светильник мой зажгла.
И пусть луна зайдет, свеча погаснет —
С тобою мне и ночь, как день, светла.

805

Я ангелом считал ее — луну,
Теперь, взглянув, увидел сатану.
Та, что была мне как очаг зимою,
Сегодня стала шубой на весну.

806

Если игла в целом городе только одна,
Самому бедному в пятку вонзится она.
И на базарных весах — уж на что справед-
ливый! —
Чаша, где больше лежит, перевесить должна.

807

В чем держится душа моя живая?
Меня судьба терзает — ведьма злая.
И пища, что она готовит мне,
То — несоленая, то — соль сплошная.

808

Не мужчина, если пьешь ты только изредка вино,
И позор, когда всяк день винной чаши видишь дно.
Пить вино к лицу царю, бражнику и мудрецу,
Ни одним из этих трех стать тебе не суждено.

809

Поскольку бесконечен этот мир,
Поскольку бессердечен этот мир —
Напрасно не тужи о вечной жизни:
Для нас с тобой не вечен этот мир.

810

О виночерпий, восстань и скорее вина мне налей!
Миг забытья столь прекрасен в мелькании дней.
Радуйся, друг мой, всему, что нам жизнь даровала,
Ведь ничего мы не видим хорошего в ней.

811

Твой дух почуяла душа в струе зефира
И, кинув здесь меня, сама по дебрям мира
Пошла тебя искать; а тело в стороне.
Твой дух она себе усвоила вполне.

812

Богат безмерно — не подкупишь смерть,
Она сумеет всех смести, стереть.
Один старик сказал мне в харабате:
«Живи счастливо, належишься впредь».

813

Ни к другу не взывай, ни к небесам
О помощи. В себе ищи бальзам.
Крепись в беде, желая кликнуть друга.
Перестрадай свое несчастье сам.

814

Зачем томишь ты ум в кругу исканий строгом
И плачешь о тщете излюбленной мечты?
Ведь ты от головы до ног проникнут богом,
Неведомый себе, чего же ищешь ты?

815

Ты муж, коли властвовать в силах собою,
Других не коришь слепотой, глухотою,
Кто падшего топчет — тот мужества чужд,
Поднявшего — имени «муж» удостою.

816

Если в прах ты, судьбою униженный, пал,
Если купол небесный тебя покарал,
Но и воду живую из рук подлецов
Не бери, хоть бы даже в огне ты сгорал.

817

Подай мне кубок — радость бытия,
Прекрасный, как любимая моя.
С вином, как цепь колечками кипящим,
Подай мне кубок — обезумел я!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эдвард Фитцджеральд

РУБАЙЯТ ОМАРА ХАЙЯМА

Поэма

1

Вставай! Свой камень в чашу тьмы Рассвет
Уже метнул — и звезд на небе нет,
 Гляди! Восходный Ловчий полонил
В силок лучей дворцовый минарет.

2

Неверный призрак утра в небе гас,
Когда во сне я вял призывный глас:
 «В кабак, друзья! Пусть бьет вино ключом,
Пока ключ жизни не иссяк для нас».

3

А лишь пропел петух, перед крыльцом
Народ кричал: «Откройте ж двери в дом,
 Где суждено так мало нам пробить
И не вернуться никогда потом!»

4

В сердцах томленье будит Новый год;
Меня же тишина полей зовет,
 Где дышит Иисус, где на ветвях
Длань Моисея, белая, цветет.

5

Где розы пышные твои, Ирем?
Где кубок Джемшида, кто скажет нам?
 А в гроздьях яхонт всё еще горит,
И всё цветут сады по берегам.

6

Умолк Давид, а розе соловей
На пехлеви священном кличет: «Пей!
Пей, пей вино, пурпурное вино:
Оно ланиты делает алей».

7

Налей вина и в пламя вешних дней
Брось зимний покаянный плащ. Скорей!
Уж птица Время крылья подняла,
А ведь лететь, увы, не долго ей.

8

Будь Вавилон иль Нишапур твой град,
Горька ли чаша иль полна услад —
Напиток жизни сякнет с каждым днем
И с древа жизни листья всё летят.

9

Сто свежих роз приносит утро в сад;
Одной, вчерашней, не вернуть назад.
И первый летний месяц, месяц роз,
Вас унесет, Джемшид и Кей-Кубад.

10

Пусть унесет! Что нам за дело, друг,
Что факел жизни Джемшида потух!
Пускай зовут Рустам с Зурабом в бой,
А Хатим-Тай к столу, но ты будь глух.

11

Пойдем туда, где дышится вольней,
На рубеже пустыни и полей,
Где всё равно — султан ты или раб, —
И гордого Махмуда пожалей.

12

Стихи в тени деревьев, в знойный май
Кувшин вина и хлеба каравай,
И ты в пустыне с песней на устах,
О, для меня пустыня эта — рай!

13

Одних манит удел владык земли,
Других же рай, мерцающий вдали...
Держи что есть, о барышах забудь
И дальним барабанам не внемли!

14

Ты слышал, роза говорит: «Мой брат,
Гляди! Смеясь, я лью свой аромат.
Ты шелковый шнурок с моей мошны
Сорви и золотом осыпь весь сад».

15

Кто собирал златые зерна в дом
И кто пустил их по ветру дождем,
Равно прейдут не в золото, а в прах.
Не станут их откапывать потом.

16

Твои надежды гибнут, человек!
Иль расцветают... и тогда, как снег,
Упавший на песчаный лик пустынь,
Сверкнув на миг, уносятся навек.

17

В сей караван-сарай, где на часах
Чреда ночей и дней стоит в воротах,
На краткий срок, отмеченный судьбой,
Свой пышный въезд свершал за шахом шах.

18

И льву и ящерице вход открыт
В тот зал, где древле пировал Джемшид;
В могилу Бахрама степной осел
Копытом бьет, но старый ловчий спит.

19

Скажи, где розы цвет еще так ал,
Как там, где кесарь кровью истекал?
А гиацинт в саду? Быть может, он
С чела, когда-то чудного, упал.

20

Трава, чьей зеленью окаймлена
Губа ручья... О, как она нежна.
Не мни ее! Кто знает, из каких
Когда-то нежных губ растет она.

21

Ах, утопи, вино, в своих волнах
О прошлом грусть и пред грядущим страх.
Ведь завтра, может быть, утонем мы
В бесчисленных умчавшихся веках.

22

Как много милых нам друзей (какой
Прекрасный урожай, о Время, твой!)
Уж осушили кубок свой до дна
И улеглись безмолвно на покой!

23

И мы, которые на смену им
С весной пришли и за столом шумим, —
И мы должны под сень могил сойти,
Чтоб для других могилой стать самим.

24

Но будем жить и сгоним грусть с лица,
 Пока к нам Смерть не выслала гонца!
 Став прахом, в прахе будем мы лежать
 Без песни, без вина — и без конца.

25

Тем, кто лишь днем сегодняшним живут,
 И тем, кто завтра с нетерпением ждут,
 Страж с башни Тьмы равно кричит:
 «Глупцы!
 Вам воздаянья нет ни там, ни тут».

26

Все мудрецы, которые в веках
 Так тонко спорили о Двух Мирах,
 Как лжепророки свергнуты; их речь
 Развеял ветер, уста засыпал прах.

27

И я когда-то к магам и святым
 Ходил, познания жаждою томим,
 Я им внимал; но уходил всегда
 Через ту же дверь, как и являлся к ним.

28

Я помогал их тяжкому труду:
 Сажал и холил Мудрости гряду...
 И вот вся жатва, собранная мной:
 Я, как вода, пришел; как ветер, уйду.

29

Я, как вода, в сей мир притек, не зная,
 Ни для чего, ни из какого края;
 И из него, как ветер через степь,
 Теперь несусь — куда, не понимая.

30

Что, не спросясь, примчало нас сюда?
И, не спросясь, уносит нас — куда?
Чтоб память об обиде этой смыть,
Вино, друзья, пусть льется, как вода!

31

С Земли я за черту небесных тел
Вознесся и на трон Сатурна сел;
Распутал много я узлов в пути,
Лишь твоего не мог, людской удел.

32

Ах, дверь была закрыта на замок,
И сквозь завесу видеть я не мог.
Послышалась мне речь про «я» и «ты»,
Но через миг настал молчанью срок.

33

Земля молчит о том, кто дал ей свет;
И темен моря стонущий ответ;
Безмолвны твердь и хор ее светил,
То скрытый рукавом зари, то нет.

34

И я с тоской воззвал: «Где факел тот,
При свете коего Судьба ведет
Своих детей, блуждающих во тьме?»
— «Чутье слепое», — молвил неба свод.

35

Тогда прильнул устами к чаше я,
Дабы познать источник бытия.
И мне уста ее шепнули: «Пей,
Пока ты жив! Жизнь коротка твоя».

36

И мнилось, глиняный сосуд давно
Когда-то жил, лобзал и пил вино;
А ныне поцелуи не дарить,
Лишь принимать устам его дано.

37

Раз к гончару привел меня досуг.
Он глину влажную месил... И вдруг
Из недр ее чуть внятную мольбу
Услышал я: «О, осторожней, друг!»

38

И разве не идет из века в век,
Сопровождая поколений бег,
Предание о том, что создан был
Из влажной глины первый человек?

39

И капля каждая вина, на грудь
Земли упав, находит в недра путь,
Чтоб потушить огонь тоски в очах,
Давно в глуби сокрытых где-нибудь.

40

Как на заре, подняв чело, тюльпан
Впивает горнего вина дурман,
Так пей и ты, покуда Рок тебя
Не опрокинет, как пустой стакан.

41

Равно земле и небу вопреки,
Грядущее презренью обреки
И утопи персты свои в кудрях,
Как юный тополь, стройного саки.

42

Ты пьешь вино, уста целуешь ты,
А завтра ждет их царство Пустоты;
Ты сам — ничто за жизненной чертой,
Такое же ничто и до черты.

43

Пока на розах мы с тобой сидим,
Пей гроздий сок. Когда же серафим
Тебе темней напиток поднесет,
Прими его, душой неколебим.

44

Ведь если чужд душе презренный тлен
И ей дано цвести средь райских стен,
То не позор, не срам ли для нее,
Смирясь, терпеть земной темницы плен?

45

Что наша плоть? Шатер, где отдохнуть
Прилег султан, чей в царство Смерти путь...
Его с зарей разбудит черный страж, —
У входа гость другой какой-нибудь.

46

Не мни, что Жизнь, закрыв навеки счет
Тебе и мне, в бездействии замрет:
Мильоны пенных брызг, подобных нам,
Бессмертный Кравчий пролил и прольет.

47

Когда тебя накроет смерти тень,
Над этим миром не померкнет день:
Вселенной столь же безразличен ты,
Как морю брошенный в него кремень.

48

В пустыне Хаоса на миг прильнуть
 К колодцу Жизни нам дано... А чуть
 Зашла звезда, уж караван спешит
 К заре Небытия. Готовься в путь!

49

И если в тайну мировой души
 Проникнуть хочешь в этот миг — спеши!
 Как распознать, где истина, где ложь
 И что над жизнью властвует в тиши?

50

Меж истиной и ложью только нить;
 Где ж тот алиф, которым бы открыть
 Сумели мы к Сокровищнице путь
 И к Самому Владыке, может быть?

51

Чьим скрытым духом, как огнем, согрет
 Расколотый на бездну тварей свет?
 И все они — от рыбы до луны —
 Меняются и гибнут; Он же — нет.

52

Он зрим на миг — и вновь завесой скрыт,
 Что между тьмой и зрелищем стоит,
 Которое, чтоб вечность коротать,
 Он сам творит, играет и глядит.

53

И если нынче тщетно острый взгляд
 То в прах земли, то в блеск небесных врат
 Вперяешь ты — чего ж от завтра ждать,
 Когда на очи ляжет смертный плат?

54

Освободись от суетных забот,
 Направленных на этот мир и тот!
 Не лучше ль пить с весельем гроздий сок,
 Чем ждать в тоске пустой иль горький плод?

55

Не мало лет прошло с тех пор, друзья,
 Как новым браком сочетался я:
 Бесплодный Ум от ложа я прогнал,
 И дочь Лозы — теперь жена моя.

56

Как «есть» иль «нет», так «вверх» и «вниз»
равно
 Определять умею я давно, —
 Однако изо всех наук в одной
 Я был глубок — в науке пить вино.

57

Мой календарь — так слух идет окрест —
 Исправил год по указанью звезд...
 О нет... но в нем для мертвого «вчера»
 И «завтра» нерожденного нет мест.

58

Намедни в кабаке сидел я... Вдруг
 Передо мной явился райский дух;
 Он на плече сосуд из глины нес
 И молвил мне: «Испей вина, о друг!»

59

Пред непреложной логикой вина
 Все семьдесят две секты — ложь одна;
 И власть ему, алхимику небес,
 Медь жизни в золото претворять дана!

60

Вино — непобедимый грозный шах.
Он с заколдованным мечом в руках
Скорбей и страхов черную орду
Преследует и повергает в прах.

61

Ведь если хмель — питомец божьих рос,
Мы поносить не смеем пьяных лоз.
То дар благой... Так примем же его!
А если злой, то кто его поднес?

62

Ужель, расплатой повергаем в страх
Иль упиваясь нектаром в мечтах,
Я от вина земного отрекусь,
Пока сосуд не превратился в прах?

63

О, свет надежд! О, черных страхов гнет!..
Одно лишь верно: эта жизнь течет.
Вот истина, всё остальное ложь:
Цветок отцветший вновь не расцветет.

64

Не странно ли? Никто из тех, кто раз
Уже проник в ворота Тьмы до нас,
Не возвратился рассказать про путь,
Куда вступить и нам настанет час.

65

Все откровенья мудрецов земли
И тех, кому виденья душу жгли, —
Лишь сны; они их рассказали тем,
Кто им внимал, и снова спать легли.

66

Я душу посылал в незримый Край:
 «Лети, душа, и, что нас ждет, узнай!»
 И мне она, вернувшись, принесла
 Такой ответ: «Во мне и ад, и рай».

67

Рай — воплощенных грез виденье, ад —
 Тень от души, расплавленной стократ;
 И эта тень — на Тьме, откуда мы
 Вчера пришли, куда идем назад.

68

Куда игрок направит мяч, туда
 Летит он безо всяких «нет» иль «да».
 Куда наш путь? Об этом знает Тот,
 Тот, только Тот, кто бросил нас сюда.

69

Нас на доске ночей и дней вперед
 И в стороны, как пешки, Рок ведет;
 Порою вместе сталкивает, бьет
 И друг за другом в ящик вновь кладет.

70

Что мир наш, в совокупности своей,
 Как не игра магических теней?
 Над сценой солнце, как фонарь, горит,
 И люди-призраки скользят по ней.

71

За знаком знак чертит бессмертный Рок
 Перстом своим. И ни одну из строк
 Не умолишь его ты зачеркнуть,
 Не смоешь буквы слез твоих поток.

72

И кубка опрокинутого свод,
Под коим смертный, сгорбившись, живет,
 Не призывай! Безгласный, как и мы,
Свершает он свой вечный оборот.

73

Последнего из нас дал первый ком —
Последней жатвы семя было в нем:
 Что написал творенья первый день,
Прочтется вслух последним, Судным днем.

74

Вчера сегодняшний был зачат бред —
Источник громких, завтрашних побед...
 Иль смерти. Пей! Откуда ты пришел,
Куда идешь, зачем — ответа нет.

75

В одушевленный глиняный комок,
Что мне в жилище предназначил Рок,
 Вросла лоза, когда небесный Конь
Созвездья на хребте своем увлек.

76

Я с нею связан телом и душой.
Что ж! Может быть, металл ничтожный мой
 Даст ключ к вратам, пред коими, ханжа,
Вотще твой жалкий раздается вой.

77

Любовью ли свет истины гореть
Меня заставит, гневом ли — узреть
 Хоть луч его я поспешу в кабак,
Но не пойду искать его в мечеть.

78

Как! Одарить простой земли комок
 Сознанием, чтоб ощущать он мог
 Ярмо соблазнов и терпеть его
 Под страхом мук, которым вечность — срок?

79

Как! Дав взаймы окалину и сор,
 Потом вести о злате разговор
 И взыскивать с нас долг, который нам
 Навязай был? О низость! О позор!

80

О Ты, на тяжкий путь мой искони
 Поставивший силки и западни!
 Когда паду в сеть рокового Зла,
 Мне в грех мое паденье не вмени.

81

О Ты, кем Змий был в райский сад введен
 И человек из праха сотворен!
 Что на челе у нас клеймо греха,
 Ты нам прости — и нами будь прощен.

82

Когда голодный Рамазан, как тать,
 Под кровом тьмы собрался убежать,
 Я в мастерской у гончара стоял:
 Кругом — сосудов глиняная рать.

83

Сосудов, слепленных на разный лад,
 Вдоль длинных стен стоял за рядом ряд;
 Одни болтливы были, а других
 Прельщало слушать то, что говорят.

84

Один сказал: «Возможно ли, чтоб Он,
Которым я из глины сотворен,
 Меня искусно создал для того,
Чтоб снова в глину был я превращен?»

85

Другой промолвил: «Отрок бережет
Бокал, даривший хмель... Ужели тот,
 Кто сам любовно вылепил сосуд,
Его потом со злобой разобьет?»

86

Вдруг чей-то стон раздался: «Вам смешна
Моих краев неровных кривизна?
 Рукой дрожащей, может быть, лепил
Меня гончар... Моя ли в том вина?»

87

Тогда один, имевший речи дар
И в чьей груди горел суфийский жар,
 Воскликнул: «Вздор! Скажите же мне, кто,
По-вашему, сосуд и кто — гончар?»

88

Другой сказал: «Упорно говорят,
Что тех из нас, кто не удался, в ад
 Столкнет гончар. Пустое! Верьте в то,
Что добрый он, — и всё пойдет на лад».

89

Один шепнул, издав протяжный вздох:
«От долгого забвенья я засох;
 Лишь сок родимых лоз в себя вобрав,
Я б вновь ожить и сил набраться мог».

90

Вдруг пролил месяц молодой сиянье
 Своих лучей на хрупкое собрание...
 И крик раздался: «Слышите, друзья,
 В руках привратника ключей бряцанье!»

91

Когда забудусь я последним сном,
 Мои останки ты омой вином
 И в саване из листьев пьяных лоз
 Меня в саду похорони родном.

92

Из-под земли мой пепел гробовой
 Захватит в плен благоуханный свой
 Прохожего, который через сад
 Пройдет в мечеть с поникшей головой.

93

Мои кумиры, ваша в том вина,
 Что жизнь моя навек посрамлена:
 В стакане — имя доброе мое,
 А честь моя за песню продана.

94

Не раз, Хаям, неслись твои мечты
 К раскаянью, — но был ли трезвым ты?
 И вновь, и вновь твой покаянный плащ
 Рвала Весна, несущая цветы.

95

Хоть надо мной ты учинил грабеж,
 Злой хмель, похитив чести плащ, — я всё ж
 Дивлюсь тому, кто продает вино:
 Ценней вина едва ли что найдешь.

96

С увядшей розою весна уйдет,
И старость книгу юности замкнет;
 А соловей, который пел в ветвях, —
Откуда и куда его полет?

97

Когда б в пустыне свой прекрасный лик,
Пусть даже смутно, мне явил Родник, —
 Усталый путник, я бы, как трава,
Стопою смятая, к нему приник.

98

О, если б дух слетел какой-нибудь,
Чтоб книгу Рока вовремя замкнуть
 И приказать суровому писцу
Всё изменить иль вовсе зачеркнуть.

99

Любовь моя! Когда бы Он вручил
Нам этот мир, который так уныл, —
 Его в куски разбили б мы и вновь
Слепили так, чтоб сердцу стал он мил.

100

Как много раз твой рост и твой ущерб
Еще увижу, милый лунный серп!
 Но час придет — и тщетно будешь ты
Меня искать под сенью этих верб.

101

Когда, саки, для благодетных услуг
Ты, словно месяц, вступишь в звездный круг
 Гостей веселых — в память обо мне
Переверни пустую чашу, друг!

II

Из ранних переводов Омара Хайяма

1

Аллах! Ханже ль тебя доступно понимать?
Он чужд, он, как пришлец, желает видеть ясно
Лишь то, что для случайных глаз прекрасно, —
Ему ль в глубокий смысл могущества вникать?..

Он, движимый к тебе припадками боязни,
У ног твоих спешит в сомненье пресмыкаться;
Желая избегать своей достойной казни,
Готов от всех творений отказаться!..

Противны мне твои молельцы! Их ли вера
Достойна лучшего удела и примера?..
Единая их мысль — избегнуть наказания,
Которое ты дашь в пределах мрачных ада,
Для них важна твоя загробная награда,
Но здесь тебя ценить в них вовсе нет желанья!..

Ах, повторяй свои жестокие заветы
Кому-нибудь — не мне, кто знает так тебя,
Кто видит все твои высокие приметы, —
Ты можешь ли людей наказывать любя?!..

2

Увы! Мое сердце не знает лекарства,
Уходит душа, растается со мной...
Куда ты уходишь? В какое ты царство
Помчишься из тела за новой судьбой?

Стремясь к любви, провожала ты годы,
Прошедшее стало тебе пустотой...
Ни в царстве духовном, ни в царстве природы
Нет смысла, нет жизни, желанной тобой.

3

Убаюкан тщетною надеждой,
Разметал я на ветер полжизни,
Но и дня безоблачного счастья
Не познал в земной своей отчизне.
И теперь живу под гнетом страха:
Я боюсь, что время, время злое,
Уловить мне случай помешает —
Увенчать наградой хоть былое.

4

Кораном в пятницу вино
Нам строго пить запрещено.
Но пусть отвержен будет тот,
Кто эту заповедь блюдет.
Спокойно чару пей свою, —
Мы служим богу, а не дню.

5

Нет, в эту жизнь мы войти опоздали —
Мир уж до нас в искушеньях погиб.
Как бы мы жизнь исправлять ни желали,
Поздно, напрасно! Так крепко привит
К духу, уму первородный наш грех,
Корни пустил, прободал всё живое —
Мысли, и чувства, и слезы, и смех...
Стало смешным нам и скучным святое,
Стал непонятен нам истинный бог,
Мира исправить и он бы не смог.
Что же? Не лучше ли кончить мученье,
Глупые игры с своим божеством,
Вечно его надувать ханжеством
И быть надутым судьбой в заключение.

6

Облегчи в бедном сердце мучительный гнет,
 Треволнений мирских и забот;
 От недоброго взора людского укрой
 Всё, в чем грешен бывал я порой!
 На сегодня дай светлого счастья струю —
 А на завтра себя предаю
 Я, мой Бог, в милосердную руку Твою.

7

Жалкая страсть человека — подобна собаке цепной:
 Крик ее — лай непристойный, докучий, без всякого толка!
 Лисья таится в ней хитрость... Дает она мнимый покой.
 Зайца обманчивый сон... Сочетались, слились в ней одной
 Бешенство лютого тигра и жадность голодного волка.

8

Зачем, творец мой, ты меня заставил
 От первых дней себя распознавать?
 И творческую мощь ты сам же обесславил,
 Уделом начертав мне слово «умирать»?!
 Какая цель? В чем смысл того познания
 И для чего оно, когда не в силах я
 Воспользоваться им для целей бытия,
 Раз осужден тобой на вечное изгнание?

9

Открой мне дверь: открыть ее
 Здесь может, боже, лишь твое
 Чудесно-властное веленье!
 Дай путь сознанию моему:
 Ты открываешь путь спасенья!
 Руки не дам я никому
 Из тех, поднять кто пожелает
 Меня из праха суеты.
 Всех смерть и тленье ожидает,
 Бессмертен, вечен только ты!..

ПРИМЕЧАНИЯ

Задача настоящего сборника — впервые обобщить почти столетний опыт передачи хайямовских рубаи русскими стихами и показать их советскому читателю наиболее полно, в самых удачных из имеющихся переводов, а также дополнить наши представления о Хайяме новыми или малоизвестными материалами.

В разделе I приведены наиболее адекватные подлиннику переводы семисот хайямовских рубаи, отобранные из публиковавшихся ранее путем тщательного сличения их с текстом авторитетных персидских и таджикских изданий. При этом обращалось особое внимание на то, чтобы перевод по возможности полно отражал содержание оригинала и точно передавал его характерные особенности. Учитывались также художественные качества перевода — ритмика, музыкальность и т. п., но не в ущерб смысловому его содержанию: в частности, не включены в сборник те переводы, в которых имеются произвольные добавления переводчика, не содержащиеся в тексте оригинала, хотя они и обладают высокими художественными достоинствами. Девять рубаи (№ 77, 94, 139, 246, 310, 380, 545, 643, 687), имеющие только по одному переводу, далекому от подлинника (см. об этом ниже), переведены заново. Пять рубаи (№ 155, 162, 170, 640, 681) включены в переводах И. Тхоржевского, сделанных не с оригинала, а по строфам поэмы Э. Фитцджеральда «Рубайт Омара Хайяма», в примечаниях к ним даны подстрочные переводы подлинника и указано, мотивы каких хайямовских рубаи использованы Э. Фитцджеральдом в этих строфах. Раздел II составляют новые переводы 80 хайямовских рубаи, которые до сих пор никогда не переводились на русский язык. Эти переводы, как и новые переводы в первом разделе, выполнены по подстрочникам А. Ш. Шахвердова, отредактированным З. Н. Ворожейкиной. После завершения работ по составлению настоящего издания вышел из печати в Ташкентском отделении издательства «Радуга» сборник рубаи Омара Хайяма на персидском, узбекском и русском языках. Составитель сборника и переводчик узбекского текста Ш. Шамухамедов. Русский текст состоит из ранее опубликованных переводов Н. Стрижкова, дополненных новыми переводами, в том числе в соавторстве с Ш. Шамухамедовым (см.: Библиография, II, № 101). В сборник включены 446 рубаи. Все они вошли в настоящее издание в переводах разных поэтов (в том числе Н. Стрижкова), за исключением четырех рубаи (№ 41, 112, 114, 270).

Многие хайямовские четверостишия приписываются не только Омару Хайяму, но и некоторым другим поэтам. В разделе III приведены 37 хайямовских рубаи, которые до сих пор переводились только под именами других поэтов X—XV вв.

Приложение к основному тексту иллюстрирует первоначальное освоение наследия Омара Хайяма на русской почве. Здесь в разделе I приведена поэма английского поэта Эдварда Фитцджеральда «Рубайят Омара Хайяма» в переводе О. Румера по окончательной ее редакции, состоящей из 101 строфы (см.: Библиография, II, № 14, а также вступ. статья, с. 40)¹. В примечаниях указано соотношение строф поэмы с соответствующими рубаи, мотивы которых были использованы Э. Фитцджеральдом. В разделе II помещены девять ранних переводов из Омара Хайяма, представляющих собой вольные переложения русскими стихами (в восемь и более строк), которые до настоящего времени не имели адекватного перевода. Новые переводы этих рубаи, выполненные для данного издания, имеются в основном тексте (см. о них выше).

В каждом разделе четверостишия расположены в алфавитном порядке первых строк (мисра) оригиналов — по последним буквам рифмы, т. е. наиболее устойчивого элемента рубаи, менее всего подвергавшегося изменениям в течение нескольких веков (см. Указатель, с. 283).

Устранение всех неточностей и ошибок в передаче подлинного текста хайямовских четверостиший — дело будущего, осуществить его в одном издании невозможно. В примечаниях к данному сборнику приводятся материалы для дальнейшей работы в этом направлении. Указываются наиболее существенные различия оригиналов, которые изменяют содержание и смысловое значение данного рубаи, а также различия в окончаниях первой строки и перестановка первых строк оригинала для возможности отождествления данного рубаи по различным источникам. Отмечаются существенные неточности в тексте оригинала и в переводах, выявленные в процессе отбора материала. Приводятся ссылки на ряд критических статей, в которых дан анализ переводов и указаны ошибки, не учтенные в последующих переводах. В отдельных случаях приводится подстрочный перевод или перевод другого поэта, уточняющий смысл четверостишия. Для отдельных четверостиший указывается количество обращений к ним разных переводчиков. Приводятся также необходимые пояснения историко-литературного характера.

Имена, географические названия и понятия, относящиеся к культуре, быту, мифологии народов Востока, а также специфические термины и слова, употребленные без перевода, вынесены в Словарь.

Основные издания оригинальных и русских текстов, а также критическая литература, использованная при работе над книгой, приведены в Библиографии (см. с. 261).

Книге предпосланы две статьи исследовательского характера, учитывающие новейшие научные данные об Омаре Хайяме. В первой статье приведены все известные в настоящее время биографические данные о поэте, сведения о его научной деятельности, подробный анализ его творчества. Вторая статья посвящена истории бытования хайямовских четверостиший в русской переводной поэзии.

Книга иллюстрирована миниатюрами на сюжеты хайямовских рубаи и образцами их каллиграфического начертания.

Составители благодарят проф. А. Н. Болдырева и проф. А. З. Розенфельд за ценные советы и замечания в процессе подготовки этой книги.

¹ При публикации этой поэмы сохраняется правописание окончательной редакции (М., 1922).

БИБЛИОГРАФИЯ

(Список литературы, использованной при подготовке настоящего издания)

I. ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ РУБАИ ОМАРА ХАЙЯМА В ОРИГИНАЛЕ

1. «Рубайат-и хахим-и Хайям Нишабури ба ихтимам-и джинаб-и ага-йи Мухаммад Али Фуруги». Тегеран, 1943.
2. Садек Хедаят. Таранаха-йи Хайям. Тегеран, 1955.
3. «Рубайат-и Омар Хайям, муалиф-и Хусайн Даниш». Стамбул, 1927.
4. Mahdy Faulandvand. «Quatrains Kayyams». Тегеран, 1965.
5. Омар Хайям. Рубайиат. Подготовка текста, перевод и предисловие Р. М. Алиева и М.-Н. О. Османова. М., 1959. Ч. 2.
6. «The Nectar of grace. Omar Kayyams Life and Works», by Swami Govinda Tirtha. Allahabad, 1941.
7. «Les Quatrains de Kheyam». Traduits du persan par J. V. Nicolas. Paris, 1867.
8. «Рубайат-и хахим-и Омар Хайям». Стамбул, 1319/1901 (литографированное издание).
9. Умари Хайём. Рубоийёт. Составитель Мирзо Муллоахмадов. Душанбе, 1983.

II. РУССКИЕ СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ РУБАИ ОМАРА ХАЙЯМА. ИССЛЕДОВАНИЯ О ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ¹

1. «Из Омара Кайяма» / Перевод с персидского В. Величко // «Вестник Европы». 1891, кн. 5, т. III. С. 319—323.
2. «Из Омара Хайяма (с персидского)» // В кн.: Величко В. Второй том стихотворений. Спб., 1894. С. 143—152, 185—190.
3. Порфи́ров П. Из Омара Хайяма с персидского // «Северный вестник». 1894, № 7. С. 120.
4. Жуковский В. А. Омар Хайям и «странствующие» четверостишия // Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена. Спб., 1897. С. 325—363.
5. «Из Омара Хаяма» / Перевел С. Уманец // «Кавказский вестник». Тифлис, 1901, № 4. С. I—II.
6. Лебединский Т. Омар Хайям // «Семья», 1901, № 22. С. 11—12; № 23. С. 6—7.
7. «Строфы Нирузама» / Вольный перевод К. Герра. М., 1901.
8. «Из Омара Хайяма» // Величко В. Арабески. Новые стихотворения. Спб., 1903. С. 160—168.
9. Данилевский-Александров А. Н. Из руббайи Хайяма // «В мире песни». Спб., 1910, т. 1. С. 221—223.

¹ Материал в списке приведен выборочно и расположен в хронологическом порядке.

10. Бальмонт К. «Из Омар Кэйям» // «Рус. мысль». 1910, кн. 4, с. 1—2.
11. Умов А. Омар Хэйям: Биографические сведения и переводы // «Рус. мысль». 1911, кн. VIII. С. 41—48.
12. Мазуркевич В. А. Из Омара Хайяма. С персидского // «Старые боги». 3-я книга стихов. Спб., 1913. С. 201.
13. Омар Хайям. Переводы И. П. Умова // «Персидские лирики X—XV вв.», М., 1916. С. 11—22.
14. Фитцджеральд Э. Омар Хаям / Перевод О. Румера. М., 1922.
15. Некора Л. С. Мотивы Омара Хайяма. Фитц-Джеральд и Боллеянская рукопись. «Восточные сборники». Вып. 1, М., 1924. С. 108—128.
16. Грузинский А. Е. Из четверостиший Омара Хайяма (XI—XII вв.) // «Памяти П. Н. Сакулина», М., 1931. С. 50—55.
17. Омар Хайям. Робайят. Перевод Л. Н<екоры>. — В кн.: «Восток», сб. II, М.—Л., 1935. С. 212—242 и 471—478.
18. Кашеваров С. Омар Хайям и его четверостишия // «Литературный Узбекистан». 1935, № 2. С. 89—105; № 3. С. 100—111.
19. Омар Хайям. Робайят. Переводы О. Румера, В. Тардова, Л. Н., К. Чайкина. Вступ. статья А. Болотникова. Л.: «Academia», 1935.
20. Омар Хайям. Четверостишия / Перевод и вступ. статья О. Румера. М., 1938.
21. Омар Хайям. Четверостишия / Перевод В. Н. Энгельгардта // «Омский альманах». 1945, кн. 5. С. 71—79.
22. Омар Хайям. Четверостишия // «Таджикская поэзия» / Переводы И. Сельвинского, Сталинабад, 1949. С. 79—83.
23. Омар Хайям. Четверостишия (избранные). Сталинабад, 1948.
24. Омар Хайям. Четверостишия / Переводы Л. Н<екоры>, О. Румера, И. Сельвинского // Антология таджикской поэзии. М., 1951. С. 277—293.
25. Лозеев П. Н. Четверостишия Омара Хайяма в русских переводах // Уч. зап. Сталинабадского объединен. педагог. и учит. ин-та им. Т. Г. Шевченко. Филол. сер. Вып. I. Сталинабад, 1952. С. 41—46.
26. Лозеев П. Н. Омар Хайям в источниках. Там же. Вып. 3, Сталинабад, 1953. С. 57—102.
27. Омар Хайям. Четверостишия избранные (переводы О. Румера, Л. Н<екоры>, И. Тхоржевского). Сталинабад, 1954.
28. Омар Хайям. Рубан / Переводы О. Румера и И. Тхоржевского. М., 1955.
29. Омар Хайям. Рубаи. Сталинабад, 1957.
30. Морочник С. Б. и Розенфельд Б. А. Омар Хайям — поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад, 1957.
31. Омар Хайям. Рубаи (переводы О. Румера, И. Тхоржевского, А. Старостина) // Антология таджикской поэзии. М., 1957. С. 252—268.
32. Омар Хайям. Рубайят. Подготовка текста, перевод и предисловие Р. М. Алиева и М.-Н. Османова. М., 1959. Ч. 2:
33. Р. М. Алиев и М.-Н. Османов. Омар Хайям. М., 1959.
34. Хайям. Четверостишия (рубайи) // Пеньковский Л. Избранные стихотворные переводы, М., 1959. С. 47—53.
35. Мухаммад аз-Захри ас-Самарканди. Синдбаднаме / Перевод М.-Н. Османова. Стихотворный перевод А. Старостина. М., 1960.

36. Омар Хайям. Рубаи / Перевод с фарси О. Румера и И. Тхоржевского. М., 1961.
37. Агахи А. Рецензия на книгу Омар Хайям. М., 1959 // «Народы Азии и Африки». 1961, № 36. С. 199—200.
38. Карпинский Ю. Е. О переводе и комментарии классиков таджикско-персидской литературы // «Проблемы востоковедения». М., 1961, № 1. С. 237—242.
39. Омар Хайям. Четверостишия / Перевод Т. Зульф리카рова // «Гулистан». Душанбе, 1962, № 1. С. 81—83.
40. Явич М. К вопросу о переводах // Там же. С. 102—108.
41. Омар Хайям. Рубайят. Перевод с таджикского-фарси В. Державина. Душанбе, 1965, 1969, 1970, 1978.
42. Османов М.-Н. Коранические цитаты и реминисценции у Омара Хайяма // Семитские языки, вып. 2 (ч. 2). Материалы конференции по семитским языкам. 26—28 X 1964 г. Изд. 2-е, М., 1965. С. 730—741.
43. Розенфельд Б. А. и Юшкевич А. П. Омар Хайям. М., 1965.
44. Омар Хайям // Избранные четверостишия персидско-таджикских поэтов-классиков / Перевод В. Державина. Душанбе, 1965. С. 52—99.
45. «Хайямовские четверостишия» // Брагинский И. Двенадцать миниатюр. М., 1966. С. 147—164.
46. «Истины». Изречения персидского и таджикского народов, их поэтов и мудрецов / Перевод Н. Гребнева. М., 1968.
47. Омар Хайям. Новые переводы. Перевод с узбекского А. Янова // «Звезда Востока». Ташкент, 1969, № 4. С. 87—88.
48. Омар Хайям / Переводы О. Румера и И. Тхоржевского. Баку, 1969.
49. Омар Хайям. Четверостишия / Перевод с узбекского А. Янова // «Советская Каракалпакия». 1969, 28 мая.
50. Омар Хайям. Рубаи / Перевод с узбекского А. Янова и Н. Леонтьева // «Звезда Востока». 1970, № 1. С. 169—171.
51. Лоик Шерали. Передавая чашу // «Памир». Душанбе, 1970, № 5. С. 88—89.
52. Умар Хайём. Рубойлар / Составление и узбекский перевод Ш. Шамухамедова, русский перевод В. Державина. Ташкент, 1970.
53. Омар Хайям. С персидского // Спендиарова Т. Избранные переводы. Ереван, 1971. С. 151.
54. Омар Хайям. Рубайи // Пеньковский Л. Чанг. М., 1971. С. 89—97.
55. Омар Хайям / Новые переводы Г. Плисецкого. «Памир». 1971, № 3 (18). С. 74—76.
56. Омар Хайям. Рубайят / Перевод с фарси Г. Плисецкого // «Иностранная литература». 1971, № 2. С. 162—169.
57. Омар Хайям. Четверостишия / Перевод Г. Плисецкого // «Азия и Африка сегодня». 1971, № 4. С. 40.
58. Омар Хайям. Рубаи / Перевод Л. Пеньковского // Там же. № 12. С. 20.
59. Омар Хайям. Рубайят / Перевод Г. Плисецкого. Подстрочный перевод, составление и послесловие М.-Н. Османова. М., 1972; 2-е изд. М., 1975.
60. Омар Хайям. Рубаи / Перевод с фарси В. Державина, М., 1972.

61. Омар Хайям. Рубаи // Поэты Таджикистана, Л., 1972. С. 234—245.
62. «Из Омара Хайяма». Робайат // Семенов Г. Сосны. Л., 1972. С. 125—140.
63. Омар Хайям. Четверостишия / Переводы К. Арсеновой и Ц. Бану // «Памир». 1973, № 6. С. 73—75.
64. «Хайям». — В брошюре: Леонтьев Н. Г. Древние литературы народов СССР. Л., 1973. С. 24—35.
65. Омар Хайям. Рубайяты / Перевод Н. Стрижкова // «Звезда Востока». 1973, № 7. С. 165—167.
66. Омар Хайям. Рубайят / Перевод Н. Стрижкова // Там же. 1975, № 9. С. 161—166.
67. Шамухамедов Алишер. Наблюдения над русскими переводами рубаи Омара Хайяма // Там же. № 7. С. 116—120.
68. Омар Хайям. Рубаи / Переводы К. Арсеновой // «Памир». 1975, № 6. С. 38.
69. Омар Хайям (1048—1131). Рубаи. Переводы И. Тхоржевского // Георгий Гулиа. Сказание об Омаре Хайяме. М., 1975. С. 257—299.
70. Омар Хайям. Рубайят / Перевод Н. Стрижкова // «Звезда Востока». 1976, № 11. С. 177—188.
71. Омар Хайям. Рубаи / Составитель Ш. Шамухамедов. Ташкент, 1977.
72. Ворожейкина З. Н. К вопросу о «странствующих» четверостишиях // Письменные памятники и проблемы... М., 1977. Ч. 2. С. 149—155.
73. Омар Хайям. Рубаи / Перевод Е. Ильина // «Советская Аджария». 1977, 27 августа.
74. Омар Хайям. Рубаи / Перевод Е. Ильина // Там же. 1978, 29 августа.
75. Омар Хайям. Рубайят / Перевод Н. Стрижкова // «Памир». 1978, № 1. С. 194—196.
76. Линдер И. За строкой Омара Хайяма // «Вопросы литературы». 1978, № 9. С. 254—259.
77. Омар Хайям. «Из моря мысли» / Перевод Н. Леонтьева // «Памир». 1978, № 5. С. 34, 59, 95—96.
78. Ворожейкина З. Н. и Розенфельд А. З. О жанровой устойчивости рубаи. — Уч. зап. ЛГУ. № 401. Серия Востоковедение. 1979. Вып. 22. С. 85—94.
79. Ильясов Явдат. Заклинатель змей. Ташкент, 1979.
80. Омар Хайям. Рубаи / Новые переводы Н. Стрижкова // «Наука и религия». 1979, № 11. С. 52.
81. Омар Хайям. Рубайят / Перевод Н. Стрижкова // «Звезда Востока». 1979, № 8. С. 178—185.
82. Омар Хайям. Жизнь, я твой (рубаи, новые переводы) / Перевод И. Налбандян // «Памир». 1979, № 10. С. 91—93.
83. «Плоды шедросердия». Четверостишия / Перевод с фарси. Составление, подстрочный перевод, словарь и примечания А. Алиева и Н. Османова, М., 1979.
84. «Из Омара Хайяма (99 рубаи)» // Семенов Гл. Стихотворения. Л., 1979. С. 179—187.
85. Омар Хайям. Рубаи / Перевод с фарси Н. Стрижкова. Ташкент, 1980.
86. «Хайямовское четверостишие» — скачок рубаи в области фило-

- софского свободолюбия // Козмоян А. К. Рубаи в классической поэзии на фарси. Ереван, 1981. С. 79—101.
87. Худояров М. Приближение или искажение? // «Памир». 1981, № 5. С. 76—79.
 88. «Скептическая и разнuzданная литература» // Крымский А. Е. Низами и его современники. Баку, 1981. С. 249—298.
 89. Омар Хайям. Рубаи / Составитель Ш. Шамухамедов, Ташкент, 1981.
 90. Омар Хайям / Переводы Х. Манувахова // «Памир». 1982, № 12. С. 93.
 91. Зайцев В. Н. Омар Хайям и Эдвард Фитцджеральд // Сб. «Восток — Запад». М., 1982. С. 113—173.
 92. Ворожейкина З. и Шахвердов А. Вернемся к одной литературной мистификации // «Вопросы литературы», 1982, № 4. С. 168—175.
 93. Омар Хайям. Из книги «Рубайят» / Перевод Н. Стрижкова / «Звезда Востока». 1983, № 7. С. 204—206.
 94. Омар Хайям. Рубайи / Переводы Ц. Бану (№ 1—20), Ц. Бану и К. Арсеновой (№ 21—38) // «В сад я вышел на заре...». Переводы Ц. Бану. Душанбе, 1983. С. 58—66.
 95. Омар Хайям // Из поэзии Востока / Избранные переводы Дм. Седых. М., 1983. С. 169—182.
 96. «Из Омара Хайяма» / Переводы Ц. Бану // Приложение к статье Г. Медведева «Жизнь — твоё творенье» // Газ. «Ленинский путь» (Самарканд). 1983, 30 ноября.
 97. «Новые переводы Хайяма» / Перевод В. Микрюкова. // Там же. 1984, 19 сентября.
 98. Омар Хайям. Рубаи // «Великое древо». Поэты Востока в переводе С. Северцева, М., 1984. С. 292—297.
 99. Омар Хайям. Рубаи. Перевод Гл. Семенова. // «Памир». 1983. № 12. С. 62—66.
 100. Омар Хайям. Рубаи. Перевод с фарси на карачаевский и русский языки Исмаила Алиева. Черкесск, 1982.
 101. Омар Хайям. Рубайят. На персидском, узбекском и русском языках. Составление и узбекский перевод Ш. Шамухамедова. Русский перевод Н. Стрижкова. Ташкент, 1985.

РУБАИ

I

8. Точный перевод оригинала:

Как жаль, что жизнь бесполезно прошла:
И кусок (хлеба) стал недозволенным и дыхание осквернено.
Неисполненные (твои) веления опозорили меня, —
Сожалее о поступках, которые не были одобрены (тобою).

См. также перевод А. Старостина (Библиография, II, № 33).

12. В кн.: Крымский Е. Низами и его современники (Баку, 1981. С. 279) имеется более точный перевод О. Румера, не вошедший в сб. 1938 г. (см.: Библиография, II, № 20).

Капля стала плакать, что рассталась с морем,
Море засмеялось над наивным горем:

«Всё я наполняю, всё — мое владенье,
Если же мы не вместе — делит нас мгновенье».

17. По поводу этого рубаи существует следующая легенда, сокращенный перевод которой приведен в статье В. А. Жуковского (см.: Библиография, II, № 4): «Рассказывают, что в Нишапуре была старая семинария; для поправки ее ослы возили кирпичи. Однажды мудрец (Омар Хайям) шел с учениками по двору семинарии; один из тех ослов никак не мог войти внутрь. Заметив это, мудрец улыбнулся и, направившись к ослу, сказал:

«Пошел ты и опять возвратился, — стал ты...
Имя твое исчезло из имен.
Ногти все собрались и стали копытом,
На сидении выросла борода и превратилась в хвост».

Осел вошел. У мудреца спросили, что тому причина. Омар сказал: „Дух, который в теле этого осла, ранее был в теле учителя этой семинарии, — поэтому он не мог войти внутрь; а теперь, когда увидел, что comrades узнали его, он сам по необходимости пролез внутрь...“» В примечании к этому рассказу В. А. Жуковский подробно останавливается на значении слова, отмеченного им многоточием в приведенном выше подстрочном переводе, которое не рифмуется с окончаниями трех других полустихий этого рубаи, и приводит возможные варианты этого слова. Это слово в современных изданиях пишется «хам» («согнутый», в приведенном переводе В. Державина — «согбенный»).

24. Последняя строка в оригинале: «Мир после нашей смерти — хоть море, хоть ручеек».

25, 26. Эти два рубаи отличаются друг от друга только первыми бейтами, второй бейт у них один и тот же. В книге Даниша (см.: Библиография, I, № 3) они приведены под разными номерами; Г. Плисецкий перевел их также как самостоятельные четверостишия. Точный перевод второго бейта:

Ты спросил: «Куда пойдешь после смерти?»
Принеси вина и иди куда тебе угодно.

Подробное толкование этого рубаи и анализ его русских переводов приведены в статье Ш. Лоика (см.: Библиография, II, № 51).

36. Точный перевод третьей строки: «Никогда чаша головы не наполнится думами (страстью)».

41. Точный перевод второй строки: «Тот палящий огонь я пере-несу легко».

56. Точный перевод оригинала:

Судьба то дарит мне одежду — делает эмиром,
То раздевает (наголо) меня, как чеснок.
Не хочу думать я о капризах судьбы:
Бесполезные думы могут состарить меня.

Слово одежда В. Державин ошибочно перевел как чаша, т. е. нарушил характерное для хайямовских четверостиший противопостав-

ление. Далее, в двух последних строках неточно передано значение сочетаний слов. Другими поэтами это изящное рубаи не переводилось на русский язык.

77. Ранний вольный перевод К. Герры 1901 года — см.: Приложение, II, № 1.

82. Точный перевод последних двух строк оригинала:

Если кто-то и захочет дать зарок (не пить) в рамазане,
Пусть сделает это в своих молитвах, чтоб обрести спасение.

90, 92. Эти два рубаи отличаются друг от друга только первыми бейтами, второй бейт у них один и тот же. В книге Даниша (см.: Библиография I, № 3) приведено еще одно рубаи с таким же вторым бейтом, первый бейт которого совпадает с первым бейтом рубаи № 95. Следующий перевод Г. Плисецкого сделан по этому варианту четверостишия:

Я измучен любовью на старости лет,
Пью без памяти — этим спасаюсь от бед.
О торговцы вином! Вы, должно быть, в убыток
Свой товар продаете: цены ему нет!

94. Ранний вольный перевод К. Герры 1901 г. — см.: Приложение, II, № 2.

113. Это рубаи получило всемирную известность как рубаи Ибн Сины. Однако во многих источниках оно приписывается также Омару Хайяму. На русский язык переведено более четырнадцати раз, в том числе восемь раз как рубаи Омара Хайяма. Имеет много редакционных разночтений в различных изданиях. Так, например, окончание первой строки в московском издании 1959 г. — букв.: «воображают так», в книге индийского ученого Тиртха — «правят миром», а в издании Никола «украшают мир» (см.: Библиография, I, № 5, 6, 7).

121. С. Б. Морочник и Б. А. Розенфельд (см.: Библиография, II, № 30) последние две строки этого четверостишия исправляют в следующей редакции:

Глаза Туркан-хатун — красивейшие в мире —
Добычей стали чьей? Гулямов и юнцов.

Это обосновывается следующим образом: «Две последние строки исправлены в соответствии с таджикским текстом. Румер принял имя Туркан за нарицательное слово, означающее «гурки», слово «гулямов» перевел словом «рабов». Слово «гулям» во времена Хайяма обозначало, главным образом, придворных гвардейцев, формально бывших собственностью («рабами») султана, но фактически представляющих собой вооруженную силу, что позволяло им неоднократно свергать и возводить на трон султанов». В переводе С. Кашеварова (см.: Библиография, II, № 18) этому рубаи дается такое же толкование, как у О. Румера.

139. Ранний вольный перевод В. Величко 1894 г. — см.: Приложение, II, № 3.

141. Конец первой строки этого рубаи в разных изданиях имеет различные редакции — в книге Фуруги (см.: Библиография, I, № 1) — «не раскрыл тайны смерти», в некоторых других изданиях, например в книге Тиртха (см.: Библиография, I, № 6) — «не раскрыл извечные тайны». В приведенном переводе использован второй вариант.

146. Оригинал этого четверостишия в разных изданиях приводится с различным редифом: «накард» («не сделал») или «надод» («не дал»). С редифом «надод» приписывается также поэту Камаладдину Исфакхани. Следующий перевод Г. Плисецкого сделан по его дивану:

Не помогал мне рок вершить дела,
Судьба со мною любезной не была.
Не мог я сделать радостного вздоха,
Чтоб сотней бед судьба не воздала.

151. *Тройным разводом я покончу с верой.* По мусульманским законам, при одно- и двукратном разводе муж может вернуться к жене, после трехкратного развода это запрещено.

152. Это рубаи приписывается нескольким поэтам, в том числе поэтессе XII в. Мехсети Гянджеви. Кешавар Садр в книге «Женщины, которые писали стихи на фарси», изданной в Иране в 1950 г., приводит следующий рассказ: «Однажды Мехсети, согласно занимаемому ею положению, присутствовала как равная с поэтами и литераторами на собрании султана Санджара. Для выполнения какого-то дела она вышла из помещения и увидела, что выпало много снега и он покрыл всю землю. Когда она вернулась в помещение, султан осведомился у нее о состоянии погоды. Мехсети тут же экспромтом сочинила это четверостишие и произнесла его в ответ на вопрос шаха».

155. Этот перевод сделан по строфе № 76 поэмы Э. Фитиджеральда, в которой использованы мотивы следующего хайямовского рубаи:

Когда извечная любовь сотворяла меня,
То сперва урок любви мне продиктовала,
Затем из мелких россыпей моего сердца
Выковала ключ к дверям сокровищниц духа.

162. Этот перевод сделан по строфе № 46 поэмы Э. Фитиджеральда, в которой использованы мотивы следующего хайямовского рубаи:

Хайям! Хотя голубой свод небес
Разбил шатер и замкнул уста для бесед,
Но, подобно пузырькам вина в чаше жизни,
Предвечный виночерпий уже похитил тысячи «хайямов».

166. *Стечение планет* — сближение двух светил в одном знаке зодиака, астрономическое явление, которое воспринимается как доброе или дурное предзнаменование.

168. Это рубаи является вариантом рубаи № 563. В книге ин-

дийского ученого Тиртха (см.: Библиография, I, № 6) они приведены под разными номерами как самостоятельные четверостишия.

170. Этот перевод сделан по строфе 88 поэмы Э. Фитцджеральда, в которой использованы мотивы следующего хайямовского четверостишия:

Говорят, что в Судный день будут розыски
И тот дорогой друг будет суров.
От чистого блага может изойти только благо, —
Будь спокоен, конец будет хорош.

Перевод В. А. Жуковского, см.: Библиография, II, № 4.

171. Это рубаи приписывается также Хафизу. Следующий перевод А. Ревича сделан по его дивану:

С чашей вина над ручьем развлекаться надо,
Скорби и горестных дум опасаться надо.
Роза цветет десять дней, также краток наш век.
А посему нам всегда улыбаться надо.

191. *Тело-темницу уничтожив.* Имеется в виду самоубийство, которое осуждается по Корану.

193. Первая строка этого рубаи в некоторых изданиях приведена в следующей редакции: «Ман нестам он, к-аз рафтанам бим ояд» («Я не тот, кто боится смерти»).

196. Точный перевод второго бейта:

Не надейся на свое богатство и свою красоту, —
Ибо унесут ночью и то, унесут ночью и это.

197. Точный перевод первой строки:

Если весь мир укатится, как мяч, в яму

(имеется в виду игра в конное поло — «чавгонбози»). В публикуемом переводе «гав» (яма) ошибочно переведено как «куй» (улица).

203, 205. Эти два рубаи отличаются друг от друга только первыми бейтами, второй бейт у них один и тот же. Первое из них опубликовано в более доступном московском издании 1959 г. (см.: Библиография, I, № 5), поэтому переводилось на русский язык несколькими поэтами; рубаи № 205 содержится в издании Фуруги (см.: Библиография, I, № 1), переведено только Г. Плисецким.

216. Точный перевод второго бейта:

О, как было бы хорошо, если любой грех вызывал опьянение,
Чтобы не встречал я ни одного трезвого на свете.

222. В мемуарах Н. В. Крандиевская-Толстая (Н. В. Крандиевская-Толстая. Воспоминания. Л., 1977. С. 28—29) пишет, что А. М. Горький преподнес ей пять томов Шекспира и на первой странице первого тома написал следующие стихи из Омара Хайяма:

Если яд мудрец предложит —
Не смущайся, смело пей!
Даст дурак противоядьё —
Вылей на землю скорей!

Эти стихи являются переводом второго бейта данного рубаи, опубликованного В. Величко в 1894 г. (см.: Библиография, II, № 2). У Величко вместо «дурак» — «глупец».

228. Это рубаи переведено на русский язык более двадцати раз. В тринадцати из них слова «луьбатагон» и «луьбатбоз» переведены соответственно как «куклы» и «кукольник», в остальных — «пешки» и «игрок» (шахматист). И. Линдер опубликовал в 1978 г. статью (см.: Библиография, II, № 76), в которой отдает предпочтение второму варианту трактовки этих слов. Это значение использовано в следующем переводе И. Сельвинского:

Мы только пешки, тогда как судьба — игрок.
И это не образ: играет воистину рок.
Так будем же двигаться по доске бытия.
А там чередом — один за другим — в сундучок!

230. Второй бейт этого рубаи имеет различные редакции, в разных изданиях. Следующий перевод Т. Зульфикарова сделан по редакции московского издания 1959 г. (см.: Библиография, I, № 5):

Чтоб знать о жизни вечной, я прильнул
Губами жадными к хмельному кувшину.
«Побудь со мною несколько секунд,
Я был таким, как ты», — он мне шепнул.

237. Это рубаи приписывается также поэту Камаладдину Исфакхани. Следующий перевод Г. Плисецкого сделан по его дивану:

Путиями риндов мы теперь идем:
Мы от намазов отреклись — и пьем.
Как к пиале кувшин склоняет шею —
Так мы над пиалюю шею гнем.

244. Приписывается также поэту Камаладдину Исфакхани с риффом «акнун» («теперь») вместо «имруз» («сегодня»).

246. Ранний вольный перевод В. А. Мазуркевича 1913 г. — см.: Приложение, II, № 4.

262. Это рубаи приписывается и Омару Хайяму, и Ибн Сине. Оно имеется в критическом сборнике, изданном Фуруги (см.: Библиография, I, № 1). Э. Фитцджеральд использовал его в своей поэме «Рубайят Омара Хайяма» (см.: Приложение, I, № 31). На русский язык переводилось более двадцати раз, в том числе десять раз как рубаи Омара Хайяма.

264. Точный перевод второго бейта:

Наши надежды и страхи от таких понятий, от которых
Не осталось других следов, кроме названий, о сердце.

276. В некоторых изданиях, в частности в московском издании 1959 г. (см.: Библиография, I, № 5), в третьей строке этого рубаи «испытывающий горе» ошибочно изображено так, что читается «рожденный в тяготах, муках». Все поэты, переводившие это рубаи на русский язык, в том числе А. Старостин в приведенном четверостишии, пользовались ошибочным вариантом этого слова (см. статью А. Агахи — Библиография, II, № 37).

279. В некоторых изданиях окончания рифм этого рубаи приведены во множественном числе: «паймудим» («проехали») и т. д.

287. Имеется перевод С. Кашеварова (см.: Библиография, II, № 18).

289. Слово «гул» (роза) в первой строчке этого рубаи можно в равной степени читать «гил» (глина, грязь), так как в оригинале (в арабской графике) они имеют одинаковое начертание. В следующем переводе Н. Леонтьева (см.: Библиография, II, № 77) использовано значение второго слова:

Мне солнце грязью залеплять невмочь.
И тайны века возвещать невмочь.
Из моря мысли разум вынес жемчуг,
А мне от страха нанизать невмочь.

294. Точный перевод двух последних строк оригинала:

А вездесущему рассудку немного вина
Плесну в лицо, чтобы усыпить его.

310. Ранний вольный перевод К. Герры 1901 г. — см.: Приложение, II, № 5.

312, 313. Эти два четверостишия сходны по содержанию, отличаясь лишь формой изложения. В некоторых изданиях последняя строка рубаи № 313 приводится в следующей редакции: «Ту жизнь, которую мы в медресе потеряли».

321. В оригинале речь идет, вероятно, о числе прожитых лет:

Не так интересно наслаждаться в двадцать (л е т) , —
Интересно то наслаждение, которое получаешь в шестьдесят (лет).

330. В некоторых изданиях первые две строки этого рубаи представлены местами, и рубаи начинается строкой: «Бархез зи хоб, то шаробе бихурем» («Вставай с ложа сна, чтобы выпить вина»).

333. Точный перевод последних двух строк оригинала:

Посидим немного с веселой подругой
И выпьем по две-три чаши драгоценного вина.

348. Точный перевод последней строки оригинала: «Тогда, кто же захочет увидеть рай». Все переводчики этого рубаи выражение «Кто пожелает увидеть?» поняли как «Кто увидит?», что изменяет смысл оригинала. Правильное толкование этого рубаи и анализ его переводов подробно рассмотрены в статье А. Худоярова (см.: Биб-

лиография, II, № 87). В издании Фуруги (см.: Библиография, I, № 1) это выражение заменено на «Никто не захочет увидеть», что подтверждает правильность замечаний Худоярова.

354. В примечании к своему переводу этого рубаи Л. Некора пишет: «В подлиннике последняя строка: «И бей под ней в барабан султанского величия», т. е.: „Торжествуй в своем величии, скрывая его под одеждой смирения“».

366. *Бык Землю держит испокон веков.* Землю, по мусульманским поверьям, поддерживает бык. *Телец* — зодиакальное созвездие.

380. Ранний вольный перевод В. Величко 1903 г. — см.: Приложение, II, № 6.

383. Перевод С. Кашеварова 1935 г. (см.: Библиография, II, № 18).

396. Другими поэтами на русский язык не переводилось. Дословный перевод оригинала:

О ходжа, разочек удовлетвори нашу просьбу:
Замолчи и дай нам заняться божьим делом.
Мы идем прямо, ты же видишь криво,
Иди и вылечи свои глаза, а нас оставь в покое.

405. Это рубаи имеет много вариантов и разночтений. Кроме Омара Хайяма оно приписывается также Хафизу, Низами и некоторым другим поэтам. Т. Жалолов в книге «Пахлаван Махмуд. Рубайлар» (Ташкент, 1979) приводит его в сильно искаженном виде как рубаи Пахлавана Махмуда.

426. Это рубаи в разных изданиях имеет разные редифы, но с одним и тем же значением «бихур» и «бинуш» («выпей»).

437. Начальное слово первой строки этого рубаи в разных изданиях приводится в разных вариантах: «Он бода» («то вино»), «Он мох» («та луна»), «Он моя» («та основа», «тот источник»).

450. Это рубаи переводилось на русский язык более восьми раз, с одной и той же неточностью, на которую обращали внимание А. Агахи, Ш. Лоик и М. Худояров (см.: Библиография, II, № 37, 51, 87). Некоторые из этих переводов выполнены после опубликования упомянутых статей, но без их учета. Точный перевод последней строки этого рубаи: «Мы рады, что в тысячу раз больше (нам) горя дал».

475. Это рубаи в разных изданиях имеет разные окончания в первой строке: «хеши ман аст» («он мой друг») или «хешаш гир» («сделай своим другом»).

480. Приведенный перевод не передает всего содержания оригинала. В следующем переводе Л. Некоры оно передано более полно:

Вино — рубинов россыпь, и шахта — чаши дно;
Сосуд хрустальный — тело, душа — его вино.
Когда в прозрачной чаше вино заключено,
Ты скажешь: капля крови внутри слезы оно.

499. Подстрочный перевод последних двух строк оригинала:

Из конца в конец весь мир *исшагал* — ничто,
И, если лишь по дому *ползал*, тоже — ничто.

В некоторых рукописных сборниках и литографированных изданиях в четвертом полустишии этого рубаи слово «хазиди» («ползал») — антоним слова «давиди» («бегал, исшагал») в третьем полустишии — изображено как «хариди» («купил»), т. е. без точки над буквой «з» в арабской графике. В такой искаженной форме это слово перекочевало в некоторые солидные издания, например в книгу индийского ученого Тиртха (см.: Библиография, I, № 6), что привело к неправильному толкованию многими переводчиками последнего полустишия и нарушению характерной для многих хайямовских рубаи композиции. Из нескольких поэтов, переведших это рубаи на русский язык, только пять основывались на правильном его понимании: К. Бальмонт, А. Умов, И. Тхоржевский, О. Румер и А. Грузинский. Остальные переводчики — В. Тардов, В. Державин, А. Янов, Л. Пеньковский и Г. Плисецкий — пользовались источниками с искаженным словом. Так, например, у В. Державина:

Всё, что ты в мире изучил, — ничто.
Всё, что слышал и говорил, — ничто.
И всё, чему свидетель был, — ничто.
Всё, что так дорого купил, — ничто.

500. Это рубаи в разных изданиях имеет разные редифы: «ничто» и «не хорошо».

521. Приписывается также поэту Ахли Ширази. Следующий перевод А. Ревича сделан по его дивану:

О виночерпий! Над жизнью не вижу владык,
Правда, всеильны вино да красавицы лик.
Дружим с вином, ибо в мощи ему уступает
Всё — и живая вода, и эдемский родник.

545. Ранний вольный перевод В. Величко 1894 г. — см.: Приложение, II, № 7.

563. Это рубаи является вариантом рубаи № 168, отличается от него только редифом. В книге индийского ученого Тиртха (см.: Библиография, I, № 6) они приведены под разными номерами. В. Державин перевел их также как самостоятельные рубаи.

564. Точный перевод первого бейта:

Виночерпий, если сердце захочет отбиться от рук,
То как сможет выплеснуться само из себя, ведь оно — океан.

Содержание этого рубаи и его перевод рассмотрены в статьях А. Агахи и Ш. Лоика (см.: Библиография, II, № 37, 51).

571. В ряде сборников в первой строке этого рубаи вместо Джамшида назван Бахрам. Второй бейт имеет пословичный характер:

Бахрам, который всю жизнь ловил онагров (гур),
Ты видел, как Бахрама поймала могила (гур)?

Слово «гур» по-таджикски имеет два значения: могила и онагр.

572. Хайям использует здесь игру слов: «майсара» в Коране употреблено в значении «облегчение, благосостояние, богатство», по-таджикски же «май сара» означает «вино прелестно» (см. также примеч. 621).

574. В некоторых литографированных изданиях редиф этого рубаи — «натавон гуфтан» («нельзя сказать»).

584, 585. У этих двух рубаи повторяются первые строки. Перевод первого из них выполнен Г. Плисецким по тексту, опубликованному в книге Даниша (см.: Библиография, I, № 3), перевод второго — Н. Стрижковым по списку московского издания 1959 г. (см.: Библиография, I, № 5). В последней строке перевода рубаи № 585 неточно передано содержание подлинника. У Хайяма: «Хоть не была радостной жизнь, всё же она понемногу прошла». О правильной трактовке этого рубаи смотри статью Ш. Лоика (Библиография, II, № 51).

587. Это рубаи имеет много разночтений и разную расстановку первых двух строк. Так, например, в издании Даниша, с которого сделан приведенный перевод, оно начинается строкой: «Как вода в ручейке и как ветер в степи».

591. Это рубаи имеет много разночтений. Первое полустишие в издании Даниша приведено в следующей редакции: «С чашей, вином и кравчим на лугу».

598. Вторая строка оригинала в большинстве изданий приводится в следующей редакции: «Создал меня жителем рая или мерзкого ада...» В списке Никола (см.: Библиография, I, № 7) имеется другая редакция: «Был ли он обитателем прекрасного рая или мерзкого ада...» Следующий перевод О. Румера сделан по второму варианту:

Владыкой рая я вылеплен иль ада,
Не знаю я, но знать мне это и не надо:
Мой ангел, и вино, и лютия здесь, со мной.
А для тебя они — загробная награда.

606. Точный перевод последних двух строк этого рубаи:

Будут приходить и уходить, но никто не узнает,
Что делается с твоим телом под землею.

611. В московском издании 1959 г. (см.: Библиография, I, № 5) вместо города Багдада упомянут Нишапур.

621. В примечании к переводу этого рубаи (см.: Библиография, II, № 59) М.-Н. Османов пишет: «Разумеется, в Коране о вине сказано совершенно другое: „Они спрашивают тебя о вине и майсаре. Скажи: В них обоих — великий грех и некая польза для людей, но грех их больше пользы" (Коран, II, 216). Таким образом, здесь мы вновь встречаемся с софистическим приемом использования коранических цитат для поэтических целей».

627. Точный перевод второй строки: «Увидел хмельного старика с кувшином на плече».

629. Перевод сделан, вероятно, по изданию Никола (см.: Библиография I, № 7), где последняя строка этого рубаи приведена в следующей редакции: «Выпей каплю и выпей всё». В других изданиях, например у Тиртха (см.: Библиография, I, № 6): «Ни капли не пролей, а выпей всё». Стилистически правильным является второй вариант.

635. В популярной легенде рассказывается, что однажды, когда Хайям пиршествовал со своими друзьями в саду, поднялся сильный ветер и опрокинул кувшин с вином. Тогда он экспромтом произнес приведенное рубаи, обращенное к богу. За такое кощунство бог сделал его лицо черным. Хайям не растерялся и тут же сочинил рубаи № 252 (см.); бог смилостивился и вернул ему прежний цвет лица. В последней строке данного рубаи имеется идиоматическое выражение: «Прах мне в рот», которым Хайям как бы проклинает себя за дерзкие слова, обращенные к богу. В «Персидско-русском словаре» под редакцией Ю. А. Рубинчика (М., 1983 г.) это выражение переводится: «Помилуй боже!», «Прости господи!», «Чтобы мне онеметь!» В приведенном переводе В. Микрюков за эквивалент принял русское выражение: «Типун мне на язык». В предыдущих переводах этого рубаи оно передано словами: «Да буду я проклят», «Беда мне», «Гром разрази меня», «Карай меня», «Забей мне прахом рот», «Прах возьми меня», «Землей клянусь» и т. п.

640. Этот перевод сделан по строфе № 98 поэмы Э. Фитцджеральда (см.: Приложение, I), в котором использованы мотивы следующего хайямовского рубаи:

Хотел бы я, чтобы бог переименовал этот мир
И сделал бы таким, чтобы видел я его другим.
Или вычеркнул бы мое имя из Книги рока.
Или увеличил бы своим таинством мой удел.

643. Ранний вольный перевод К. Герры 1901 г. — см.: Приложение, II, № 8.

668. Это рубаи отличается от рубаи № 680 только риффом. В книге Даниша (см.: Библиография, I, № 3) они приведены под разными номерами. Г. Плисецкий также перевел их как самостоятельные рубаи.

678. Перевод сделан по списку, опубликованному в книге Даниша (см.: Библиография I, № 3). Второй бейт этого рубан в книге Тиртха (см.: Библиография I, № 6) имеет другую редакцию. Следующий перевод В. Державина сделан по этому варианту:

О кравчий, блаженное утро за нашим окном,
Наполни мне чашу оставшимся с ночи вином.
Пить будем опять, возродим нашу прежнюю радость.
Всё сгинет... Вместим же всю жизнь в этом миге одним!

680. См. примеч. 668.

681. Этот перевод сделан по строфе 7 поэмы Э. Фитцджеральда (см.: Приложение, I), в которой использованы мотивы следующего хайямовского рубаи:

Распустились цветы, принеси вина, виночерпий,
Откажись от аскетизма, виночерпий!
До того, как смерть устроит засаду, ты в оставшиеся дни
Стремись к чаше рубинового вина и подруге, виночерпий!

687. Ранний вольный перевод В. Величко 1903 г. — см.: Приложение, II, № 9.

II

701—780. Новые переводы, выполненные для настоящего издания ленинградскими поэтами С. Ботвинником, Б. Голубевым, Н. Кононовым, А. Кушнером, А. Щербаковым.

III

781—817. Многие хайямовские четверостишия переведены на русский язык в нескольких вариантах: как рубаи Омара Хайяма и как рубаи других поэтов. Рубаи № 781—817 приписываются и Хайяму, и некоторым другим поэтам X—XV вв. Как хайямовские четверостишия они на русский язык до сих пор не переводились. В настоящем издании приведены переводы этих рубаи, сделанные по сборникам стихотворений следующих поэтов: **781** — Ибн Сина. **782** — Камаладдин Исфакхани. **783** — Ибн Сина. **784** — Асафи Харави. **785** — Камаладдин Исфакхани. **786** — Абу Саид. **787** — Абу Саид. **788** — Ахли Ширази. **789** — Хафиз. **790** — Руми. **791** — Сана'и. **792** — Афзал Кашани. **793** — Мехсети Гянджеви. **794** — Камаладдин Исфакхани. **795** — Адиб Сабир Тирмизи. **796** — Пахлаван Махмуд. **797** — Ибн Сина. **798** — Пахлаван Махмуд. **799** — Ахли Ширази. **800** — Руми. **801** — Камаладдин Исфакхани. **802** — Анвари. **803** — Ахли Ширази. **804** — Саади. **805** — Саади. **806** — Саади. **807** — Хакани. **808** — Ибн Сина. **809** — Камаладдин Исфакхани. **810** — Ахли Ширази.¹ **811** — Абу Саид. **812** — Мехсети Гянджеви. **813** — Камаладдин Исфакхани. **814** — Руми. **815** — Рудаки. **816** — Анвари. **817** — Камаладдин Исфакхани.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Книга «Рубайят Омара Хайяма», на английском языке, подготовленная Э. Фитцджеральдом к последнему изданию, включает 101 четверостишие. Все они расположены по тематическому принципу так, что составляют законченную поэму. Перевод на русский язык первого издания этой поэмы, включавшего 75 строф, был опубли-

¹ Это рубаи впервые переведено Н. Стрижковым в 1985 г. как рубаи Омара Хайяма (см.: Библиография, II, № 101, четверостишие № 125).

ликован О. Румером в журнале «Северные записки» (1914, № 7, 8). Отдельные строфы переводились также другими поэтами. Так, В. Н. Энгельгардт выборочно перевел 35 строф. Л. С. Некора посвятил разбор поэмы Фитцджеральда специальную статью, включив в нее несколько переводов. Часть четверостиший И. Тхоржевского, судя по содержанию, является переводом строф этой поэмы, хотя в его сборнике они представлены как переводы рубаи Омара Хайяма. В. Н. Зайцев опубликовал обширную статью, где в процессе подробного анализа поэмы Фитцджеральда приводит переводы 30 строф (см.: Библиография, II, № 15, 21, 69, 91).

Английский иранист Эдвард Хирон-Аллен посвятил 12 лет исследованию этой поэмы и опубликовал результаты в книге: Edward Heron-Allen. Edward Fitzgerald's Rubaiyat of Omar Kayyam... London, 1889, где каждая строфа поэмы Фитцджеральда соотносится с соответствующим рубаи Омара Хайяма. Тщательное сопоставление переводов Фитцджеральда с рукописями подлинного текста (по тем же копиям, по которым работал Фитцджеральд) показало, что 49 английских четверостиший представляют собой верное воспроизведение оригинала, 44 относятся к разряду «составных», т. е. включают строки двух или трех рубаи, а остальные являются вариациями хайямовских тем, строками из поэмы Аттара «Беседа птиц» или написаны самим Фитцджеральдом. Ниже перечислены строфы поэмы Фитцджеральда и указаны номера соответствующих им рубаи из раздела I настоящего издания. Дополнительно в скобках приведены номера рубаи, не учтенных в работе Хирон-Аллена.

1 — 111. 2 — 384. 3 — 404, 133, 231. 4 — 530, 136. 6 — 159. 7 — 681, 1. 8 — 611. 9 — 248, 250. 10 — 249. 11, 12 — 208, 209. 13 — 504, 81, 102 и 598. 14 — 277. 15 — 122. 16 — 411. 17 — 466. 18 — 571. 19 — 453. 20 — 493. 21 — 329. 22 — 108. 23 — 373, 529, 609 (см. также 608). 24 — 65. 25 — 575 (см. также 367). 26 — 677. 27, 28 — 315, 235, 141. 29 — 587, 190. 30 — 555, 199. 31 — 262. 32 — 355, 523. 35 — 230. 36 — 454. 37 — 418. 38 — 251, 212. 39 — 55. 40 — 445. 41 — 123, 319, 463. 42 — 623, 378. 43 — 407. 44 — 639. 45 — 544. 46 — 162. 47 — 167, 568. 48 — 59. 49, 50 — 218, 492. 51 — 437. 52 — 655. 53 — 528. 54 — 107. 55 — 151. 56 — 291. 57 — 587. 58 — 627 (см. также 463). 59 — 72. 60 — 55 (см. также 282). 61 — 42. 62 — 670, 661. 63 — 575. 64 — 233, 584 (см. также 188). 65 — 106. 66 — 556. 67 — 538. 68 — 254. 69 — 228. 70 — 323. 71 — 457 (см. также 35). 72 — 3, 487. 73 — 239. 74 — 568, 646. 75 — 104. 76 — 155. 77 — 236. 78 — 546, 225. 79 — 96. 80 — 690. 81 — 665, 550. 82, 83 — 628, 91. 84 — 613. 85 — 443. 86 — 547. 87 — 628. 91. 88 — 170. 89 — 31, 272. 90 — 51. 91 — 387, 87. 92 — 23. 93 — 187. 94 — 95. 95 — 92. 96 — 186. 97 — 645. 98 — 640. 99 — 371. 100 — 394. 101 — 85, 84.

II

В этом разделе приводятся образцы ранних переводов или переделаний рубаи Омара Хайяма. Ниже после номера каждого из этих переводов указаны номера тех же рубаи в разделе I: 1 — 77. 2 — 94. 3 — 139. 4 — 246. 5 — 310. 6 — 380. 7 — 545. 8 — 643. 9 — 687.

СЛОВАРЬ

- Абуали Сина*— Абуали Хусейн ибн Абдулла ибн Сипа (980—1037), ученый-энциклопедист, известный в Европе под именем Авиценны. Его медицинскими трактатами пользовались в течение нескольких столетий на Востоке и в Европе. Писал также стихи на персидском языке и по-арабски.
- Абу-Саид* (Абу-Сеид, Бу-Саид, ум. 1049) — суфийский шейх, автор мистических четверостиший. Его стихи стали молитвами и гимнами.
- Адиб Сабир Термези* (ум. 1144 или 1147) — поэт, представитель панегирической литературной школы.
- Адхам Ибрагим* (ум. 777) — суфийский шейх.
- Айван* — веранда, терраса, навес, открытая галерея; выступ дома с окнами; дворец, палата.
- Алиф* — первая буква арабского алфавита.
- Анвар и Аухаддин* (ум. 1180 или 1188) — поэт, мастер касыд, крупных монорифмических стихотворений.
- Анка* (Симург) — сказочная птица, по поверью, живет вдали от людских глаз, на краю света, на горе Каф, окружающей землю, и никогда не показывается людям.
- Асафи Харави* (ум. 1517) — поэт-лирик.
- Афзал Кашани* (Баба Афзал, ум. 1256 или 1265—66) — поэт, автор остроумных стихов и ярких четверостиший, часто приписываемых Омару Хайяму.
- Ахли Ширази* (ум. 1535—36) — поэт, мастер касыд, крупных монорифмических стихотворений.
- Аяз* — имя любимого раба султана Махмуда Газневида; нарицательное наименование горячо любимого человека.
- Багдад* — город на реке Тигр, в VIII—XIII вв. был резиденцией аббасидских халифов.
- Балх* — город на территории современного Афганистана, столица древней Бактрии.
- Банг* — род наркотика, изготавливается из конопляных листьев и белены.
- Барбат* — музыкальный инструмент, род лютни или лиры.
- Бахрам Гур* — сасанидский царь (420—438), прославленный охотник за онагами (степными ослами), герой множества легенд, героических и романтических рассказов.
- Бейт* — стихотворная единица в персидско-таджикской и арабской поэзии, двустопное, состоящее из двух мисра, связанных единой законченной мыслью.
- Богдыхан* — император Китая.
- Бурак* — небесный конь, на котором пророк Мухаммад якобы совершил свой полет к высшим пределам неба.
- Бу-Саид* — см. *Абу-Саид*.

- Везир* — министр, сановник; ближайший советник правителя.
- Газель* — монорифмическое лирическое стихотворение из семи и более бейтов.
- Гурия* — райская дева; красавица.
- Дей* — десятый месяц персидского солнечного года (21 декабря — 20 января).
- Дервиш* — последователь мистического учения в исламе, мусульманский странствующий монах-аскет; нищий.
- Джамаладдин Исфакхани* (Джамаладдин Мухаммад ибн Абдарразак, ум. 1192) — поэт, крупный представитель «исфакханской литературной школы».
- Джамшид* (Джам, Джамшид) — имя легендарного древнеиранского царя, обладавшего чашей, на дне которой отражались события, происходящие в мире. В поэзии — символ величия и власти. «Чаша Джамшида» — символ мудрости.
- Джемхур* (Джамхур) — прозвище мудреца Бузурджмихра, везира сасанидского царя Ануширвана (531—578).
- Джейхун* — арабское название реки Амударья.
- Див* — злой дух, демон.
- Диван* — 1) сборник стихотворений одного поэта; 2) государственное собрание, сенат; департамент, министерство.
- Дуг* — сыворожка, оставшаяся после сбивания масла; прохладительный напиток из сбитого кислого молока с водой или молочной сыворожки.
- Земзем* (Замзам) — название колодца около мекканского храма. Вода этого колодца считается верующими святой и обладающей чудотворной силой.
- Зуннар* — пояс определенного цвета, который были обязаны носить христиане, подданные мусульманских государей.
- Зухра* — планета Венера; одна из богинь иранской домусульманской религии. Согласно легенде, сопровождает своей музыкой хор светил.
- Иблис* — сатана, дьявол, злой дух. Согласно легенде, первоначально — ангел, который был проклят за отказ преклоняться перед Адамом.
- Ибн Сина* — см. *Абуали Сина*.
- Ильяс* — библейский пророк Илья.
- Имам* — мусульманское духовное лицо.
- Ирем* (Ирам) — мифический земной рай; легендарный сад, созданный мифическим царем Шаддадом.
- Иса* — Иисус Христос. В мусульманских легендах наделен способностью воскрешать мертвых своим дыханием.
- Кааба* — храм в Мекке, главная святыня мусульман, место паломничества.
- Каба* — верхняя длинная мужская одежда, кафтан.
- Кавсар* (Ковсар) — легендарный райский источник, дно которого якобы выложено жемчугом, вода белее молока, свежей снега, слаще сахара и ароматнее мускуса.
- Кадий* (кази) — мусульманский духовный судья, действующий по законам шариата.

Кадр — ночь на 27-е число месяца рамазана, считается у мусульман ночью предопределения, в которую якобы ниспослан аллахом в откровение Коран.

Калам — тростниковое перо, которым вплоть до XX в. писали на Востоке.

Каландар — странствующий аскет; дервиш.

Камаладдин Исфакхани (Камаладдин Абу-л-Фазл Исмаил ибн Мухаммед Абдаллах ибн Абдарразак (1172—1237) — поэт, один из самых крупных представителей «исфакханской литературной школы».

Кафир — неверный, немусульманин, гяур; безбожник, нечестивый; отрицающий религиозные догмы.

Кебаб — шашлык; жареное мясо, жаркое; в поэзии — символ безмерного страдания.

Кей — собственное имя многих древнеиранских царей, ставшее почти нарицательным.

Кейван — планета Сатурн.

Кей-Кавус — царь из мифической династии шахов древних иранцев.

Кей-Кубад — царь из мифической династии шахов древних иранцев.

Кей-Хосров — один из могущественных царей иранского героического эпоса. В поэзии — символ могущества, богатства и величия.

Киёмат — воскресение из мертвых, Страшный суд; переносно — переполох, смятение, суета.

Коран — священное писание мусульман, по легенде, ниспосланное Аллахом пророку Мухаммеду.

Кубад — см. Кей-Кубад.

Лал — рубин; в поэзии символ уст возлюбленной.

Маг — зороастрийский жрец; огнепоклонник; в поэзии — продавец вина, виночерпий.

Майхана (майхона) — питейный дом, кабак.

Ман — мера веса; кубок вина, вмещающий пол-литра, равен одному ману.

Мариам (Марьям) — мать Иисуса, евангельская Мария.

Масих — мессия; Христос.

Махмуд — султан (998—1030), наиболее известный представитель династии Газневидов.

Медресе — школа, высшее духовное учебное заведение у мусульман.

Мехсети Гянджеви (XII в.) — азербайджанская поэтесса, писавшая стихи, главным образом рубаи на персидском языке.

Мисра — стихотворная строка, половина бейта.

Михраб — дугообразная сводчатая ниша во внутренней стене мечети, указывающая направление на Мекку. В поэзии — дуга бровей красавицы.

Муса — библейский Моисей. Обладал якобы даром творить чудеса.

Мустафа — избранник; эпитет пророка Мухаммада.

Муфтий — толкователь шариата; законовед, главный судья, выносящий решения на основании шариата.

Най — дудочка из тростника, флейта.

Намаз — молитвенный обряд у мусульман, комплекс определенных движений, поклонов и молитв, совершаемых пять раз в сутки.

- Низами* Гянджеви Ильяс Юсиф оглы (1141—1203) — азербайджанский поэт-гуманист, писавший по-персидски.
- Нишапур* (Нишабур) — город в Хорасане, родина Омара Хайяма.
- Ной* (Нух) — библейский патриарх, почитаемый также мусульманами.
- Парвиз* — счастливый, победоносный; Хосров Парвиз (590—628) — сасанидский царь; герой предания о любви царя Хосрова к красавице Ширин.
- Парвин* — Пляеды.
- Пахлаван Махмуд* (1247—1326) — поэт, писавший главным образом рубаи. Его гробница находится в городе Хиве.
- Пери* (пэри) — добрая фея, райская дева; переносно — красавица.
- Пехлеви* — среднеперсидский язык.
- Пир* — старик, старец; суфийский духовный наставник.
- Рабат* — подворье, бесплатный караван-сарай, постоялый двор; иносказательно — бренный мир.
- Раджаб* — седьмой месяц мусульманского лунного года.
- Рамазан* — девятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста.
- Ратл* (ратль) — большая чаша, кубок; мера веса.
- Рейханский* — «вино рейхани» (от «рейхан» — название душистой травы), один из известных во времена Омара Хайяма сортов вина.
- Ринд* — гуляка, бродяга, кутила; вольный странник; вольнодумец; в персидско-таджикской поэзии — антипод аскета и ханжи.
- Рудаки* Абуабдулла (Абулхасан) Джафар ибн Мухаммад (ок. 860—941) — основоположник персидско-таджикской литературы.
- Руми* Джелаладдин (он же Балхи, 1207—1273) — поэт, лирические его газели отличаются напевностью, совершенством поэтической формы. Свои стихи подписывал также тахаллусом (литературным псевдонимом) «Шамс» (солнце) и «Шамси Тебризи».
- Рустам* — легендарный богатырь, герой эпических сказаний древних иранцев, является одним из основных действующих лиц «Шахнаме» Фирдоуси.
- Саади* (Са'ди) Муслихиддин Абу Мухаммад Абдулла ибн Мушриф (1203—1292) — поэт, автор популярных до настоящего времени дидактических сборников «Гулистан» («Розовый сад») и «Бустан» («Плодовый сад»).
- Саки* (соки) — виночерпий, кравчий.
- Сана'и* Абульмадж Маждуд ибн Адам (1081—1141?) — поэт, крупнейший теоретик суфизма.
- Симург* — см. *Анка*.
- Сулейман* — библейский царь Соломон.
- Табут* — погребальные носилки, гроб.
- Тараз* — древнее название города Аулие-Ата в Казахстане (ныне город Джамбул), славился своими красавицами. В поэзии — «обитель красавиц».
- Терьяк* — опиум.
- Туран* — древнее наименование территории к северу от Ирана (лежавшей в правую сторону от реки Амударья), куда входила, в основном, современная Средняя Азия.
- Тус* — город в Хорасане (Иран).
- Фаридун* — могущественный царь, персонаж эпической поэмы «Шахнаме» Фирдоуси.

Хакани (Хагани) Афзаладдин (1120—1199) — азербайджанский поэт, мастер панегирической оды, писавший стихи по-персидски.

Хамза — родственник пророка Мухаммада, верблюдицу которого некий араб изувечил в припадке раздражения.

Ханака — дервишская обитель; монастырь.

Харабат — питейный дом, винный погребок; развалины, где в средневековых мусульманских городах жили преимущественно зороастрийцы, торговавшие вином.

Хатам (Хатем, Хотам) ибн Абдаллах Аттаи (кон. VI — нач. VII в.) — доисламский арабский поэт-воин, прославленный во многих сказаниях своей щедростью и благородством.

Хафиз Шамсаддин Мухаммад (1325—1390) — поэт, мастер газели.

Хашимит — здесь: Мухаммад (570—632) — основатель мусульманской религии — ислама. Хашим — родоначальник одного из десяти родов, на которые распалось племя курейш, составляющее основное население города Мекки до возникновения в VII в. ислама. По преданию, к этому роду принадлежал Мухаммад.

Хашиси — гашиш, наркотик.

Ходжа — первоначально потомок одного из первых халифов; духовное лицо, наставник; хозяин, господин; вежливое обращение к уважаемому человеку.

Хосров — имя многих царей древнего Ирана (см. *Парвиз*).

Хум — большой глиняный сосуд для хранения вина, масла, зерна и т. п.

Хумаюн (Хума) — феникс, мифическая птица, по поверью приносящая счастье тому, на кого падает ее тень.

Хызр (Хизр) — таинственный чудотворец в мусульманских легендах, отождествляемый с пророком Ильей; хранитель «живой воды».

Хырка — рубище, носимое суфиями и дервишами.

Чанг — струнный музыкальный инструмент, арфа, лира; рука, лапа; коготь.

Човган — клюшка для игры в конное поло («чавгонбози»). В поэзии — локоны красавицы.

Шабан — восьмой месяц мусульманского лунного года.

Шаввал — десятый месяц мусульманского лунного года, следующий месяц после *рамазана* — месяца поста.

Шариат — свод мусульманских религиозных и юридических законов, составленных на положениях *Корана*.

Шахиншах — «шах шахов», титул верховного правителя Ирана.

Шейх — старец, наставник; глава суфийской общины.

Шербет — сладкий напиток.

Эдем — рай.

Эмир — титул правителя в Иране и в Средней Азии.

Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный, любимый сын Иакова. Согласно легенде, братья продали его в рабство в Египет, а отцу принесли окровавленную рубашку и объявили, что его задрал волк. Образ Юсуфа широко используется в персидско-таджикской литературе как символ красоты и жертвы предательства.

Яздан (Йездан, Ездан) — бог, господь; дух, ангел, творящий добро.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРВЫХ СТРОК НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА ¹

1. Хар руз бар онам, ки кунам шаб тавба
2. Рузе бини маро ту маст афтода
3. Ин чарх, чу тосест, нагун афтода
4. Обе будем дар камар бинхода
5. Эй нек накардаву бадихо карда
6. Акнун зи сабо домани гул чок шуда
7. Чанд аз паи хисру оз тан фарсуда
8. Афсус, ки рафт умр бар бехуда
9. Эй ёр, зи рузгор бош осуда
10. Гар аспи Бурок асту ва-гар фируза
11. То чанд зи масчиду намозу руза
12. Катра бигирист, ки аз бахр чудоем хама
13. Хар тавба, ки кардем, шикастем хама
14. Мо ошику ринду майпарастем хама
15. Пире дидам ба хоби масти хуфта
16. Он, к-у дари майхона ба сиблат руфта
17. Эй рафтаву бозомадаву хам гашта
18. Эй дил, зи замона расми эхсон маталаб.
19. Дар рохи ниёз хар дилеро даръёб
20. Рузе, ки ду мухлат аст, мехур ман ноб
21. Рузе, ки ба даст барниҳад чомии шароб
22. Моему маю мутрабу ин кунчи хароб
23. Чандон бихурам шароб, к-ин буи шароб
24. Бо бат мегуфт: мохии дар табу тоб
25. Моем харидори маи кухнаву нав
26. Эй монда ба тазвири фиребанда гарав
27. Чун бода хури, зи акл бегона машав
28. Хайём, замона аз касе дорад нанг
29. Дил наъразанон мулки чохон металабад
30. Зон пеш, ки номи ту зи олам биравад
31. Он гах, ки ниhoли умри ман қанда шавад
32. Э-он пеш, ки гуре ба ман оганда шавад
33. То рохи каландари напуи, на-шавад
34. То мадрасаву манора вайрон нашавад
35. Аз руфта калам хеч дигаргун нашавад
36. Шаб нест, ки акл дар тахайюр нашавад
37. Май хур, ки танат ба хок дар зарра шавад
38. Чун гунҷаи гул каробапарвоз шавад
39. Ишк, ки мичози бувад, обаш набувад
40. Савдозадаро бода пару бол бувад
41. Сад сол дар оташам агар мах(а)л бувад
42. Ман май хураму, хар ки чу ман ахл бувад
43. Чонам ба фидои он, ки у ахл бувад
44. Таъям хама бо руи чу гул пайвандад
45. Аз ранч кашидан одами хурр гардад
46. Гардун зи саҳоб настарон мерезад
47. Хайё, ки ба кудрат сару ру месозад
48. Як чуръаи май мулки чохон меарзад
49. Як чомии шароб сад дилу дин арзад
50. Мавман ба чаханнаму сагар кай сузад
51. Мохии рамазон бирафту шаввол омад
52. Мохии рамазон чунон, ки имсол омад
53. Хар гах, ки бунафша чома дар ранг занад
54. Хам дони уммед ба харман монад
55. Хар чуръа, ки сокиаш ба хок андозад

¹ Текст оригинала приводится в таджикской графике (диакритические знаки сняты по техническим причинам).

56. Рузе фалакам чомадиҳад —
мир кунанд
57. Гар бода ба кух бардиҳи ракс
кунанд
58. Май хур, ки туро беҳабар аз
хеш кунанд
59. Ин кофилаи умр ачаб мегузарад
60. Даръёб, ки умри нозанин мегу-
зарад
61. Гар як нафасат зи зиндагони
гузарад
62. Умрат то кай ба худпарастии
гузарад
63. Хар субҳ, ки руи лола шабнам
гирад
64. Дасти чу мане, ки чому согар
гирад
65. Мағзор, ки гусса дар канорат
гирад
66. Чун нест дар ин замона суде
зи хирад
67. Пири сару барги носавобе дорад
68. Дар даҳр хар он, ки ними
ноне дорад
69. Бемораму таб дар имтиҳонам
дорад
70. Гарчи гаму ранчи ман дарози
дорад
71. Гардун зя замин ҳеч гуле бар
и-орад
72. Май хур, ки зи дил киерату
киллат бибурад
73. Май гарчи харом аст, вале то
ки хурад
74. Бадхохи қасон ҳеч ба мақсад
нарасад
75. Чун даст ба домани хавас
мёнарасад
76. Гар бода хурад гадо ба мири
бирасад
77. Зоҳид ба қарам туро чу мо
нашносад
78. Тавба макун аз май, агарат
май бошад
79. Май хоҳам хурд, то ки чонам
бошад
80. Хар роз, ки андар дили доно
бошад
81. Гуянд: «Биҳишту хуру қавсар
бошад
82. Тавба накунад, хар ки саботаш
бошад
83. Вакте, ки тулуъи субҳ арзак
бошад
84. Ерон, чу ба иттифок меод кунед
85. Ерон, ба мувофиқат чу дйдор
кунед
86. Гар ёри манед, тарки томот
кунед
87. Эй ҳамнафасон, маро зи май
кут кунед
88. Чун мурда шавам, хоки маро
гум созад
89. Ин чархи чафопешаи олибунъед
90. То Зухраву Мах дар осмон
гашт паид
91. Гуянд, ки мохи рамазон гашт
паид
92. Бо он ки шароб пардаи мо
бидарид
93. Дар даҳр қасе ба гульизоре
нарасид
94. Дардо, ки дилам ҳеч ба дар-
мон нарасид
95. Пиронасарам ишки ту дар дом
қашид
96. То хоки маро ба қолиб омех-
таанд
97. Ин қоса, ки бас накуш пардох-
таанд
98. Онро, ки ба сахрои илал тох-
таанд
99. Аз оби адам тухми маро кош-
таанд
100. Онҳо, ки кашандаи шароби
нобанд
101. Онҳо, ки кухан шуданду инҳо,
ки навад
102. Қавме зи газоф дар гурур
афтоданд
103. Моро зи харобот хароб овар-
данд
104. Он руз, ки тавсани фалак зин
карданд
105. Онон, ки чахон зери кадам
фарсуданд
106. Онҳо, ки мухити фазлу одоб
шуданд
107. Онҳо, ки асири ақлу тамъиз
шуданд
108. Ерони мувофик хама аз даст
шуданд
109. Онҳо, ки дароманду дар чуш
шуданд
110. Гуянд, хар он қасон, ки бопар-
хезанд
111. Хуршид каманди субҳ бар бом
афканд
112. Аҷром, ки соқинони ин айво-
нанд
113. Бо ин ду-се нодон, ки чунон
медонанд
114. Бар ман қалами қазо чу бе
ман ронанд
115. Онҳо, ки хулосаи чахон эшо-
нанд
116. Дар вақти аҷал, чу қорам
омода кунанд
117. Рузе, ки маро зи хеш бегона
кунанд
118. Он қавм, ки саччодапара-
станд, — харанд
119. Ин чамъи ақобир, ки муносиб
доранд
120. Ин кузагарон, ки даст бар гил
доранд
121. Афсус, ки номи пухта хомон
доранд
122. Э-он пеш, ки гамхот шабехун
оранд
123. Кам кун тамаъ аз чахону мези
хурсанд
124. Ин халқ хама харони боафсус-
анд
125. Дар чарх ба анвоъ суҳанҳо
гуфтанд
126. Онҳо, ки ба ҳикмат дурри
маъни суфтанд
127. Эй дил, маталаб висоли маълу-
ле чанд
128. Дар қуи харобот чигарсузе
чанд
129. Онон, ки ба қори ақл дарме-
кушанд

130. Онон, ки асоси зухд бар зарк
ниханд
131. Дар дахр чу овози гули тоза
диханд
132. Акнун, ки зи хушдили ба чуз
ном намонд
133. Дар дил натавон дирахти андух
нишонд
134. Оранд якиву дигари бирбоянд
135. Бар чашми ту олам арчи ме-
ороянд
136. Вактест, ки аз сабза чaxon
ороянд
137. Онхо, ки фалак дидаву дахр
ороянд
138. Дар сар хаваси бутони чун
хурам бод
139. Додам ба умед рузгоре бар бод
140. Пайваста харобот зи риндон
хуш бод
141. Кас мушкили асрори ачалро
нагушод
142. Он кас, ки замину чарху афлок
ниход
143. Сайёли ачал дона чу дар дом
ниход
144. Бо мохрухе бар лаби чую маю
вард
145. Хон, то нанихи бар тани худ
гуссаву дард
146. Як руз фалак кори маро соз
накард
147. Ид омаду корхо наку хоҳад
кард
148. Изад ба бихишт ваъда бар мо
май кард
149. Ман домани зухду тавба тай
хохам кард
150. Аз воқеае туро хабар хоҳам
кард
151. Гам куштаи чоми якмани хоҳам
кард
152. Шохо, фалакат аспи саодат зин
кард
153. Чун рузию умр бешу кам
натвон кард
154. Дар майкада чуз ба май вузу
натвон кард
155. Чун ишқи азал буди маро иншо
кард
156. Ин косагаре, ки косаи сархо
кард
157. Ойро манигар, ки зифунун
ояд мард
158. Як нон ба ду руз агар шавад
хосили мард
159. Рузест хушу хаво на гарм асту
на сард
160. Дилдам ба сари иморати марде
фард
161. Гах шарбати айш соф бошад,
гах дурд
162. Хайём, агарчи хиргахи чархи
кабуд
163. Гуянд: бихишту хуру-ин хоҳад
буд
164. Гар мулки ту Мисру Руму Чин
хоҳад буд
165. Хуш бош, ки олам гузарон
хоҳад буд
166. Хуш бош, ки гусса бекарон
хоҳад буд
167. Аз бас ки набошаму чaxon
хоҳад буд
168. Чун қор на бар муроди мо
хоҳад буд
169. Рузе, ки чазои хар сифат хоҳад
буд
170. Гуянд: «Ба хишр гуфтугу хоҳад
буд
171. Бо май ба канори чуй мебояд
буд
172. Дар олами чон бахуш мебояд
буд
173. Чандон караму лутф зи оғоз
чи буд
174. Дар мулки ту аз тоати ман
ҳеч фузуд
175. Чун рузеи ту худой кисмат
фармуд
176. Дехкони казо бaсе чу мо кишту
дуруд
177. Аз омаданам набуд гардунро
суд
178. Мискин тани ман, ки дар гар-
риби фарсуд
179. Харгиз дили ман зи илм махрум
нашуд
180. Бар чархи фалак ҳеч касе чир
нашуд
181. Хуррам дили он касе, ки
маъруф нашуд
182. Хуш бош, ки мохи ид нав
хоҳад шуд
183. Не қор ба тадбири ту наку
хоҳад шуд
184. Аз дафтари умр пок мебояд
шуд
185. Як катраи об буд, бо даръё
шуд
186. Афсус, ки номаи чавони тай
шуд
187. Табам ба намозу руза чун
монл шуд
188. Афсус, ки сармоя зи каф берун
шуд
189. То чанд асири рангу бу хохи
шуд
190. Овард ба изирибам аввал ба
вучуд
191. Гах-гаҳ дили ман дар ин кафас
танг ояд
192. Бар пушти ман аз замона ту
меояд
193. Он мард наям, к-аз адамам
бим ояд
194. Моро чи аз он, ки нокасе бад
гяяд
195. Ин акл, ки дар рохи саодат
пуяяд
196. Озори дили халк начуем шабе
буд
197. Олам хама гар чу гуй афтад
ба гаве
198. Аз дафтари умр баркушудам
фоле
199. Гар омаданам ба худ буди,
н-омадаме
200. Гар ман ба муроду ихтиёри
худаме
201. Бар шохи умед агар баре
ёфтаме
202. Гар даст ба лавҳаи казо
доштаме
203. Гар зон, ки ба дастат ояд аз
май ду мани

204. Шохо, зи маю мутрибею ан-
чумане
205. Эй дуст, хакикат шунав аз
ман сухане
206. То кай гами он хурам, ки
дорам, ё не
207. Ман тавба кунам аз хама чиз,
аз май не
208. Тунге маи лаъл хохаму девоне
209. Гар даст дихад зи магзи
гайдум ноне
210. Эй он, ки зи кунхи ту хирад
огах не
211. Ё раб, бигушой бар ман аз
ризк даре
212. Бар кузагаре парер кардам
гузаре
213. 3-он кузаи май, ки нест дар
вай зараре
214. Аз кузагаре куза харидам боре
215. Зинхор кунун, ки метавони,
боре
216. Афтода маро бо маю масти
коре
217. Пире дидам ба хонаи хамморе
218. Чун огахи эй дуст, зи хар
асроре
219. Дунё — нафасею ман дар у як
нафасе
220. Аз кибор мадор хеч дар дил
хавасе
221. Эй хушписари ишвагари ран-
гомез
222. Бо мардуми поку ахлу окил
омез
223. Оби рухи наваруси раз пок
марез
224. Эй пири хирадманд, пагохтар
бархез
225. Хукме, ки аз у махол бошад,
пархез
226. Они, ки набудат ба хуру хоб
ниёз
227. Гар гавхари тоъатат насуфтам
харгиз
228. Мо лубатагонему фалак луб-
батбоз
229. Рав, бар сари афлоку чaxon
хок андоз
230. Лаб бар лаби куза бурдам аз
гояти оз
231. Вакти сахар аст, хез, эй мояи
ноз
232. Дилбурда, ки умраш, чу гамам,
бод дароз
233. Аз чумлаи рафтагони ин рохи
дароз
234. Ин чарх, ки бо касе намегуяд
роз
235. Бозе будам, парида аз олами
роз
236. Бо ту ба харобот хамегуям
роз
237. Кардем дигар шеваи ринди
огоз
238. Мепурсиди, ки чист ин накши
мачоз
239. Эй дил, чу хакикати чaxon хаст
мачоз
240. Бар руи гул аз абр никоб аст
хануз
241. Соғар пур кун, ки барфгун
омад руз
242. Эй бар сари сарварони олам
фируз
243. Мо ошику ошuftаву мастем
имруз
244. Фарроши чаман боди шимол
аст имруз
245. Аз умри ту чун, ки метарошад
шабу руз
246. Як хайфа шароб хурда боши
пайваст (шабу руз)
247. Дар бог чу буд гура турш
аввали дай
248. Аз омадани бахору аз рафтани
дай
249. То дар тани туст устухону рагу
пай
250. Хангоми сабух, эй санами
фаррух пай
251. Дар коргахи кузагаре кардам
рой
252. Нокарда гунох дар чaxon кист,
бигуй
253. Эй чарх, чи кардаам туро рост
бигуй
254. Саргашта ба чавгони казо
хамчун гуй
255. Чуз рохи каландарони майхона
мапуй
256. Баргир пиллаву сабу, эй дилчуй
257. Эй чархи фалак, на нон ши-
носи, на намак
258. Гар сулх наёбам зи фалак,
чанг инак
259. Хин субх дамиду домани шаб
шуд чок
260. Рухе, ки муназзах аст 3-оло-
иши хок
261. То кай, зоҳид, хадис рони зи
азал
262. Аз чирми гили сиёх то авчи
Зухал
263. Мавчуд хар он чи хаст накш
асту хаёл
264. Кас хулду хачимро надидаст,
эй дил
265. Ишки ба камолу дилрабои ба
чамол
266. Дар сар магузор хеч савдон
мухол
267. Бо сарвакде тозатар аз хир-
мани гул
263. Май бар кафи ман наху
баровар гулгул
269. Дар масчид агарчи бо ниёз
омадаам
270. Ман 3-ин дили бехабар бачон
омадаам
271. Эзид чу нахост он чи ман
хостаам
272. Дар пой ачал чу ман сараф-
канда шавам
273. Хар руз пагоҳ дар харобот
шавам
274. Душина пай шароб мегардидам,
275. Кунчеву ду курс аз чaxon
бинзидам
276. Ку махрами роз, то бигуям як
дам
277. Гул гуфт, ки дасти зарафшон
овардам
278. Ман дар рамазон руза агар
мехурдам

279. Дар чустани чоми Чам чахон паймудам
280. То занн набари, ки ман ба худ мавчудам
281. Он руз, ки набуди шароби покам
282. Аз бода шавад такаббур аз сархо кам
283. Хар як чанди яке барояд, ки манам
284. Гул гуфт, ки: «Ман Юсуфи Мисри чаманам
285. Бар мафраши хок хуфтагон мебинам
286. Ин гуна, ки ман кори чахон мебинам
287. Аз руи ту шод шуд дили гамгинам
288. Пайваста зи гардиши фалак гамгинам
289. Хуршид ба гул нухуфт менавтонам
290. Ман бе маи ноб зистан натвонам
291. Ман зохири нестиву хасти донам
292. Дунъё чу фаност, ман ба чуз фан накунам
293. Ман бода хурам валек масти накунам
294. Бархизаму азми бодаи ноб кунам
295. Гирди дигаре чи гуна парвоз кунам
296. Хангоми гул аст, ихтиёри бикунам
297. Бо нафс хамеша дар набардам, чи кунам
298. Е раб! Ту гилам сириштаи, ман чи кунам
299. Рузе, ки ба куи кузагар мегузарам
300. Харгиз ба тараб шароби нобе нахурам
301. Гуфтам, ки: «Дигар бодаи гулгун нахурам
302. Ман май на зи бахри тангдасти нахурам
303. Гар ман гунахе руи замин кардастам
304. Гар ман зи маи мугона мастам — хастам
305. Гуянд маро, ки майпарастам — хастам
306. Хушёр набудам даме, то хастам
307. Дар ишки ту сад гуна маломат бикашам
308. Бо бахшиши ту ман аз гунах нандешам
309. Хар чанд, ки май хилофи династу рахам
310. Дар доираи вучуд дев омадаем
311. То чанд асири акли харруза шавем
312. Мо чои намози ба лаби хум кардем
313. Мо хиркаи зухд бар лаби хум кардем
314. Афсус, ки бефоида фарсуда шудем
315. Якчанд ба кудаки ба устод шудем
316. Пок аз адам омадему нопок шудем
317. Моем, ки асли шодиву кони гамем
318. То даст ба иттифок бар хам назанем
319. Субх аст даме бар маи гулранг занем
320. Бархез, дило, ки чанг бар чанг занем
321. Бархезу бикуб пой, то даст занем
322. Дунъё чу работу, мо дар у меҳмонем
323. Ин чархи фалак, ки мо дар у хайронем
324. Он бех, ки ба чому бода дил шод кунем
325. Максуд зи чумла офариниш моем
326. Эй сохиби фатви, зи ту пуркортарем
327. Чоно, ману ту намунаи паргорем
328. Дигар гами ин гардиши гардун нахурем
329. Эй дуст, биё, то гами фардо нахурем
330. Зо-и, пеш, ки аз замона тобе бихурем
331. Гарсем, к-зин пеш ба олам нарасем
332. То кай зи чафои хар касе нанг кашем
333. Ид аст, биё то маи гулранг кашем
334. Мо афсари хону точи кай бифрушем
335. Майлам ба шароби ноб бошад доим
336. Чун нест макоми мо дар ин дахр муқим
337. Аз холики бахшандаву аз раб-би рахим
338. Моем дар у фитода, чун мург ба дом
339. Дил фарк намекунад хаме дона зи дом
340. Моем, ки сармасти шаробем мудом
341. Аз ман бари Хайём расонед салом
342. Аз ман бари Мустафо расонед салом
343. То чанд маломат куни, эй зо-хиди хом
344. Як даст ба масхафему як даст ба чом
345. Эй чарх, зи гардиши ту хурсанд наям
346. Як руз зи банди олам озод наям
347. Душман ба галат гуфт, ки ман фалсафиям
348. Май хурдану гирди некувон гардидам
349. Хохи, ки нахад пеши ту гардун гардам
350. Рафтам, ки дар ин манзили бедод будан
351. Конёе ба як устухон чу каргас будан
352. Натвон дили шодро ба гам фарсудан

353. Нангест ба номи нек машхур
шудан
354. Дарвеш, зи тан чомаи сурат
баркан
355. Асрори азалро на ту дониву
на ман
356. Мискин дили дардманди вайро-
наи ман
357. Кас нест дар ин гуфту шинав
хамдами ман
358. Эй чарх, хамеша дар набарди
бо ман
359. Он чисми пиёла бин ба чон
обистан
360. Дар домани ин чархи навангизи
кухан
361. Бишнав зи ман, эй зубдаи
ёрони кухан
362. То кай гами он хурам, к-аз ин
дайри кухан
363. Аз гардиши ин доираи белоён
364. Эй дида, агар кур наи, гур
бубин
365. 3-ин гунбади гарданда ба-
дафъоли бин
366. Говест дар осмону номаш Пар-
вин
367. Кавме мутафаккиранд андар
рахи дин
368. Гуянд маро, ки: «Май ту
камтар хур аз ин
369. Ринде дидам нашаста бар
хинги замин
370. Машнав сухан аз замона созо-
мадагон
371. Гар бар фалакам даст буди,
чун яздон
372. Эй гашта шабонруз ба дунё
нигарон
373. Бархезу махур гами чахони
гузарон
374. То чанд куни хизмати дунону
хасон
375. Акнун, ки занад хазордастон
дастон
376. Чун хосили одами дар ин шу-
ристон
377. Онро, ки вукуф аст бар асрори
чахон
378. Рузе, ки гузашт, аз у ёд макун
379. То битвони хизмати риндон
мекун
380. Ахволи чахон бар дилам осон
мекун
381. Е раб! ба дили асири ман
рахмат кун
382. Ошик хама сола масту шайдо
бодо
383. Эй карда зи лутфи мехри ту
сунъи худо
384. Омад сахаре нидо зи майхонаи
мо
385. Бархез, буту, биё зи бахри
дили мо
386. 3-ин дахр, ки буд муддати
манзили мо
387. Чун даргузарам, ба бода шued
маро
388. Афканд ба гурбат фалаки пир
маро
389. Май куввати чисму кути чоност
маро
390. Соки, май лаъл кути рухаст
маро
391. Хар чанд ки рангу буи зебост
маро
392. Куръон, ки мехин калом хонанд
онро
393. Гар май нахури таъна мазан
мастонро
394. Чун ухда намешавад касе
фардоро
395. Айём ба коме нарасонад моро
396. Эй хоча, яке ком раво кун моро
397. То битвони ранча магардон
касро
398. Эй хоча факех, гар туро нест
хабар
399. Аз гардиши ин замонаи дун-
парвар
400. Май сурхгулу кадах гулоб аст
магар
401. Афлок, ки чуз гам нафизоянд
дигар
402. Чун хосили одами дар ин дайри
дудар
403. Эй чархи фалак, на акл дори,
на хунар
404. Вакти сахар аст, хез эй турфа
писар
405. Айёми чавонест — шароб авло-
тар
406. Хишти сари хум зи мулкати
Чам хуштар
407. Дар доираи сипехр напайдо
гавр
408. Он лаъл дар обгинаи сода биёр
409. Бархезу давои ин дили танг
обиёр
410. Эй дил, хама асбоби чахон
хоста гир
411. Эй дил, хама асбоби чахон
сохта гир
412. Аз гардиши рузгор бахре бар-
гир
413. Бо ёр чу орамида боши хама
умр
414. Селоб гирифт гирди вайронаи
умр
415. То чанд дар ин хилаву
заррокии умр
416. Ин ахли кубур хок гаштанду
губор
417. Умрат чи дусад буда, чи сесад,
чи хазор
418. Ди кузагаре бидидам андар
бозор
419. Суннат макуну фаризаро хам
бигузор
420. Чун нест дар ин доираи бепур-
кор
421. Аз будани, эй дуст, чи дори
темор
422. Бо суфлаи тундрую беаклу
викор
423. Мардона даро, зи хешу пай-
ванд бибур
424. Дилтанг шаву, як чаваке банг
бихур
425. Дар мавсими гул бодаи гул-
ранг бихур
426. 3-он май, ки хаёти човидонист,
бихур
427. Эй дил, гами ин чахони фар-
суда махур

428. Гар бода хури, ту бо хирадмандон хур
 429. Ин чархи хасиси хаси, дунпарвари хас
 430. Огози давонгаштани ин заррин тос
 431. Аз ходисаи замони ронанда матарс
 432. Мурге, дидам нишаста бар бораи Тус
 433. Эй дил, чу замона мекунад гамнокат
 434. Захр аст гами чахону май таръёкат
 435. Соки, ки халокам зи гами хичронат
 436. Рузе, ки шавад аз ас-само ан-шаккат
 437. Он бода, ки қобили сувархост ба зот
 438. Гар дар бари ман дилбари ёкутлаб аст
 439. Май хурдани, ман на аз барои тараб аст
 440. Бо мо фалак ар чанг надорад, ачаб аст
 441. Май дар кафи ман нех, ки дилам дар тоб аст
 442. Фосик хонанд мардумонам пайваст
 443. Гаркиби пиёлае, ки дар хам пайваст
 444. Чун нест зи хар чи хаст чуз бод ба даст
 445. Чун лола ба навруз кадах гир ба даст
 446. Эй май, лаби лаъли ёр медор ба даст
 447. Бар каф маи лаълу зулфи дилдор ба даст
 448. То боз шинохтам ман ин пой зи даст
 449. Аз ман рамаке ба саъи соки мондаст
 450. Он кас, ки ба хубон лаби хандон додаст
 451. Чун нест хакикати якин андар даст
 452. Хар зарра, ки дар руи замин будааст
 453. Дар хар даште, ки лолазоре будааст
 454. Ин куза, чу ман, ошики зоре будааст
 455. Пеш аз ману ту лайлу нахоре будааст
 456. Пеш аз ту басе марду басе зан будааст
 457. З-ин пеш нишони буданихо будааст
 458. Соки, гами ман баландовоза шудааст
 459. Соки, гулу сабза бас тарабнок шудааст
 460. Ери, ки дилам зи бахри у зор шудааст
 461. Хуш дор, ки рузгор шурангез аст
 462. Нозам зи харобот, ки ахлаш ахл аст
 463. Пире зи харобот брун омада маст
 464. Ё раб, ту каримиву карими карам аст
 465. Олам хама мехнат асту айём — гам аст
 466. Ин кухнаработро, ки оламном аст
 467. Имруз, ки одина мар уро ном аст
 468. Гуянд маро, ки дузахи бошад маст
 469. Эй дил, чу насиби гу хама хуншудан аст
 470. Умрест, ки маддохии май вирди ман аст
 471. Эй соки, аз он май, ки дилу дини ман аст
 472. Май хурдану шод будан оини ман аст
 473. Имруз, ки навбати чавонии ман аст
 474. Соки, маи кухна ёри дирини ман аст
 475. Бегона агар вафо кунад, хеши ман аст
 476. Бархезу бидех бода, чи чои сухан аст
 477. Бо бода нишин, ки мулки Махмуд ин аст
 478. Май нуш, ки умри човидони ин аст
 479. Сим арчи на мояи хирадмандон аст
 480. Май лаъли музоб асту сурохи кон аст
 481. Сад хона зи хуноби дилам вайрон аст
 482. То хушъерам, тараб зи ман пинхон аст
 483. Он лаъли гаронбахо зи кони дигар аст
 484. Мо кофири ишкему мусалмон дигар аст
 485. З-он бода, ки умрро хаёти дигар аст
 486. Соки! Дили ман зи мурда фарсудатар аст
 487. Хар неку бади, ки дар ниходи башар аст
 488. Акнун, ки гули саодатат пурбор аст
 489. Гар гул набувад насиби мо, хор бас аст
 490. Дар дахр маро шаробу шохид хавас аст
 491. Дил гуфт: маро илми ладуни хавас аст
 492. Аз манзили куфр то ба дин як нафас аст
 493. Хар сабза, ки бар канори чуе рустааст
 494. Гар шохи бако зи беҳи бахтат рустааст
 495. Соки, ки лабаш муфаррахи ёкут аст
 496. Дар руи замин агар маро як хишт аст
 497. Эй беҳабарон, чисми мучассам хеч аст
 498. Тире, ки ачал занад, сипархо хеч аст
 499. Дунъё диди ва хар чи диди хеч аст

500. Даврони чохон бе маю соки хеч аст
501. Дунё на макоми туст, на чои нишаст
502. Дар чомӣ тараб бодаи гулранг хуш аст
503. Бар чехраи гул насими навруз хуш аст
504. Гуянд касон: «Бихишт бо хур хуш аст»
505. Май, гарчи ба шаръ зиштном аст, хуш аст
506. Хар дил, ки асири мехнати уст, хуш аст
507. Дар пои кароба кулкули май чи хуш аст
508. Бутхонаву Каъба хонаи бандаги аст
509. Чун мурдани ту мурдани аҷбораги аст
510. Хуршеди сипехри безаволи — ишк аст
511. Сардафтари олами маони — ишк аст
512. Соки, ки рухат зи чомӣ Чамшед бех аст
513. Як чуръаи май зи мулки Ковус бех аст
514. Бо мутрибу май хурсириште гар хаст
515. Шоди маталаб, ки хосили умр дамest
516. Дар ишки ту аз маломатам нанге нест
517. Эй вой бар он дил, ки дар у сузе нест
518. Гул гуфт: «Бех аз лакои ман рӯе нест
519. Аз гардиши чарх хеч мафхумам нест
520. Имруз туро дастраси фардо нест
521. Соки, ба хаёт чун касе рахбар нест
522. Кунхе хирадам дар хури исботи ту нест
523. Дар пардаи асрор касеро рах нест
524. Ин куза, ки обхораи муздурест
525. Хуш он, ки дар ин замона озода бизист
526. Таркиби табоеъ чу ба коми ту дамest
527. Хоре, ки ба зери пои хар нодонест
528. Дил сирри хаёт агар камохи донист
529. Абр омаду боз бар сари сабза гирист
530. Акнун, ки чохонро ба хуши дастрасест
531. Чандон гами молу хасрати дунё чист
532. Хайём, барои гунаҳ ин мотам чист
533. Соки, ба бихишт ин хама муштоки чист
534. Соки, назаре, ки дил зи андеша тихист
535. Тоси фалак аз пеши дилорой тихист
536. Гуянд, ки: «Май махур ба шаъбон, на равост
537. Ишк арчи балост, он бало хукми худост
538. Гардун камаре зи умри фарсудай мост
539. Ободии майхона зи майхурдани мост
540. Дар доирае, ки омаду рафтани мост
541. Асрори чохон, чунон ки дар дафтари мост
542. Дар олами бевафо, ки манзилгахи мост
543. Умрест маро тираву корест на рост
544. Хайём! Танат ба хайма мемонад рост
545. Нафсат ба саги хона хамемоннад рост
546. Яздон чу гили вучуди моро ороост
547. Доранда чу таркиби табоеъ ороост
548. Ман май хураму мухолофон аз чапу рост
549. Бар худ ситаму ранч ниходан бечост
550. Ман бандаи осиям, ризон ту кучост
551. Дар дахр бари нихоли тахкик наруст
552. Эй чархи фалак, хароби аз кинаи туст
553. Тарси ачалу ваҳми фано хастии туст
554. Соки, чу замона дар шикасти ману туст
555. Чун омаданам ба ман набуд рузи нахуст
556. Бар тарзи сипехр хотирам рузи нахуст
557. Чун абр ба навруз рухи лола бишуст
558. Сахро рухи худ ба абри навруз бишуст
559. Рафтам ба харобот ба имони дуруст
560. Он бех, ки дар ин замона кам гири дуст
561. Май дех, ки дили решӣ маро мархам уст
562. Май хур, ки хамеша рохати рухи ту уст
563. Чун кор на бар муроди мо хоҳад рафт
564. Соки, дили ман зи даст агар хоҳад рафт
565. Омал рамазону мавсими бода бирафт
566. Мохии умеди умрам аз шаст бирафт
567. Гар аз паи шахвату хаво хохи рафт
568. Даръёб, ки аз рух чудо хохи рафт
569. Чун будбули маст рох дар бӯстон ёфт
570. Бо хукми худо ба чуз ризо дарнагирифт
571. Он каср, ки Чамшид дар у чом гирифт
572. Дар базми хирад акл далели сара гуфт

573. Дар хоб будам, маро хирадманде гуфт
574. Бо хар баду нек роз натвонам гуфт
575. Май хур, ки ба зери гил базе хохи хуфт
576. Ин баҳри вучуд омада берун зи нухуфт
577. Бас хуни касон, ки чархи бебок бирехт
578. Гул субҳдаме ба худ барошuftу бирехт
579. Соки, дили ман, ки шоде аз гам нашинохт
580. Аз харза ба хар даре хамебояд тохт
581. Хайём, ки хаймаҳои хикмат медухт
582. Чун чарх ба коми як хирадманд нагашт
583. Умре ба гулу бода бирафтем, бигашт
584. Бисёр бигаштем ба гирди дару дашт
585. Бисёр бигаштем ба гирди куху дашт
586. Чун диву париву ёру агёр гузашт
587. Ин як-ду-се руза навбати умр гузашт
588. Ин гунбади лочвардию зарринташт
589. Дар чашми мухаккакон чи зебову чи зишт
590. Гарчанд, ки аз гуноҳ бадбахтаму зишт
591. Як шиша шаробу лаби ёру лаби кишт
592. Фасли гулу тарфи чуйбору лаби кишт
593. Не лоики масчидам не дархурди куншт
594. То кай зи чароги масчиду дуди куншт
595. Мо бо маю маъшуку шумо — дайру куншт
596. Дар савмааву мадрасаву дайру куншт
597. Хар дил, ки дар у меҳру мухаббат бисиршт
598. Ман ҳеҷ надонам, ки маро он ки сиршт
599. Дар фасли баҳор агар бути хурсиршт
600. То чанд занам ба руи даръехо хишт
601. Он к-у сатре зи ақл дар дил бинигошт
602. Роз аз хама мардумон ниҳон бояд дошт
603. Аз омадану рафтани мо суде ку
604. Ёкути лаби лаъли бадахшони ку
605. Он каср, ки бар чарх хаме зад пахлу
606. Чун рафт зи чисм чавҳари равшани ту
607. Эй он, ки падидаштам аз кудрати ту
608. Аз тан чу бирафт чони поки ману ту
609. Май хур, ки фалак баҳри халоки ману ту
610. Май дар кадаҳ инсоф, ки чонест латиф
611. Чун умр басар расад чи ширину чи талх
612. Бингар зи ҷаҳон чи тарф барбастам — ҳеҷ
613. Чомест, ки ақл офарин мезадаш
614. З-он рух, ки роҳи ноб мехонандаш
615. Дунё гузарон асту надони розаш
616. Хафтоду ду миллатанд дар дин каму беш
617. Гам чанд хури зи кори ноомада пеш
618. То чанд кунам арзаи нодонии ҳеш
619. Эй чарх, макуш маро ба бадмастии ҳеш
620. Сер омадам, эй худой, аз ҳастии ҳеш
621. Он май, ки Хизр хучаста дорад посиш
622. Ин як-ду-се дам, ки зиндаи, хушдил бош
623. Хайём, агар зи бода масти, хуш бош
624. Бигзор, дило, васвасаи ақлу маош
625. Як-як хунарам бину гунаҳ даҳдаҳ баҳш
626. Панде диҳамат, агар ба ман дори гуш
627. Сармаст ба майхона гузар кардам душ
628. Дар қорғае кузагаре рафтам душ
629. Май, гарчи харом аст, мудомаш менуш
630. То дар хаваси лаълабу чоми май
631. Эй, беҳабар аз кори ҷаҳон, ҳеҷ нан
632. Чоно, зи қадом даст бархостан
633. Накшест, ки бар вучуди мо рехтаи
634. Холик гуино маро чунин сохтаи
635. Ибрики май маро шикасти, раби
636. Бо дард бисоз, то давое ёби
637. Хохи, ки асоси умр маҳкам ёби
638. Хохи, ки пасандидаи айём шави
639. Эй дил, зи губори тан агар пок шави
640. Яздон хоҳам ҷаҳон дигаргун кунани
641. Онам, ки зи ҳечам ба вучуд овари
642. То кай паи асбоби танаъум гарди
643. Аввал ба худам чу ошно мекарди
644. Гар кори фалак ба адл санҷида буди
645. Эй қол, ки чои орамидан буди
646. Хуш бош, ки пухтаанд савдон ту ди
647. Чандон гами беҳуда махур, — шод бизи
648. Тан зан, чу ба зери фалаки бебоки
649. Эй он, ки хулосаи ҷаҳор аркони

650. Дар гуши дилам гуфт фалак пинхони
651. Гар руи замин ба чумла обод куни
652. Эй чарх, дилам хамеша гамнок куни
653. Эй бода, ту маъшуки мани шайдон
654. Ду чиз, ки хаст мояи донои
655. Гах гашта ниҳону ру ба кас нанимон
656. Баргир зи худ хисоб, агар бохабари
657. Дони, ки сапедадам хуруси сахари
658. Хон кузагаро, бипой, агар хушъёри
659. Аз ма-тбахи дунёе ту хама дуд хури
660. Дар хикмат агар Арастуви Чумхури
661. Эй дил, ту ба асрори муаммо нараси
662. Гар шухра шави ба шаҳр, шарр-ан-носи
663. Ин кори чахон агар на таклидасти
664. Шейхе ба зани фохиша гуфто масти
665. Созандаи кори мурдаву зинда туи
666. Эй он, ки натиҷаи чахору хафти
667. Эй даҳр, ба зулмҳои худ муътарафи
668. Дар дех маи лаъли лолагуни софи
669. Дунёе ба мурод ронда гир, охир чи
670. Гуянд махур май, ки болокаш боши
671. Он моя зи дунёе, ки хури ё пуши
672. Бар санг задам душ сабуи қоши
673. То кай зи гами замона махзун боши
674. Бигрифт маро маломат аз зарроки
675. Гар чинси маро хоса бидонад соки
676. Барча, барча зи чои хоб, эй соки
677. Онҳо, ки зи пеш рафтаанд, эй соки
678. Субхе хушу хуррам аст, хез,
679. Чун менадихад ачал амон, эй соки
680. Дардех маи лаъли лолагун, эй соки
681. Бишукуфт шукуфа, май биёр, эй соки
682. Дар санг шави, агар чу нор, эй соки
683. То чанд хадиси панчу чор, эй соки
684. Дардех маи лаъли мушкбу, эй соки
685. Бо ман ту хар он чи гуи аз кин гуи
686. Чандон ки нигоҳ мекунам хар суи
687. Бигушой даре, ки даргушоянда туи
688. Эй бодаи хушквор, дар чом беҳи
689. Эй чарх, чи шуд, хасисро чиз дехи
690. Дар рахгузарам хазор чо дом ниҳи
691. Як чуръа маи кухна зи мулки нав бех
692. Аз дарси улум чумла бигреси бех
693. Аз хар чи ба чуз май аст кутоҳи бех
694. Тан дар гами рузгори бедод мадех
695. З-он май, ки маро кути равон аст, бидех
696. Андозаи умр беш аз шаст манех
697. То чанд бар абру зани аз гусса гирех
698. Дони зи чи руй шухра таштасту чи рох
699. Эй оризи ту ниҳода бар насрин тарх
700. То битвони, гами чахон ҳеч масанҷ
701. Дил даст ба турраи тараб н-оварда
702. Аз оташу обу боду ҳокем хама
703. Гарра чи шави ба маскану қошона
704. Бар пой ту буса додан, эй шамси тараб
705. Гар бохиради ту хирсро банда машав
706. Буи хуши гул ба захми хорс арзад
707. Душман, ки маро хамеша бад мебиннад
708. Сирри хама донои фалак медонад
709. Аз охари умр агар касе ёд кунад
710. Оқил чу ба кори ин чахон менигарад
711. Оқил гами андешаи лошай нахурад
712. Хохи, ки туро рутбаи асрор расад
713. Умри ту фузун бувад агар из понсад
714. Эй бехирадон, гуссаи дунёе махуред
715. Гуфтам, ки магар козию муфти санаданд
716. Бо дил гуфтам: «Бихишт чуну чанданд?»
717. Кадри гулу мул бодапарастон донанд
718. Май дех, ки харифон кадахе нуш кунанд
719. Суде ту дар ин кавм чи карди, ки харанд
720. Дар роҳи хирад ба чуз хирадро маласанд
721. Не равнаки гулхон чаман ҳоҳад монд
722. Зулфини ту бо мушки Хутан бози кард
723. Соки, алами сиёҳи шаб субх рабуд

724. То рун замину осмон хоҳад
буд
725. Шодихо кун, ки андаҳон хоҳад
буд
726. Суфи шудаи дилат на соф аст,
чи суд
727. Лаб бар лаби куза ҳеч дони
максуд
728. Касро паси пардаи казо роҳ
нашуд
729. Хар руз, ки офтоб бармеояд
730. Гирам, ки фалак ҳамдаму
хамроз ояд
731. Гар ҳаст туро дар ин чаҳон
дастрасе
732. Бар оби равону сабза, эй
шамъи Тироз
733. Эй чарҳи фалак, заҳр чашони
то кай
734. Одам чу суроҳи буваду руҳ —
чу май
735. То кай зи чаҳоҳи ту, эй чарҳи
фалак
736. Аз оташи оҳират намедори бок
737. Бас пир(о)ҳани умр, ки хар
шаб афлок
738. Чанд аз гаму гуссаи чаҳон
колокол
739. Бигзор, дило, васвасаи фикри
муҳол
740. Эй дил, машунав насихати
аҳли хаял
741. Он лаҳза, ки аз аҷал гурезон
гардам
742. Бо зулфи ту гар дастдарози
кардам
743. Фарзинсафато, ки масти гамҳот
шудам
744. Саркардаи риндони харобот —
манам
745. То занн набури, ки аз чаҳон
метарсам
746. Бар худ дари кому орзу бар-
бастам
747. Мо бодаи талх-талҳи дерина
хурем
748. Бар мучиби ақл зиндагони
кардан
749. Шармат н-ояд аз ин табоҳи
кардан
750. Эй тоза-чапон, бишнава аз ин
пири куҳан
751. Эй он, ки туи хулосаи кавну
макон
752. Дар мулки худо тасарруф оғоз
макун
753. Соки, назаре ба бекасон, баҳри
худо
754. Эй он, ки гузидаи чаҳони ту
ту маро
755. Айб аст азим баркашидан
худо
756. Аз обу гил офарида сонъе моро
757. Чоно, маи соф-софи бегаш
мехур
758. Хар гаҳ, ки гаме мулозими дил
шавадат
759. Ин хоки раҳ аз хоҷа бухоре
будаст
760. Дам бо ки занам, ки ҳеч кас
маҳрам нест
761. Гар кори ту нек аст, ба тад-
бири ту нест
762. Ин мазраи гул, ки куншти
ману туст
763. Бо душману дуст феъли неку —
некуст
764. Акнун, ки бихишти адиро мо-
над дашт
765. Эй оби ҳаёт музмар андар лаби
ту
766. Рузе, ки бувад вақти халоки
ману ту
767. Аз номадаҳо зард макун
ҷеҳраи хеш
768. То деги бақои ман бувад андар
чуш
769. Рузе, ки дилам ба ранги оби
ёби
770. Э-он пеш, ки аз чоми аҷал
маст шави
771. Гар шудии хештан ба дон
медони
772. Эй гул, ту ба руи дилрабо
момони
773. Пайваста зи баҳри шахвати
нафсонӣ
774. Аз ҷумла китобҳо, ки аз бар
дори
775. Дардех қадаҳе зи лаъли ноб,
эй соки
776. Чун хаст замона дар шитоб, эй
соки
777. Шамъ асту шаробу моҳтоб, эй
соки
778. Дар чоми ту ёкути равон, эй
соки
779. Дардех ман ҳамчу аргувон, эй,
соки
780. Ку мутрибу май, то бидихам
доли сабух
781. Моём ба лутфи ту тавалло
карда
782. Моём ниҳода сар ба фармони
шароб
783. Кифри чу мани газофу осон
набувад
784. Даврони ҳаёти мо аҷаб мегу-
зарад
785. Он бода, ки руи айш равшан
дорад
786. Онҳо, ки зи маъбуд хабар
ёфтаанд
787. Барҳез, ки ошкони ба шаб ноз
кунанд
788. Хардам зи туам гами дигар
бояд бурд
789. Бо мардуми нек бад намебояд
буд
790. Аз шабнами ишк хоки одам
гил шуд
791. Эй умри азиз дода барбод ба
ҷаҳл
792. Гар саҳт шавам чу санг пардо-
задам
793. Хон то ба харобот хуруши
бизанем
794. То кай вараки умр ба гам
даршиканем
795. Чун оташ агар аз хаво
даргузарем
796. Як ҷав гами айём надорем,
хушем
797. Ҳақ чони чаҳон асту чаҳон
ҷумла бадан

798. Аз бодаи ноб лаъл шуд
гавхари мо
799. Соки, ба карам ту мекуни ёд
маро
800. Гар бут рохи туст, бутпарастии
хуштар
801. Кори хама олам ба муродат
шуда гир
802. Моем дар ин гунбади дерина
асос
808. Соки, шаби айш асту мах
афрухта аст
804. Имшаб, ки хузурӣ ёр чонафруз
аст
805. Он мох, ни гуфти малаки
рахмон аст
806. Гар дар хама шаҳр як сари
нештар аст
807. Шаш — панҷ фитодаему чон дар
ду якест
808. Гар бода намехурам нишони
хомест
809. Эҳдоси замонаро чу поёне нест
810. Соки, кадахе, ки кори олам
нафасест
811. Аз боди сабо дилам чу буӣ ту
гирифт
812. Бо мо дарамӣ калб намегардад
чуфт
813. Эй дил, маталаб зи дигарон
махрами хеш
814. Эй он, ки шабу руз худо
металаби
815. Гар дар назари хеш хакеӣ,
марди
816. Хар чанд зи даст даҳр гамкаш
боши
817. Он бодаи хушқивор бар дастам
нех

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между с. 96 и 97.* Рубаи № 78. С цветной миниатюры в книге: «Четверостишия <...> Хайяма». Тегеран, 1934 (издана на нескольких языках).

2. *На обороте.* Рубаи № 120. С цветной миниатюры в книге: «Четверостишия <...> Хайяма».

3. *Между с. 128 и 129.* Рубаи № 472. С цветной миниатюры из книги: «Рубайат-и-хаким-и Хайам Нишабури ба ихтимам-и джинаб-и ага-йи Мухаммад Али Фуруги». 2-е изд. Тегеран, 1946.

4. *На обороте.* Рубаи № 605. С иллюстрации худ. Дервиша в книге: «Садек Хедаят. Таранаха-йи Хайам». Тегеран, 1955.

5. *С. 212—213.* Рубаи № 248, 505, 623, 715, 731 почерком каллиграфа Мира. 1955.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Омар Хайям и хайямовские четверостишия. <i>Вступительная статья</i> З. Н. Ворожейкиной	5
Омар Хайям в русской переводной поэзии. <i>Статья</i> З. Н. Ворожейкиной и А. Ш. Шахвердова	43

РУБАИ

I

1. «Ах, сколько, сколько раз...» <i>Перевод</i> О. Румера	69
2. «Когда-нибудь, огнем любовным обуян...» <i>Перевод</i> О. Румера	69
3. «Как чаша, опрокинут...» <i>Перевод</i> Л. Некоры	69
4. «Извергнут страстью...» <i>Перевод</i> Дм. Седых	69
5. «Вы, злодейству которых...» <i>Перевод</i> Г. Плисецкого	70
6. «Утром роза раскрыла...» <i>Перевод</i> Н. Стрижкова	70
7. «О, доколе ты по свету...» <i>Перевод</i> Гл. Семенова	70
8. «Я раскаянья полон...» <i>Перевод</i> Г. Плисецкого	70
9. «Друг, не тревожься...» <i>Перевод</i> В. Державина	70
10. «Коль есть у тебя скакун твой Бурак...» <i>Перевод</i> В. Державина	71
11. «К черту пост и молитву...» <i>Перевод</i> Г. Плисецкого	71
12. «Прощалась капля с морем...» <i>Перевод</i> И. Тхоржевского	71
13. «Раскаянья обеты...» <i>Перевод</i> Л. Некоры	71
14. «Мы влюбленные ринды...» <i>Перевод</i> В. Державина	71
15. «Поглядите: валяется пьяный старик...» <i>Перевод</i> Г. Плисецкого	72
16. «Для того, кто усами кабак подметал...» <i>Перевод</i> Г. Плисецкого	72
17. «Ты, который ушел и пришел...» <i>Перевод</i> В. Державина	72
18. «Милосердия, сердце мое, не ищи...» <i>Перевод</i> Г. Плисецкого	72
19. «Если в лучах ты надежды...» <i>Перевод</i> К. Бальмонта	72
20. «Не растрачивай эту двухдневную жизнь...» <i>Перевод</i> Г. Плисецкого	73
21. «Когда я чару взял рукой...» <i>Перевод</i> К. Бальмонта	73
22. «Снеся в кабак одежды...» <i>Перевод</i> Л. Некоры	73
23. «Буду пьянствовать я...» <i>Перевод</i> Г. Плисецкого	73
24. «Рыба утку спросила...» <i>Перевод</i> Г. Плисецкого	73

¹ Звездочкой отмечены переводы, выполненные специально для данного издания. В разделе II, который состоит целиком из новых переводов, звездочки отсутствуют.

25. «Покупаю вино, а блаженство в раю...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	74
26. «О глупец, ты, я вижу, попал в западню...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	74
27. «Хочешь — пей, но рассудка спьяна не теряй...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	74
28. «Кто всегда недовольный...»	<i>Перевод Н. Стрижкова</i>	74
29. «Пусть сердце мир себе...»	<i>Перевод В. Державина</i>	74
30. «Не горюй, что забудется имя твое...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	75
31. «Когда вырвут без жалости...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	75
32. «Когда тело мое...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	75
33. «Пока перед скитанием...»	<i>Перевод А. Старостина</i>	75
34. «Пока медресе и мечети...»	<i>Перевод В. Державина</i>	75
35. «В Книге Судеб ни слова нельзя изменить...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	76
36. «Деяньями этого мира...»	<i>Перевод В. Державина</i>	76
37. «Пока твой не смешали...»	<i>Перевод Л. Некоры</i>	76
38. «Чуть розы станут...»	<i>Перевод В. Державина</i>	76
39. «От притворной любви...»	<i>Перевод Гл. Семенова</i>	76
40. «Вино — это крылья влюбленных...»	<i>Перевод В. Державина</i>	77
41. «Пусть буду я сто лет гореть в огне...»	<i>Перевод В. Державина</i>	77
42. «За пьянство господом не буду осужден...»	<i>Перевод О. Румера</i>	77
43. «Для достойного — нету достойных наград...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	77
44. «Пристрастился я к лицам румянее роз...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	77
45. «Как нужна для жемчужины...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	78
46. «Из сиреновой тучи...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	78
47. «Двери в рай всемогущий...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	78
48. «Стоит власти над миром...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	78
49. «Стоит царства китайского...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	78
50. «В аду сгорают не души, а тела...»	<i>Перевод И. Налбандяна</i>	79
51. «За постным рамазаном...»	<i>Перевод Л. Некоры</i>	79
52. «В этом году в рамазане...»	<i>Перевод В. Державина</i>	79
53. «Когда фиалки льют благоуханье...»	<i>Перевод В. Державина</i>	79
54. «Всё пройдет — и надежды зерно не взойдет...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	79
55. «О мальчик! Каждой каплей...»	<i>Перевод Л. Некоры</i>	80
56. «Эмиром делает меня...»	<i>Перевод В. Державина</i>	80
57. «Если выпьет гора...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	80
58. «Напейся, забудь даже, кто ты такой...»	<i>Перевод В. Зайцева</i>	80
59. «Что жизни караван!...»	<i>Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой</i>	80
60. «Жизнь мгновенная...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	81
61. «Жизнь пронесется...»	<i>Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой</i>	81
62. «Ты перестань себя держать...»	<i>Перевод О. Румера</i>	81
63. «Когда под утренней росой...»	<i>Перевод О. Румера</i>	81
64. «Моей руке держать кувшин вина — отрада...»	<i>Перевод О. Румера</i>	81

65.	«Не допускай, чтобы тоска...»	Перевод В. Державина	82
66.	«Так как разум у нас...»	Перевод Г. Плещеева	82
67.	«Старость — дерево, корень которого сгнил...»	Перевод Г. Плещеева	82
68.	«Ты половину хлеба добыл...»	Перевод Ц. Бану	82
69.	«Я болен, духовный недуг...»	Перевод В. Державина	82
70.	«Я страдать обречен до конца...»	Перевод Г. Плещеева	83
71.	«Цветочек вывел ли...»	Перевод О. Румера	83
72.	«Все недуги сердечные...»	Перевод Г. Плещеева	83
73.	«Вино запрещено...»	Перевод Л. Пеньковского	83
74.	«Зложелатель никогда...»	Перевод И. Сельвинского	83
75.	«Вожделая, желаний своих...»	Перевод Г. Плещеева	84
76.	«Нищий мнит себя шахом...»	Перевод Г. Плещеева	84
*77.	«Великодушья твоего...»	Перевод Я. Часовой	84
78.	«Пить вино зарекаться...»	Перевод Г. Плещеева	84
79.	«Я буду пить, пока...»	Перевод В. Державина	84
80.	«Правда в сердце у мудрого...»	Перевод Н. Стрижкова	85
81.	«Слышал я, что в раю...»	Перевод Г. Плещеева	85
82.	«Обета трезвости не даст...»	Перевод О. Румера	85
83.	«Чуть ясной синевой...»	Перевод Л. Пеньковского	85
84.	«Без меня собираюсь...»	Перевод Г. Плещеева	85
85.	«Когда вы за столом...»	Перевод О. Румера	86
86.	«Коль ты мне друг...»	Перевод О. Румера	86
87.	«Напоите меня...»	Перевод Г. Плещеева	86
88.	«Прошу могилу мне с землей сровнять...»	Перевод О. Румера	86
89.	«О жестокое небо...»	Перевод Г. Плещеева	86
90.	«С тех пор как на небе Венера и Луна...»	Перевод О. Румера	87
91.	«А скоро, говорят, наступит строгий пост...»	Перевод А. Старостина	87
92.	«Уж мне плащом приличий...»	Перевод Л. Некоры	87
93.	«До щек ее добраться...»	Перевод И. Тхоржевского	87
*94.	«Увы, для сердца моего...»	Перевод Я. Часовой	87
95.	«И я, седебородый, в силки любви попал...»	Перевод Л. Некоры	88
96.	«Благородство и подлость, отвага и страх...»	Перевод Г. Плещеева	88
97.	«Тот фиал, что был красив...»	Перевод А. Старостина	88
98.	«Судьбу того решили уж давно...»	Перевод В. Державина	88
99.	«Росток мой — от воды небытия...»	Перевод В. Державина	88
100.	«Никто из тех, кто гонит...»	Перевод Л. Некоры	89
101.	«И старые, и юные умрут...»	Перевод Дм. Седых	89
102.	«Часть людей обольщается жизнью земной...»	Перевод Г. Плещеева	89
103.	«Всех нас в харабате нашли...»	Перевод В. Державина	89
104.	«В день, когда оседлали...»	Перевод Г. Плещеева	89
105.	«Из тех, что мир прошли...»	Перевод В. Зайцева	90
106.	«Великие, что знания стяг взметнули...»	Перевод Ц. Бану	90
107.	«Тот, кто с юности верует...»	Перевод Г. Плещеева	90
108.	«Приятелей сердечных...»	Перевод В. Зайцева	90
109.	«Те, кому была жизнь полной мерой дана...»	Перевод Гл. Семенова	90
110.	«Надо жить, — нам внушают...»	Перевод Г. Плещеева	91
111.	«Метнул рассвет на кровли...»	Перевод Дм. Седых	91

112.	«Созвездия в заоблачной дали...»	Перевод Ц. Бану	91
113.	«Будешь в обществе гордых...»	Перевод Н. Стрижкова	91
114.	«Если некто, у нас не спрося...»	Перевод В. Державина	91
115.	«Тот избранный, кем путь...»	Перевод В. Державина	92
116.	«Когда последний день придет...»	Перевод В. Державина	92
117.	«Когда от жизненных освобожусь я пут...»	Перевод О. Румера	92
118.	«Я презираю лживых, лицемерных...»	Перевод В. Державина	92
119.	«У занимающих посты...»	Перевод О. Румера	92
120.	«Те гончары, что глину мнут ногами...»	Перевод Дм. Седых	93
121.	«На чем столе вино...»	Перевод О. Румера	93
122.	«Не избежать конца пути земного...»	Перевод Ц. Бану	93
123.	«Пусть не жадность, а радость...»	Перевод Н. Стрижкова	93
124.	«Я знаю этот вид...»	Перевод О. Румера	93
125.	«Сверлильщики словесных жемчугов...»	Перевод А. Старостина	94
126.	«Те, что ясной мысли жемчуга сверлили...»	Перевод А. Старостина	94
127.	«О сердце, не ищи свидания...»	Перевод А. Старостина	94
128.	«В харабате, в обители...»	Перевод В. Державина	94
129.	«Тот, кто следует разуму...»	Перевод Г. Плисецкого	94
130.	«Лицемеры, что жизнью кичатся святой...»	Перевод В. Державина	95
131.	«Снова юные розы украсили мир...»	Перевод Н. Стрижкова	95
132.	«Не осталось мужей...»	Перевод Г. Плисецкого	95
133.	«Не выращивай в сердце печали росток...»	Перевод Г. Плисецкого	95
134.	«Бог дает, бог берет...»	Перевод Гл. Семенова	95
135.	«Все цветы для тебя...»	Перевод Г. Плисецкого	96
136.	«Пришла весна! Гляди, леса...»	Перевод О. Румера	96
137.	«Даже гений — творенья венец...»	Перевод Г. Плисецкого	96
138.	«Пылай во мне к тюльпаноликим...»	Перевод Дм. Седых	96
* 139.	«В надеждах ветру дал развеять я...»	Перевод Б. Маршака	96
140.	«Пусть будет, пьяницы, кабак наполнен вами...»	Перевод О. Румера	97
141.	«Нет, никто не раскрывал...»	Перевод А. Старостина	97
142.	«Творец всего, вселенной шахиншах...»	Перевод Дм. Седых	97
143.	«Мы с тобою — добыча...»	Перевод Г. Плисецкого	97
144.	«Нежным женским лицом...»	Перевод Г. Плисецкого	97
145.	«Не таи в своем сердце обид...»	Перевод Г. Плисецкого	98
146.	«Раз хоть бы судьба...»	Перевод С. Кашеварова	98
147.	«Скоро праздник великий...»	Перевод Г. Плисецкого	98
148.	«Аллахом нам в раю...»	Перевод О. Румера	98
149.	«Отрекусь от поста и пещер...»	Перевод В. Державина	98
150.	«Сокровенною тайной с тобой...»	Перевод Н. Стрижкова	99
151.	«Единым кубком я прикончу грусть...»	Перевод Дм. Седых	99
152.	«Скакуна твоего...»	Перевод Г. Плисецкого	99

153.	«Так как собственной смерти...»	Перевод Г. Плисецкого	99
154.	«Свершить здесь омовенье...»	Перевод Л. Некоры	99
155.	«Да, виноградная лоза к пятам...»	Перевод И. Тхоржевского	100
156.	«Тот гончар, что слепил...»	Перевод Н. Стрижкова	100
157.	«Не смотри, что иной...»	Перевод Гл. Семенова	100
158.	«За грош дадут лепешек на два дня...»	Перевод Ц. Бану и К. Арсеневой	100
159.	«Не холоден, не жарок...»	Перевод В. Державина	100
160.	«Строителя увидел я...»	Перевод В. Державина	101
161.	«Жизнь — то шербет на льду...»	Перевод В. Державина	101
162.	«Кто в чаше Жизни...»	Перевод И. Тхоржевского	101
163.	«Говорят: «Будут гурии...»	Перевод Н. Стрижкова	101
164.	«Египет, Рим, Китай держи ты под пятой...»	Перевод О. Румера	101
165.	«Веселись! В мире всё быстротечно, мой друг...»	Перевод Гл. Семенова	102
166.	«Пей! Будет много мук...»	Перевод О. Румера	102
167.	«Мы уйдем без следа...»	Перевод Г. Плисецкого	102
168.	«Всё не по-нашему свершается кругом...»	Перевод В. Державина	102
169.	«Кого из нас не ждет...»	Перевод О. Румера	102
170.	«А вот, — вставляет кто-то, — говорят...»	Перевод И. Тхоржевского	103
171.	«Не молящимся грешником...»	Перевод Г. Плисецкого	103
172.	«В этом мире глупцов...»	Перевод Г. Плисецкого	103
173.	«Зачем сначала ты...»	Перевод А. Старостина	103
174.	«От излишеств моих...»	Перевод Г. Плисецкого	103
175.	«Поскольку всё решает небосвод...»	Перевод Дм. Седых	104
176.	«Ах, судьбою-косцом...»	Перевод А. Старостина	104
177.	«Приход мой небу славу не доставил...»	Перевод Ц. Бану	104
178.	«Я на чужбине сердцем изнываю...»	Перевод В. Державина	104
179.	«Мне мудрость не была чужда земная...»	Перевод Ц. Бану и К. Арсеневой	104
180.	«Не одерживал смертный...»	Перевод Г. Плисецкого	105
181.	«Счастлив тот, кто в шелку...»	Перевод Г. Плисецкого	105
182.	«Радуйся! Снова нам праздник...»	Перевод В. Державина	105
183.	«Твой разум дел мирских...»	Перевод В. Державина	105
184.	«Сотрутса со скрижалей имена...»	Перевод В. Державина	105
185.	«Катилась капля влаги...»	Перевод Т. Зульфикарова	106
186.	«Книга жизни моей...»	Перевод Г. Плисецкого	106
187.	«В молитве и посте я...»	Перевод О. Румера	106
188.	«Жизнь уходит из рук...»	Перевод Г. Плисецкого	106
189.	«Цветам и запахам владеть...»	Перевод О. Румера	106
190.	«Пришел я в этот мир...»	Перевод Ц. Бану	107
191.	«Сердце, как в клетке...»	Перевод С. Кашеварова	107
192.	«Посылает судьба...»	Перевод Н. Стрижкова	107
193.	«Я смерть готов без страха повстречать...»	Перевод В. Державина	107
194.	«Враг про меня со злобой...»	Перевод С. Кашеварова	107
195.	«Разум к счастью стремится...»	Перевод Г. Плисецкого	108
196.	«Людей ночами не тревожил я...»	Перевод А. Янова и Н. Леонтьева	108

197.	«Если бы мир упасть на улицу мог...»	Перевод С. Кашеварова	108
198.	«Я над книгой жизни упрямо гадал...»	Перевод Н. Стрижкова	108
199.	«Моя будь воля — не родился б я...»	Перевод Ц. Бану	108
200.	«Когда б в желаниях я быть свободным мог...»	Перевод О. Румера	109
201.	«Трясу надежды ветвь...»	Перевод Н. Стрижкова	109
202.	«Если б я властелином судьбы...»	Перевод Г. Плисецкого	109
203.	«Достав вина два мана...»	Перевод В. Державина	109
204.	«О мой шах, без певцов и пиров...»	Перевод В. Державина	109
205.	«Мой совет: будь хмельным...»	Перевод Г. Плисецкого	110
206.	«Тужить о чем?...»	Перевод Ц. Бану	110
207.	«Отречься от вина?...»	Перевод О. Румера	110
208.	«О, если б, захватив с собой...»	Перевод О. Румера	110
209.	«Лепешка из пшеничного зерна...»	Перевод Ц. Бану	110
210.	«Знаю, сущность твоя недоступна уму...»	Перевод Н. Стрижкова	111
211.	«Дверь насущного хлеба мне, боже, открой...»	Перевод Н. Стрижкова	111
212.	«Я к гончару наведалься вчера...»	Перевод Е. Ильина	111
213.	«Виночерпий, налей в мою чашу вина!...»	Перевод Г. Плисецкого	111
214.	«Я у горшечника купил кувшин...»	Перевод А. Старостина	111
215.	«Сейчас, сейчас, коль можешь...»	Перевод А. Старостина	112
216.	«Попрекают Хайяма числом кутежей...»	Перевод Г. Плисецкого	112
217.	«Как там — в мире ином?...»	Перевод Г. Плисецкого	112
218.	«Когда все тайны мира...»	Перевод А. Старостина	112
219.	«Мир — мгновенье, и я в нем...»	Перевод В. Державина	112
220.	«Сбрось обузу корысти...»	Перевод Г. Плисецкого	113
221.	«Сядь, отрок! Не дразни...»	Перевод О. Румера	113
222.	«Знайся только с достойными...»	Перевод Г. Плисецкого	113
223.	«Влагу доброй лозы...»	Перевод А. Старостина	113
224.	«Мудрый старец, рассветает!...»	Перевод А. Старостина	113
225.	«Закон незыблемый внушен сердцам людей...»	Перевод О. Румера	114
226.	«Нам и еда и сон...»	Перевод Н. Стрижкова	114
227.	«Из жемчуга молений...»	Перевод Л. Некоры	114
228.	«Мы только куклы, вертит нами рок...»	Перевод Ц. Бану	114
229.	«Посыпь же главу прахом...»	Перевод А. Старостина	114
230.	«Спросил у чаши я, прильнув устами...»	Перевод О. Румера	115
231.	«Уж наступил рассвет...»	Перевод А. Старостина	115
232.	«Красавица — ей я желаю...»	Перевод А. Старостина	115
233.	«Из всех ушедших в бесконечный путь...»	Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой	115
234.	«Тайн своих небосвод никому не открыл...»	Перевод Н. Стрижкова	115
235.	«Как сокол, вылетев из мира чуда...»	Перевод А. Грузинского	115
236.	«Не лучше ли за кубком...»	Перевод Л. Некоры	116
237.	«Придя в кабак обратно...»	Перевод Л. Некоры	116
238.	«Про зыбкий образ мира вопрошаешь...»	Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой	116

239. «Если истину сердцу постичь...» *Перевод Г. Плисецкого* 116
240. «Роза после дождя не просохла...» *Перевод Г. Плисецкого* 117
241. «Рубин огромный солнца засиял...» *Перевод И. Тхоржевского* 117
242. «Не у тех, кто в прах...» *Перевод Г. Плисецкого* 117
243. «Среди гурий прекрасных я пьян...» *Перевод Н. Стрижкова* 117
244. «Расстилатель ковров...» *Перевод В. Державина* 117
245. «Жизнь твою режут острой косой...» *Перевод В. Державина* 118
- *246. «Коль всю неделю напролет...» *Перевод Я. Часовой* 118
247. «Горек виноград...» *Перевод С. Каиеварова* 118
248. «Сменилась вновь весна...» *Перевод Н. Стрижкова* 118
249. «Из кожи, мышц, костей и жил...» *Перевод В. Державина* 118
250. «Ранним утром, о нежная, чарку налей...» *Перевод Г. Плисецкого* 119
251. «Я вчера наблюдал...» *Перевод Г. Плисецкого* 119
252. «Кто, живя на земле, не грешил?...» *Перевод Г. Плисецкого* 119
253. «Небо! Что сделал я?...» *Перевод В. Державина* 119
254. «Гонит рок нас по жизни битой...» *Перевод Н. Стрижкова* 119
255. «Следуй верным путем бесшабашных гуляк...» *Перевод Г. Плисецкого* 120
256. «Дай кувшин вина и чашу...» *Перевод А. Старостина* 120
257. «Прякою судьбы за хлеб...» *Перевод С. Каиеварова* 120
258. «Если небо враждует со мной...» *Перевод В. Державина* 120
259. «Лунным светом у ночи...» *Перевод Г. Плисецкого* 120
260. «Дух мой чистый, ты гость...» *Перевод Г. Плисецкого* 121
261. «Зачем имам нам проповедь долбит?...» *Перевод В. Державина* 121
262. «От зенита Сатурна...» *Перевод Гл. Семенова* 121
263. «Всё, что видишь ты, — видимость...» *Перевод Г. Плисецкого* 121
264. «Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!...» *Перевод Г. Плисецкого* 121
265. «Как полон я любви...» *Перевод О. Румера* 122
266. «Поменьше размышляй о зле...» *Перевод О. Румера* 122
267. «С той, чей стан — кипарис...» *Перевод Г. Плисецкого* 122
268. «В бокалы влей вина...» *Перевод О. Румера* 122
269. «Вхожу в мечеть смиренно...» *Перевод Л. Некоры* 122
270. «Тревога вечная...» *Перевод О. Румера* 123
271. «Коль небом не дано, чего хочу...» *Перевод Дм. Седых* 123
272. «Когда в когтях судьбы, застигнут злом...» *Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой* 123
273. «Я утро каждое спешу скорей в кабак...» *Перевод О. Румера* 123
274. «Из веселого места иду я вчера...» *Перевод Гл. Семенова* 123
275. «Из всего, что аллах мне...» *Перевод Г. Плисецкого* 124
276. «Ах, где надежный друг?...» *Перевод А. Старостина* 124
277. «Смеялась роза: „Милый ветерок...”» *Перевод И. Тхоржевского* 124
278. «Неправда, будто пост нарушил я...» *Перевод О. Румера* 124
279. «Джамшида чашу я искал...» *Перевод О. Румера* 124
280. «О, не сам по себе я прошел...» *Перевод Гл. Семенова* 125
281. «Отравлен день без чистого вина...» *Перевод Дм. Седых* 125

282. «Убывает гордыня...» *Перевод Г. Плисецкого* 125
283. «Тот усердствует слишком...» *Перевод Г. Плисецкого* 125
284. «Я — прекрасный Юсуф...» *Перевод Н. Стрижкова* . . . 125
285. «Гляжу на землю я и сном...» *Перевод О. Румера* 126
286. «Тайны мира постиг...» *Перевод Н. Стрижкова* 126
- * 287. «Лишь твоему лицу печальное сердце радо...» *Перевод Б. Маршака* 126
288. «В сферах небесных...» *Перевод С. Каишеварова* 126
289. «Цветком я не закрою солнца...» *Перевод А. Старостина* 126
290. «Без вина я по жизни...» *Перевод Г. Плисецкого* 127
291. «Смерть я видел, и жизнь...» *Перевод Г. Плисецкого* . . . 127
292. «Смертный, думать не надо...» *Перевод Г. Плисецкого* 127
293. «Я пью, — что говорить...» *Перевод О. Румера* 127
294. «Как проснусь — так устами...» *Перевод Г. Плисецкого* 127
295. «В любви на новый путь свернуть...» *Перевод С. Северцева* 128
296. «В дни цветения роз...» *Перевод В. Державина* 128
297. «Раб страстей, я в унынье...» *Перевод Г. Плисецкого* 128
298. «Ты, боже, глину мял...» *Перевод Дм. Седых* 128
299. «Не буду часа ждать, когда умру...» *Перевод В. Державина* 128
300. «Увы, глоток воды хлебнуть...» *Перевод О. Румера* 129
301. «Вино — кровь лоз...» *Перевод Дм. Седых* 129
302. «Не по бедности я...» *Перевод Н. Стрижкова* 129
303. «Когда б я отравил весь мир...» *Перевод О. Румера* 129
304. «Считают, будто я неверный...» *Перевод Дм. Седых* 129
305. «Назовут меня пьяным...» *Перевод Г. Плисецкого* 130
306. «В жизни трезвым я не был...» *Перевод Г. Плисецкого* 130
307. «Любя тебя, сношу я все...» *Перевод А. Старостина* 130
308. «Боже, ты великодушен...» *Перевод А. Старостина* 130
309. «Пью не ради того...» *Перевод Гл. Семенова* 130
- * 310. «Слишком уж поздно в круг бытия...» *Перевод Б. Маршака* 131
311. «Как долго пленными нам быть...» *Перевод О. Румера* 131
312. «Над краем чаши мы...» *Перевод О. Румера* 131
313. «Мы дервишеским рубищем...» *Перевод В. Державина* 131
314. «Жаль, постигаем только...» *Перевод Дм. Седых* 131
315. «Когда-то просвещал нас...» *Перевод Л. Некоры* 132
316. «Безгрешными приходим — и грешим...» *Перевод Дм. Седых* 132
317. «Мы источник веселья...» *Перевод Г. Плисецкого* 132
318. «Друзья, дадим обет быть вместе...» *Перевод В. Державина* 132
319. «Брось молиться, неси нам вина...» *Перевод Г. Плисецкого* 132
320. «Сердце, воспрянь!» *Перевод В. Державина* 133
321. «Пред взором милых глаз...» *Перевод О. Румера* 133
322. «В мире временном, сущность...» *Перевод Г. Плисецкого* 133
323. «Этот мир — эти горы, долины...» *Перевод Г. Плисецкого* 133
324. «Чтоб счастье испытать...» *Перевод О. Румера* 133
325. «Шель вечная движенья...» *Перевод Т. Зулффикарова* 134
326. «Ты, муфтий, нас беспутнее подчас...» *Перевод Ц. Бану* 134
327. «Мы похожи на циркуль...» *Перевод Г. Плисецкого* 134
328. «Твои дары, о жизнь, — унынье...» *Перевод О. Румера* 134
329. «Бросать не стоит в будущее взгляд...» *Перевод Дм. Седых* 134

330. «Покуда рок не принял за нас...» *Перевод Дм. Седых* 135
331. «В сей мир едва ли снова попадем...» *Перевод Дм. Седых* 135
332. «До коих пор унижений позор...» *Перевод В. Державина* 135
333. «Мы розы превратим в вино...» *Перевод В. Державина* 135
334. «Мы чалму из тончайшего льна...» *Перевод Г. Плисецкого* 136
335. «Мне чаша чистого вина...» *Перевод О. Румера* 136
336. «Увы, не много дней нам здесь побыть...» *Перевод О. Румера* 136
337. «Не прав, кто думает, что бог...» *Перевод О. Румера* 136
338. «Мы попали в сей мир, как в синок...» *Перевод Г. Плисецкого* 136
339. «Где корм, а где ловушка...» *Перевод Л. Некоры* 137
340. «За то, что вечно пьем...» *Перевод О. Румера* 137
341. «Хайяму я прошу мой передать привет...» *Перевод О. Румера* 137
342. «Прошу вас Мустафе мой передать привет...» *Перевод О. Румера* 137
343. «Доколе будешь нас корить, ханжа...» *Перевод О. Румера* 137
344. «Держит чашу рука, а другая — Коран...» *Перевод Н. Стрижкова* 138
345. «О вращенье небес! О превратность времен!...» *Перевод Гл. Семенова* 138
346. «Не избавиться мне от житейских оков...» *Перевод Н. Стрижкова* 138
347. «Дураки мудрецом почитают меня...» *Перевод Г. Плисецкого* 138
348. «Лучше пить вино и веселых красавиц ласкать...» *Перевод Г. Плисецкого* 138
349. «Если хочешь покоиться в неге...» *Перевод В. Державина* 139
350. «Ухожу, ибо в этой обители бед...» *Перевод Г. Плисецкого* 139
351. «Лучше впасть в нищету, голодать...» *Перевод Г. Плисецкого* 139
352. «Не трать себя, о друг, на огорченья...» *Перевод Дм. Седых* 139
353. «Лучше скромная доля...» *Перевод Н. Стрижкова* 139
354. «Скинь ризы показные!...» *Перевод Л. Некоры* 140
355. «Ни ты, ни я не знаем загадки...» *Перевод Т. Зульф리카рова* 140
356. «Страстью раненный, слезы без устали лью...» *Перевод Г. Плисецкого* 140
357. «Нет мне единомышленника в споре...» *Перевод В. Державина* 140
358. «Небо! Вечно в сражении ты...» *Перевод В. Державина* 140
359. «Смотри: беременна душою плоть бокала...» *Перевод О. Румера* 141
360. «Наш мир — творца ошибку...» *Перевод Л. Некоры* 141
361. «О мой избранник, о старинный друг!...» *Перевод А. Старостина* 141
362. «О, доколе сокрушаться...» *Перевод В. Державина* 141
363. «Из верченья гончарного круга...» *Перевод Г. Плисецкого* 141
364. «Если ты не слепой...» *Перевод Гл. Семенова* 142
365. «Вращаясь, свод небесный...» *Перевод Л. Некоры* 142
366. «Бык Землю держит испокон веков...» *Перевод Ц. Бану* 142
367. «Те, что веруют слепо...» *Перевод Г. Плисецкого* 142
368. «Вы мне говорите...» *Перевод В. Державина* 142

369.	«Вот беспутный гуляка...»	Перевод Г. Плисецкого	143
370.	«Ты не слушай глупцов...»	Перевод Г. Плисецкого	143
371.	«Если б мне всемогущество было дано...»	Перевод Г. Плисецкого	143
372.	«Эй, видящий вращенье небосвода...»	Перевод Дм. Седых	143
373.	«На миг один избавься от забот...»	Перевод Ц. Бану	143
374.	«Долго ль будешь ты всяким скотам угождать?...»	Перевод Гл. Семенова	144
375.	«Петь так петь, — соловьи...»	Перевод Гл. Семенова	144
376.	«Эта жизнь — солончак...»	Перевод Г. Плисецкого	144
377.	«Для того, кто за внешностью...»	Перевод Г. Плисецкого	144
378.	«Коль день прошел, о нем не вспомяни...»	Перевод Ц. Бану	144
379.	«Будь, как ринд, завсегдаем всех кабаков...»	Перевод Г. Плисецкого	145
* 380.	«От жизненных тревог мне сердце успокой...»	Перевод Я. Часовой	145
381.	«Боже, скуку смертельную нашу прости...»	Перевод Г. Плисецкого	145
382.	«Влюбленный на ногах пусть держится едва...»	Перевод О. Румера	145
* 383.	«О творенье божье!...»	Перевод Б. Маршака	145
384.	«Рано утром я слышу призыв...»	Перевод Г. Плисецкого	146
385.	«Скорей приди, исполненная чар...»	Перевод Ц. Бану	146
386.	«Мы не надолго в этот мир пришли...»	Перевод В. Державина	146
387.	«Меня, когда умру, вы соком лоз омойте...»	Перевод О. Румера	146
388.	«Я небосводом брошен на чужбину...»	Перевод В. Державина	146
389.	«Вино питает мощь равно души...»	Перевод О. Румера	147
390.	«Друг, твое вино питает существо мое...»	Перевод В. Державина	147
391.	«Хотя стройнее тополя мой стан...»	Перевод И. Тхоржевского	147
392.	«Благоговейно чтят везде стихи...»	Перевод О. Румера	147
393.	«Не кори тех, кто пьян...»	Перевод Н. Стрижкова	147
394.	«Как знать, подруга...»	Перевод Ц. Бану	148
395.	«Увы, неблагосклонен небосвод!...»	Перевод Н. Леонтьева	148
396.	«Сделай мне хоть что-нибудь...»	Перевод С. Кашеварова	148
397.	«Покамест ты жив — не обижай!...»	Перевод В. Державина	148
398.	«Слушай-ка, законник...»	Перевод С. Кашеварова	148
399.	«Поток времен свиреп...»	Перевод К. Бальмонта	149
400.	«Быть Может, алость розы...»	Перевод Л. Некоры	149
401.	«Под этим небом жизнь...»	Перевод О. Румера	149
402.	«Двери в этой обители: выход и вход...»	Перевод Г. Плисецкого	149
403.	«Эй, небосвод неразумный!...»	Перевод В. Державина	149
404.	«Милый юноша, утро блеснуло...»	Перевод Н. Стрижкова	150
405.	«Пить вино хорошо...»	Перевод Н. Стрижкова	150
406.	«Кирпич на кувшине...»	Перевод О. Румера	150
407.	«Круг небес, неизменный...»	Перевод Г. Плисецкого	150
408.	«Принеси заключенный в кувшине рубин...»	Перевод Г. Плисецкого	150

409.	«Противоядье скорби...» <i>Перевод Л. Некоры</i>	151
410.	«Всем сердечным движениям волно давай...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	151
411.	«Считай, что все дела на лад пошли...» <i>Перевод В. Микрюкова</i>	151
412.	«Приемли, что дает круговорот...» <i>Перевод В. Державина</i>	151
413.	«Как хотел, так себя ты и тешил...» <i>Перевод Гл. Семёнова</i>	151
414.	«Руины прошлого размыл разлив...» <i>Перевод В. Державина</i>	152
415.	«О, долго ль жизнь влачить...» <i>Перевод Дм. Седых</i>	152
416.	«Жильцы могил гниют...» <i>Перевод О. Румера</i>	152
417.	«Хоть сотню проживи...» <i>Перевод О. Румера</i>	152
418.	«Слышал я: под ударами гончара...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	152
419.	«Если ты не впадаешь в молитвенный раж...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	153
420.	«Так как вечных законов...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	153
421.	«Зачем ты над загадкой жизни...» <i>Перевод А. Грузинского</i>	153
422.	«Не ставь ты дураку хмельного...» <i>Перевод О. Румера</i>	153
423.	«К нему идти ты хочешь?...» <i>Перевод Л. Некоры</i>	153
424.	«Ты мрачен? Покури хашиш...» <i>Перевод О. Румера</i>	154
425.	«Под мелодию флейты...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	154
426.	«Влагу, к жизни тебя возродившую...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	154
427.	«Известно, в мире всё лишь суета...» <i>Перевод Н. Стрижкова</i>	154
428.	«Пей с достойным...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	154
429.	«Защитник подлых — подлый небосвод...» <i>Перевод В. Державина</i>	155
430.	«Круг небес ослепляет...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	155
431.	«Не бойся, друг, сегодняшних невзгод!...» <i>Перевод Дм. Седых</i>	155
432.	«На стенах Туса я увидел утром рано...» <i>Перевод О. Румера</i>	155
433.	«Беспощадна судьба...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	155
434.	«От губительных ядов житейских невзгод...» <i>Перевод Н. Стрижкова</i>	156
435.	«От горя разлуки с тобой я вяну...» <i>Перевод Н. Стрижкова</i>	156
436.	«Когда вселенную достигнет день...» <i>Перевод О. Румера</i>	156
437.	«То вино, что по сути способно принять...» <i>Перевод Т. Лебединского</i>	156
438.	«Пусть у меня в объятиях луна...» <i>Перевод Дм. Седых</i>	156
439.	«Пью не ради запретной любви...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	157
440.	«Если небо враждою опять не повеет...» <i>Перевод В. Державина</i>	157
441.	«Налей вина, саки!...» <i>Перевод О. Румера</i>	157
442.	«Во мне вы видите чудовище разврата?...» <i>Перевод О. Румера</i>	157
443.	«Финал, в котором труд умельца скрыт...» <i>Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой</i>	157
444.	«Непостоянно всё, что в мире есть...» <i>Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой</i>	158

445. «Да пребудет вино...» *Перевод Г. Плисецкого* 158
446. «Виночерпий! Расплавленный лал принеси...» *Перевод Г. Плисецкого* 158
447. «С фиалом в руке...» *Перевод В. Державина* 158
448. «С тех пор как отличать...» *Перевод О. Румера* 158
449. «Мне одна лишь отрада осталась...» *Перевод Г. Плисецкого* 159
450. «Тот, кто милых красавиц...» *Перевод И. Стрижкова* 159
451. «Так как истина вечно уходит из рук...» *Перевод Г. Плисецкого* 159
452. «И пылинка — живую частицей была...» *Перевод Г. Плисецкого* 159
453. «Пламенея, тюльпаны растут из земли...» *Перевод Гл. Семенова* 159
454. «Чья плоть, скажи, Кувшин...» *Перевод Ц. Бану* 160
455. «Как много было зорь и сумерек до нас!...» *Перевод О. Румера* 160
456. «Где сонмы пировавших здесь до нас?...» *Перевод В. Державина* 160
457. «Всё, что будет: и зло, и добро — пополам...» *Перевод Г. Плисецкого* 160
458. «Саки! Печалью грудь моя полна...» *Перевод В. Державина* 160
459. «О кравчий! Цветы, что в долине пестрели...» *Перевод В. Державина* 161
460. «Красавица, что сердце мне разбила...» *Перевод Н. Стрижкова* 161
461. «Будь осмотрителен — судьба-злодейка рядом!...» *Перевод Л. Пеньковского* 161
462. «Я люблю свой кабак, ибо, что ни скажи...» *Перевод Гл. Семенова* 161
463. «Я пьяным встретил раз пред дверью кабака...» *Перевод О. Румера* 161
464. «Ты к людям милосерд?...» *Перевод О. Румера* 162
465. «Миром правят насилие, злоба и месть...» *Перевод Г. Плисецкого* 162
466. «Сей караван-сарай, где то и дело день...» *Перевод О. Румера* 162
467. «Сегодня пятница; поэтому смени...» *Перевод О. Румера* 162
468. «Твердят, будто пьяницы в ад угодят...» *Перевод В. Зайцева* 162
469. «О сердце, твой удел — вовек, не зная сна...» *Перевод О. Румера* 163
470. «Жизнь моя — не запойное чтение...» *Перевод Г. Плисецкого* 163
471. «Чаша эта, что милый мне кравчий нальет...» *Перевод В. Державина* 163
472. «Люблю вино, ловлю веселья миг...» *Перевод Ц. Бану* 163
473. «Опять, как в пору юности моей...» *Перевод В. Державина* 163
474. «О кравчий, старое вино...» *Перевод В. Державина* 164
475. «Коль человек чужой мне верен...» *Перевод Н. Гребнева* 164
476. «Дай вина! Здесь не место пустым словесам...» *Перевод Г. Плисецкого* 164

477. «Пей вино, ибо радость телесная — в нем...» *Перевод Г. Плисецкого* 164
478. «Пей вино, ибо жизнь продлевает оно...» *Перевод Г. Плисецкого* 164
479. «Хоть мудрец — не скупец и не копит добра...» *Перевод Г. Плисецкого* 165
480. «Алый лал наливай в пиалу из ковша...» *Перевод Г. Плисецкого* 165
481. «Моей скорби кровавый ручей...» *Перевод В. Державина* 165
482. «Мне трезвый день — для радости преграда...» *Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой* 165
483. «Этот ценный рубин — из особого здесь рудника...» *Перевод К. Бальмонта* 165
484. «Мне заповедь — любовь, а не Коран...» *Перевод О. Румера* 166
485. «Наливай нам вина, хоть болит голова...» *Перевод Г. Плисецкого* 166
486. «Да, жребий мертвеца не так, как мой, тяжел...» *Перевод А. Старостина* 166
487. «Всё — и зло, и добро...» *Перевод В. Державина* 166
488. «Если жизнь твоя нынче, как чаша, полна...» *Перевод Г. Плисецкого* 166
489. «Коль роз не будет — хватит и шипов...» *Перевод В. Микрюкова* 167
490. «Вино дано мне, музыка и пенье...» *Перевод В. Державина* 167
491. «Просило сердце: «Поучи хоть раз»...» *Перевод И. Тхоржевского* 167
492. «От безбожья до бога — мгновенье одно...» *Перевод Г. Плисецкого* 167
493. «Травинки, те, что у ручья, не мни...» *Перевод Т. Спендиаровой* 167
494. «Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы...» *Перевод Г. Плисецкого* 168
495. «Цвет рубину уста подарили твои...» *Перевод Н. Стрижкова* 168
496. «Дом разрушу, последний кирпичик в стене...» *Перевод Г. Плисецкого* 168
497. «О невежды! Наш облик телесный — ничто...» *Перевод Г. Плисецкого* 168
498. «От стрел, что мечет смерть, нам не найти щита...» *Перевод О. Румера* 168
499. «Ты видел мир, но всё, что ты видал, — ничто...» *Перевод О. Румера* 169
500. «Жизнь в разлуке с лозою хмельною — ничто...» *Перевод Г. Плисецкого* 169
501. «Мы в этот мир пришли вкусить короткий сон...» *Перевод О. Румера* 169
502. «Бокала полного веселый вид мне люб...» *Перевод О. Румера* 169
503. «Как нежно щеки розы целует ветерок!..» *Перевод Л. Некоры* 169
504. «Сулят мне: в эдеме усладу найдешь...» *Перевод В. Зайцева* 170
505. «Хоть мудрый шарият и осудил вино...» *Перевод О. Румера* 170

506. «Кто чар ее не избежал...» *Перевод С. Северцева* 170
507. «В жизни сей опьянение лучше всего...» *Перевод Г. Плисецкого* 170
508. «Дух рабства кроется в кумирне...» *Перевод О. Румера* 170
509. «Смерть лишь однажды встанет за плечом...» *Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой* 170
510. «Словно солнце, горит, не сгорая, любовь...» *Перевод Г. Плисецкого* 171
511. «Изначальной всего остального — любовь...» *Перевод Гл. Семенова* 171
512. «О кравчий, ты всех луноликих краше...» *Перевод Дм. Седых* 171
513. «Чаша вина мне дороже державы...» *Перевод В. Державина* 171
514. «Коль есть красавица, вино и чанга звон...» *Перевод В. Державина* 171
515. «Что ищешь радости? Миг — жизни всей итог...» *Перевод А. Старостина* 172
516. «За любовь к тебе пусть...» *Перевод Н. Стрижкова* 172
517. «О горе, горе сердцу...» *Перевод Л. Некоры* 172
518. «Плачет роза под прессом: „Зачем из меня...“» *Перевод Г. Плисецкого* 172
519. «Не знаю тайны я вращенья небосвода...» *Перевод В. Державина* 173
520. «В день завтрашний нельзя сегодня заглянуть...» *Перевод О. Румера* 173
521. «Когда нам пира в мире не дано...» *Перевод В. Державина* 173
522. «Разум мой не силен и не слишком глубок...» *Перевод Г. Плисецкого* 173
523. «Мы разгадки вечной тайны не нашли...» *Перевод А. Старостина* 173
524. «Тот кувшин, что сегодня поит бедняка...» *Перевод Н. Стрижкова* 174
525. «Блажен, кто в наше время...» *Перевод А. Старостина* 174
526. «Вольно миг один живем на свете...» *Перевод И. Стрижкова* 174
527. «Если только ты наступишь на колючку...» *Перевод А. Старостина* 174
528. «Если б мне этой жизни причину постичь...» *Перевод Г. Плисецкого* 174
529. «Дождь крупный зелень окропил весной...» *Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой* 175
530. «Весна. Желанья блещут новизной...» *Перевод И. Тхоржевского* 175
531. «Полно, друг, о мирском горевать и тужить...» *Перевод Н. Стрижкова* 175
532. «Хайям! Из-за греха что тосковать?...» *Перевод В. Микрюкова* 175
533. «Почему стремиться к раю здесь должны мы...» *Перевод В. Державина* 175
534. «Кравчий! Мой дух со всех сторон опустел...» *Перевод С. Кашеварова* 176
535. «Звездный купол — не кровля покоя сердец...» *Перевод В. Державина* 176

536. «Нам говорят: „Не пей вина в шабан...»	<i>Перевод Дм. Се- дых</i>	176
537. «Любовь — роковая беда...»	<i>Перевод В. Державина</i>	176
538. «Небо — пояс загубленной жизни моей...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	176
539. «Мы грешим, истребляя вино...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	177
540. «Некий круг заключил наш приход и уход...»	<i>Перевод Н. Стрижкова</i>	177
541. «Тайны мира, как я записал их в тетрадь...»	<i>Перевод Н. Стрижкова</i>	177
542. «На мир — пристанище немногих...»	<i>Перевод О. Румера</i>	177
543. «Покоя мало, тягот не избыть...»	<i>Перевод А. Янова и Н. Леонтьева</i>	177
544. «Твое тело, Хайям, лишь палатка...»	<i>Перевод Гл. Семенова</i>	178
*545. «Страсть твоя — дворяжка...»	<i>Перевод Я. Часовой</i>	178
546. «Когда лепил меня создатель...»	<i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	178
547. «Творений ты — ваятель, почему...»	<i>Перевод Ц. Бану</i>	178
548. «И слева мне и справа...»	<i>Перевод Л. Некоры</i>	178
549. «Смысла нет постоянно себя утруждать...»	<i>Перевод Н. Стрижкова</i>	179
550. «Раб твой восстал...»	<i>Перевод С. Кашеварова</i>	179
551. «В этом мире не вырастет правды побег...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	179
552. «Все беды от твоей извечной злобы...»	<i>Перевод Ц. Бану</i>	179
553. «Ты словно опьянен! Безумие твое...»	<i>Перевод В. Величко</i>	179
554. «О друг, нам время не подчинено...»	<i>Перевод В. Державина</i>	180
555. «Так как всё за меня решено в вышине...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	180
556. «И сияние рая, и ада огни...»	<i>Перевод Гл. Семенова</i>	180
557. «Когда плачут весной облака...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	180
558. «Снова вешнюю землю омыли дожди...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	180
559. «Шел в кабак я, тепла в сердце веру...»	<i>Перевод В. Державина</i>	181
560. «Поменьше в наши дни имей друзей...»	<i>Перевод Л. Пеньковско- го</i>	181
561. «Налей! Вино — целитель сердечных ран...»	<i>Перевод Л. Некоры</i>	181
562. «Пей вино, ибо друг человеку оно...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	181
563. «Когда совершается всё не по нашим желаньям...»	<i>Перевод В. Державина</i>	181
564. «Если сердце захочет свободы...»	<i>Перевод В. Державина</i>	182
565. «Суровый рамазан велел с вином проститься...»	<i>Перевод О. Румера</i>	182
566. «Жизнь с крючка сорвалась и бесследно прошла...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	182
567. «Если низменной похоти станешь рабом...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	182
568. «Ты с душою расстанешься скоро...»	<i>Перевод Г. Плисецкого</i>	182
569. «Пред пьяным соловьем, влетевшим в сад...»	<i>Перевод О. Румера</i>	183

570. «Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот...» *Перевод О. Румера* 183
571. «Дворец, где царь Джамшид пиры давал...» *Перевод В. Микрюкова* 183
572. «Убеждают рассудок и разум давно...» *Перевод Н. Стрижкова* 183
573. «Некто мудрый внушал задремавшему мне...» *Перевод Г. Плисецкого* 183
574. «Можно ль первому встречному тайну открыть?...» *Перевод В. Державина* 184
575. «Пей, ибо скоро в прах ты будешь схоронен...» *Перевод О. Румера* 184
576. «Творенья океан из мглы возник...» *Перевод Ц. Бану* 184
577. «Как много нашей крови пролил...» *Перевод В. Державина* 184
578. «Поутру просыпается роза моя...» *Перевод Г. Плисецкого* 184
579. «Радости сердце мое не познало...» *Перевод В. Державина* 185
580. «Смысла нет перед будущим дверь запираеть...» *Перевод Г. Плисецкого* 185
581. «Для мудрости высокой «Хайям» палатку шил...» *Перевод Л. Некоры* 185
582. «По желанью мудрецов...» *Перевод А. Старостина* 185
583. «С вином и розами я шествовал доселе...» *Перевод О. Румера* 185
584. «Мы бродили всю жизнь по горам и долам...» *Перевод Г. Плисецкого* 186
585. «Я скитался всю жизнь по горам и долам...» *Перевод А. Стрижкова* 186
586. «Где вы, друзья, враги, где пери, дивы...» *Перевод В. Державина* 186
587. «Словно ветер в степи, словно в речке вода...» *Перевод Г. Плисецкого* 186
588. «Этот свод голубой и таз на нем золотой...» *Перевод В. Державина* 186
589. «Кто урод, кто красавец — не ведает страсть...» *Перевод Г. Плисецкого* 187
590. «Я несчастен и мерзок себе, сознаюсь...» *Перевод Г. Плисецкого* 187
591. «Рай здесь нашел, за чашею вина...» *Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой* 187
592. «Иди зарей весенней...» *Перевод Л. Некоры* 187
593. «Ни в мечеть я, ни в церковь...» *Перевод Гл. Семенова* 187
594. «Доколе дым кумирни прославлять...» *Перевод В. Державина* 188
595. «Нам — вино и любовь, вам — кумирня и храм...» *Перевод Г. Плисецкого* 188
596. «В мечетях, в храмах, в капищах богов...» *Перевод В. Державина* 188
597. «Каждый, в ком пламенеет любовь...» *Перевод В. Державина* 188
598. «Чтоб жить в раю, я создан был...» *Перевод А. Старостина* 188
599. «Коль на ярком лугу в блеске вешнего дня...» *Перевод А. Стрижкова* 189

600. «Наполнить камешками океан...» *Перевод И. Тхоржевского* 189
601. «Всяк, кто в сердце знак рассудка начертал...» *Перевод С. Кашеварова* 189
602. «С людьми ты тайной не делись...» *Перевод В. Державина* 189
603. «Вразуми, всемогущее небо, невежд...» *Перевод Г. Плисецкого* 189
604. «Почему этот кубок...» *Перевод Г. Плисецкого* 190
605. «Здесь башня в старину...» *Перевод Ц. Бану* 190
606. «Когда твой светлый дух...» *Перевод В. Державина* 190
607. «Сто лет я жил, греха не зная...» *Перевод А. Грузинского* 190
608. «Когда последний вздох...» *Перевод О. Румера* 190
609. «Грозит нам свод небесный...» *Перевод Л. Некоры* 191
610. «Стекланный кубок полон...» *Перевод Л. Некоры* 191
611. «Для тех, кто умирает, Багдад и Балх — одно...» *Перевод Л. Некоры* 191
612. «Посмотри: всё, чего я добился, — ничто...» *Перевод Гл. Семенова* 191
613. «Этой чаше рассудок хвалу воздает...» *Перевод Г. Плисецкого* 191
614. «Ты, дух животворящий, ты, чистое вино...» *Перевод Л. Некоры* 192
615. «Душа ни тайн вселенной не познала...» *Перевод В. Державина* 192
616. «Много сект насчитал я в исламе...» *Перевод Г. Плисецкого* 192
617. «Скорбеть о скорби будущей доколе?..» *Перевод В. Державина* 192
618. «Доколе жаловаться мне...» *Перевод А. Старостина* 192
619. «Не убивай меня, небо, в своем опьянении!..» *Перевод В. Державина* 193
620. «Мне, боже, надоела жизнь моя...» *Перевод А. Старостина* 193
621. «О вино! Ты — живая вода...» *Перевод Г. Плисецкого* 193
622. «Будь весел в эти мгновенья...» *Перевод В. Державина* 193
623. «Хайям! О чем горюешь? Весел будь!..» *Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой* 193
624. «Освободись, о сердце...» *Перевод Л. Некоры* 194
625. «Мои заслуги точно все до одной сочти...» *Перевод Л. Некоры* 194
626. «Скажу тебе, коль хочешь мой выслушать совет...» *Перевод Л. Некоры* 194
627. «Я, шатаюсь, спускался вчера в погребок...» *Перевод Г. Плисецкого* 194
628. «Вчера в гончарную зашел я в поздний час...» *Перевод О. Румера* 194
629. «Хмельная чаша нам хотя запрещена...» *Перевод О. Румера* 195
630. «Если будешь всю жизнь наслаждений искать...» *Перевод Г. Плисецкого* 195
631. «О невежда, вокруг посмотри, ты — ничто...» *Перевод Н. Стрижкова* 195
632. «Кумир мой, вылепил тебя таким гончар...» *Перевод О. Румера* 195

633. «В час, как впервые замесили меня...» *Перевод С. Кашеварова* 195
634. «Ты — творец, и таким ты меня сотворил...» *Перевод Н. Стрижкова* 196
635. «Ты мой кувшин с вином разбил...» *Перевод В. Микрюкова* 196
636. «Старайся принимать без ропота мученья...» *Перевод О. Румера* 196
637. «Если хочешь, чтоб крепкой была...» *Перевод В. Державина* 196
638. «Я научу тебя, как всем прийтись по нраву...» *Перевод О. Румера* 196
639. «Чистый дух, заключенный в нечистый сосуд...» *Перевод Г. Плисецкого* 197
640. «О, если бы крылатый ангел мог...» *Перевод И. Тхоржевского* 197
641. «Тот я, кого из ничего ты сотворил...» *Перевод С. Кашеварова* 197
642. «Меняем реки, страны, города...» *Перевод И. Налбандяна* 197
- *643. «Зачем сперва ты мне себя раскрыл...» *Перевод Я. Часовой* 197
644. «Если б небо вершило...» *Перевод Н. Стрижкова* 198
645. «О, если б до привала добрести...» *Перевод К. Арсеновой* 198
646. «Веселись! Ибо нас не спросили вчера...» *Перевод Г. Плисецкого* 198
647. «К чему печали нам служить?...» *Перевод Л. Некоры* 198
648. «Смертный, если не ведаешь страха...» *Перевод Г. Плисецкого* 198
649. «О чадо четырех стихий, внемли ты вести...» *Перевод О. Румера* 199
650. «Мне так небесный свод сказал...» *Перевод О. Румера* 199
651. «Чем за общее счастье без толку страдать...» *Перевод Г. Плисецкого* 199
652. «О небосвод, я от тебя терплю...» *Перевод А. Старостина* 199
653. «Я в безумной любви лишь вину поклянусь...» *Перевод Н. Стрижкова* 199
654. «Чтоб мудро жизнь прожить...» *Перевод О. Румера* 200
655. «Мгновеньями он виден, чаще скрыт...» *Перевод И. Тхоржевского* 200
656. «Друг, в нищете своей отдай себе отчет!...» *Перевод О. Румера* 200
657. «О чем кричит, тревожа чуткий слух...» *Перевод К. Арсеновой* 200
658. «Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей...» *Перевод Г. Плисецкого* 200
659. «Чужой стряпни вдыхать всемирный чад?!» *Перевод И. Тхоржевского* 201
660. «Будь Аристотеля, Джемхура будь мудрей...» *Перевод О. Румера* 201
661. «Загадку бытия не разгадать...» *Перевод Ц. Бану и К. Арсеновой* 201
662. «Прославься в городе — возбудишь озлобленье...» *Перевод О. Румера* 201
663. «Повторенье, подражанье — мира этого дела...» *Перевод В. Державина* 201

664.	«Шейх блудницу стыдил...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	202
665.	«У мертвых и живых один владыка...»	Перевод О. Румера . . .	202
666.	«О живущий в плену...»	Перевод В. Державина . . .	202
667.	«О рок жестокий! Как твой гнет безжалостно тяжел...»	Перевод С. Северцева . . .	202
668.	«Виночерпий, опять моя чаша пуста!...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	202
669.	«Познай все тайны мудрости!...»	Перевод И. Тхоржевского . . .	203
670.	«Брось вино! Попадешь, — мне пророчат, — в беду...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	203
671.	«Коль ищешь ты, чем пропитаться б мог...»	Перевод Ц. Бану . . .	203
672.	«Разбил кувшин из глины расписной...»	Перевод К. Арсеновой . . .	203
673.	«Слезами омываясь в день трикраты...»	Перевод В. Державина . . .	203
674.	«Как надоели мне несносные ханжи!...»	Перевод О. Румера . . .	204
675.	«Коль в роде отличишь моем...»	Перевод В. Державина . . .	204
676.	«Скорее пробудись от сна, о мой саки!...»	Перевод О. Румера . . .	204
677.	«Гостившие здесь прежде поколенья...»	Перевод В. Державина . . .	204
678.	«Что за утро! Налей-ка, не мешкая, мне...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	204
679.	«Так как смерть всё равно мне пощады не даст...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	205
680.	«Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	205
681.	«Пей! И в огонь весенней кутерьмы...»	Перевод И. Тхоржевского . . .	205
682.	«Огню, скрытому в скале, подобен будь...»	Перевод О. Румера . . .	205
683.	«Нет различья: одна или тысяча бед...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	205
684.	«Виночерпий, налей в мою чашу огня!...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	206
685.	«Ты при всех на меня накликаешь позор...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	206
686.	«Этот райский, с ручьями журчащими, край...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	206
687.	«Открой врата, ведь отворить...»	Перевод Я. Часовой . . .	206
688.	«О вино! Ты прочнее веревки любой...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	206
689.	«Небо! Жалуешь ты почему подлецов?...»	Перевод Н. Стрижкова . . .	206
690.	«Ты расставляешь западни на всех путях моих...»	Перевод В. Державина . . .	207
691.	«Ни держава, ни полная злата казна...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	207
692.	«Лживой книжной премудрости лучше бежать...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	207
693.	«Лучше в жизни всего избежать...»	Перевод В. Державина . . .	207
694.	«Оттого, что не праведен мир, не страдай...»	Перевод Г. Плисецкого . . .	208

695. «Дай мне влаги хмельной, укрепляющей дух...» *Перевод Г. Плисецкого* 208
696. «Не думай более прожить, чем шесть десятков лет...» *Перевод С. Северцева* 208
697. «Не хмурь бровей из-за ударов рока...» *Перевод Дм. Седых* 208
698. «Да, лилия и кипарис — два чуда под луной...» *Перевод Н. Стрижкова* 208
699. «Красой затмила ты Китая дочерей...» *Перевод О. Румера* 209
700. «Коль можешь, не тужи о времени бегущем...» *Перевод В. Державина* 209

* II

701. «Ах, что душа знавала, была одна беда...» *Перевод А. Щербакова* 210
702. «Огонь, и ветр, вода и прах...» *Перевод Б. Голубева* 210
703. «Зачем прельщаешься обителю в мирах...» *Перевод Н. Кононова* 210
704. «Целовать твою ножку, о веселья царица...» *Перевод Б. Голубева* 210
705. «Коль умен ты, не стань у корысти слугой...» *Перевод И. Кононова* 211
706. «Хочешь тронуть розу — рук иссечь не бойся...» *Перевод А. Щербакова* 211
707. «Душегуб и меня почитал душегубом...» *Перевод А. Щербакова* 211
708. «Мудрец, султан иль ринд — творцу любой известен...» *Перевод Б. Голубева* 211
709. «Тому, кто ощутил, что жизнь сгорела вся...» *Перевод С. Ботвинника* 211
710. «Дел людских постигая безумную суть...» *Перевод Б. Голубева* 214
711. «Разве суетность мира тебе не смешна?...» *Перевод Б. Голубева* 214
712. «Если сана святого ты мечтаешь достичь...» *Перевод Н. Кононова* 214
713. «Будь всемогущ, как маг, проживи сотни лет...» *Перевод Б. Голубева* 214
714. «Никому не познать судеб вещей закон...» *Перевод Б. Голубева* 214
715. «Думал, казий и муфтий мне смогут помочь...» *Перевод А. Кушнера* 214
716. «Отвечало сердце, спрошено о рае...» *Перевод А. Щербакова* 215
717. «Ты славил розу, пил рубин — и цену их узнал...» *Перевод Б. Голубева* 215
718. «Пейте смело, друзья! В час веселых утех...» *Перевод Б. Голубева* 215
719. «Что, несчастный, ты хочешь от этих ослов?...» *Перевод Н. Кононова* 215
720. «Будь мудр, и жалкий путь глупца...» *Перевод Б. Голубева* 216
721. «И цветы луговые увянут, увя...» *Перевод А. Кушнера* 216

722. «Кудри милой от мускуса ночи темней...» *Перевод Б. Голубева* 216
723. «Виночерпий, очнись! Черных ночи знамен...» *Перевод Б. Голубева* 216
724. «Сколько небо с землей будут существовать...» *Перевод А. Кушнера* 216
725. «Веселись, чтоб потом о судьбе не грустить...» *Перевод Б. Голубева* 217
726. «Коль нечестивец чтит Коран...» *Перевод Б. Голубева*. 217
727. «Мы из глины, — сказали мне губы кувшина...» *Перевод Б. Голубева* 217
728. «Завесу над судьбой никто не смог поднять...» *Перевод А. Щербакова* 217
729. «С приходом сияния нового дня...» *Перевод А. Щербакова* 217
730. «Небо, может быть, к нам подобрееет...» *Перевод А. Кушнера* 218
731. «Коль дана тебе сила день чашей встречать...» *Перевод Б. Голубева* 218
732. «На зеленой траве, у проточной воды...» *Перевод А. Кушнера* 218
733. «Долго ль ядом кормить меня будет судьба?...» *Перевод А. Кушнера* 218
734. «Человек что флейта, человек что фляга...» *Перевод А. Щербакова* 218
735. «О небо, ты бездонно! О небо, ты безгранно!...» *Перевод А. Щербакова* 219
736. «Жил ты, бедную душу грехами губя...» *Перевод А. Кушнера* 219
737. «Что ни ночь, сколько на небе шьется рубах...» *Перевод А. Кушнера* 219
738. «Горька наша жизнь, но что толку роптать?...» *Перевод Б. Голубева* 219
739. «Не мучь свое сердце тревожной мечтой...» *Перевод Б. Голубева* 219
740. «Сердце! Пусть хитрецы, сговорясь заодно...» *Перевод А. Кушнера* 220
741. «Когда смерть переступит Хайяма порог...» *Перевод Б. Голубева* 220
742. «Дай коснуться, любимая, прядей густых...» *Перевод Б. Голубева* 220
743. «Ты в игре — королева. Я и сам уж не рад...» *Перевод Б. Голубева* 220
744. «Кто лишь в выпивках успешен?...» *Перевод А. Щербакова* 220
745. «Годов быстротечности я не боюсь...» *Перевод А. Щербакова* 221
746. «Закрыл я двери сердца желанью...» *Перевод А. Щербакова* 221
747. «Мы в месяц строгого поста вино хмельное пьем...» *Перевод Б. Голубева* 221
748. «Может, стоит и следовать разуму...» *Перевод Н. Кононова* 221
749. «Что не стыдишься низкого разврата...» *Перевод С. Ботвинника* 221
750. «Послушай, юноша, что старец произносит...» *Перевод С. Ботвинника* 222

751. «Ты, о смысл мироздания на этой земле...» *Перевод А. Щербакова* 222
752. «Брат, не требуй богатств — их не хватит на всех...» *Перевод Б. Голубева* 222
753. «О кравчий, взор к нам обрати с участием...» *Перевод Б. Голубева* 222
754. «Ты, кого я избрал, всех милей для меня...» *Перевод А. Кушнера* 222
755. «Один всегда постыден труд — превозносить себя...» *Перевод Б. Голубева* 223
756. «Мы из глины с тобой, из воды мы с тобой...» *Перевод А. Кушнера* 223
757. «Чистый лал, кровь лозы, ты из чары испей...» *Перевод Б. Голубева* 223
758. «Если пути тоски разорвать не сумел...» *Перевод Б. Голубева* 223
759. «Пыль дорожная плотником местным была...» *Перевод А. Кушнера* 223
760. «Ни тех, с кем беседой забыться мирскою, нет...» *Перевод А. Щербакова* 224
761. «Возвеличит молва — то вина не твоя...» *Перевод А. Кушнера* 224
762. «Быть обителю вечной мир не хочет для нас...» *Перевод Б. Голубева* 224
763. «И с другом и с врагом ты должен быть хорош...» *Перевод С. Ботвинника* 224
764. «Степь расцветшая раем покажется мне...» *Перевод А. Кушнера* 224
765. «Родник живительный сокрыт в бутоне губ твоих...» *Перевод Б. Голубева* 225
766. «Смерть однажды случится, моя и твоя...» *Перевод А. Кушнера* 225
767. «Из-за того, что не пришло, ты не казни себя...» *Перевод С. Ботвинника* 225
768. «Пока еще клокочет души моей казан...» *Перевод А. Щербакова* 225
769. «В смятении сердце. Какой оно друг?...» *Перевод Б. Голубева* 225
770. «До того, как замрешь на последней меже...» *Перевод А. Кушнера* 226
771. «В том находишь забаву ты только один...» *Перевод Н. Кононова* 226
772. «О роза, с милою моей твой цвет красю схож...» *Перевод Б. Голубева* 226
773. «Куда уйти от пламенных страстей...» *Перевод Н. Кононова* 226
774. «Душой ты безбожник с Писаньем в руке...» *Перевод А. Щербакова* 226
775. «Глоток рубина, и я вновь воспряну...» *Перевод Б. Голубева* 226
776. «Пусть вечен мир, но смертных путь в нем краток...» *Перевод Б. Голубева* 227
777. «Виночерпий, свеча есть, вино и луна!...» *Перевод А. Кушнера* 227
778. «Люблю расплавленный рубин...» *Перевод Б. Голубева* 227

779. «Хочу пурпурного вина, как яда...» *Перевод Б. Голубева* 227
 780. «Настройте чанг, восславим, брат, попойку на заре!...»
Перевод Б. Голубева 227

III

781. «На твое лишь милосердьё уповаем мы...» *Перевод Я. Козловского* 228
 782. «Перед вином главу склоняю сам...» *Перевод Г. Плисецкого* 228
 783. «С моим неверьем лучше не шути...» *Перевод Л. Озерова* 228
 784. «Проходит странно дней земных круговорот...» *Перевод В. Державина* 228
 785. «Вину, что дарит радость нам с тобой...» *Перевод Г. Плисецкого* 229
 786. «К познанию божества прямым путем идущий...» *Перевод Ф. Корша* 229
 787. «Бди ночью: в ночь для тайн любовники все в сборе...» *Перевод Ф. Корша* 229
 788. «Сколько печалей мне волей твоею дано...» *Перевод А. Ревича* 229
 789. «К хорошим людям плохо относиться...» *Перевод Н. Гребнева* 230
 790. «Из глины Адам — первородич народов земли...» *Перевод В. Державина* 230
 791. «Ты жизнь свою на ветер по глупости пустил...» *Перевод Г. Плисецкого* 230
 792. «Коль станешь твердым — как копьё, начнут тебя метать...» *Перевод В. Державина* 230
 793. «Лучатся маки в утренней росе...» *Перевод В. Кафарова* 230
 794. «Доколь мы будем Книгу Жизни рвать...» *Перевод Г. Плисецкого* 230
 795. «Пусть, как огонь, сквозь воздух мы пройдем...» *Перевод В. Державина* 231
 796. «Мы веселы — и день нам не приносит горя...» *Перевод А. Наумова* 231
 797. «Мир — это тело мирозданья, душа которого — господь...» *Перевод Я. Козловского* 231
 798. «Мы выпили так, что алмаз уже красен, как лал...» *Перевод А. Наумова* 231
 799. «Ты, виночерпий, был столь милосерден со мной...» *Перевод А. Ревича* 231
 800. «Коль ты кумир — отныне чтить кумиров буду я...» *Перевод В. Державина* 232
 801. «Считай, что ты изменишь ход планет...» *Перевод Г. Плисецкого* 232
 802. «Под вечным куполом всю жизнь мечась...» *Перевод В. Державина* 232
 803. «О виночерпий! Уже воссияла луна!...» *Перевод А. Ревича* 232
 804. «Любимая в ночи ко мне пришла...» *Перевод В. Державина* 232
 805. «Я ангелом считал ее — луну...» *Перевод В. Державина* 232
 806. «Если игла в целом городе только одна...» *Перевод А. Ревича* 233

807.	«В чем держится душа моя живая?..» <i>Перевод В. Державина</i>	234
808.	«Не мужчина, если пьешь ты только изредка вина...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	234
809.	«Поскольку бесконечен этот мир...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	234
810.	«О виночерпий, восстань и скорее вина мне налей!..» <i>Перевод А. Ревича</i>	233
811.	«Твой дух почуяла душа в струе зефира...» <i>Перевод Ф. Корша</i>	233
812.	«Богат безмерно — не подкупишь смерть...» <i>Перевод В. Кафарова</i>	235
813.	«Ни к другу не зывай, ни к небесам...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	235
814.	«Зачем томишь ты ум в кругу исканий строгом...» <i>Перевод Ф. Корша</i>	235
815.	«Ты муж, коли властвовать в силах собою...» <i>Перевод Ц. Бану</i>	234
816.	«Если в прах ты, судьбою униженный, пал...» <i>Перевод В. Державина</i>	234
817.	«Подай мне кубок — радость бытия...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	234

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Эдвард Фитцджеральд

Рубайят Омара Хайяма. <i>Поэма. Перевод О. Румера</i>	237
---	-----

II

Из ранних переводов Омара Хайяма

1.	«Аллах! Ханже ль тебя доступно понимать?..» <i>Перевод К. Герры</i>	254
2.	«Увы! Мое сердце не знает лекарства...» <i>Перевод К. Герры</i>	254
3.	«Убаюкан тщетною надеждой...» <i>Перевод В. Величко</i>	255
4.	«Кораном в пятницу вино...» <i>Перевод В. Мазуркевича</i>	255
5.	«Нет, в эту жизнь мы войти опоздали...» <i>Перевод К. Герры</i>	255
6.	«Облегчи в бедном сердце мучительный гнет...» <i>Перевод В. Величко</i>	256
7.	«Жалкая страсть человека — подобна собаке цепной...» <i>Перевод В. Величко</i>	256
8.	«Зачем, творец мой, ты меня заставил...» <i>Перевод К. Герры</i>	255
9.	«Открой мне дверь: открыть ее...» <i>Перевод В. Величко</i>	256
Примечания		257
Словарь		278
Указатель первых строк рубаи на языке оригинала		283
К иллюстрациям		295

Омар Хайям

О 57 Рубаи: Пер. с перс.-тадж. / Вступ. ст. З. Н. Ворожейкиной и А. Ш. Шахвердова. Сост. и примеч. А. Ш. Шахвердова. — Л.: Сов. писатель, 1986. — 320 с., 2 л. ил. (Б-ка поэта. Большая серия).

Книга наиболее полно представляет поэтическое творчество выдающегося персидско-таджикского поэта, философа и ученого Омара Хайяма (ок. 1048 — ок. 1123). Здесь впервые обобщается почти столетний опыт передачи хайямовских четверостиший русскими стихами. В основу отбора переводов положено их тщательное сличение с текстом подлинника. Книга включает 80 хайямовских рубаи, никогда не переводившихся на русский язык.

О 4702500100—029
083 (02)—86 431-86

ББК 84 Перс.-тадж. 1

Омар Хайям

РУБАИ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1986, 320 стр.
План выпуска 1986 г. № 431

Художник *В. В. Еремин*
Худож. редактор *А. С. Орлов*
Техн. редакторы *Г. В. Белькова* и *С. Л. Шереметьева*
Корректоры *Е. Я. Лапкин* и *Е. А. Омеляненко*

ИБ № 5159

Сдано в набор 04.10.85. Подписано к печати 21.04.86. Формат 84X108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 17,02. Уч.-изд. л. 14,44. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1423. Цена 1 р. 30 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 173.

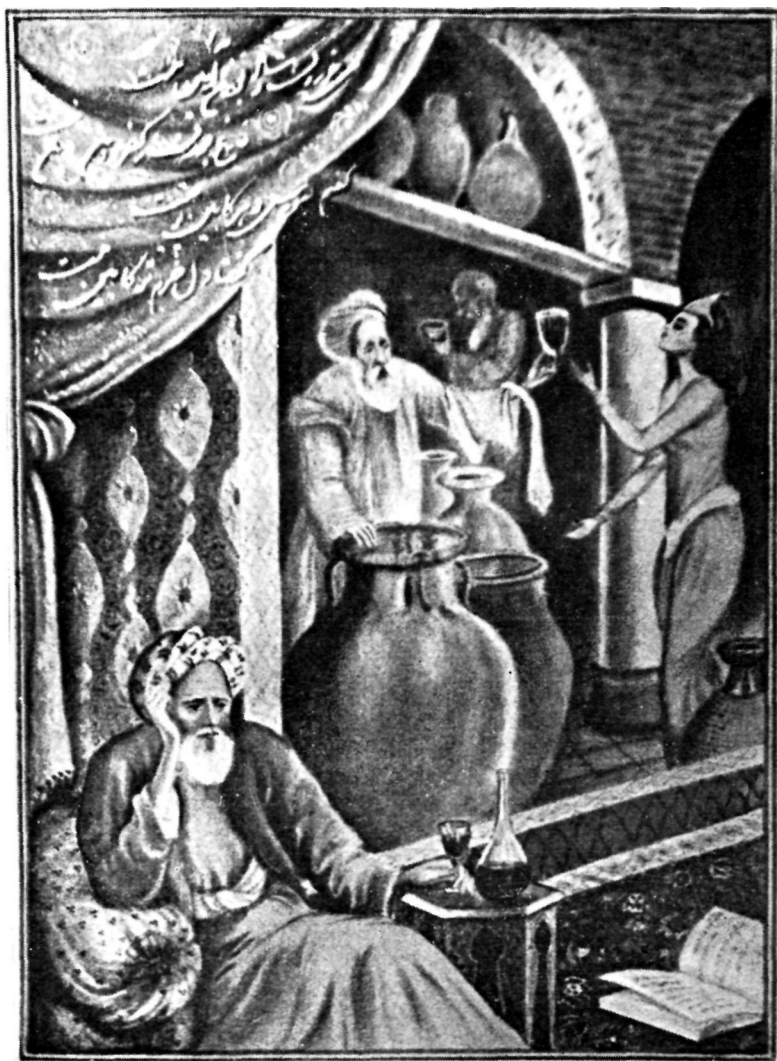
صد توبه نادامت در پی باشد
 در وقت حسنین توبه بروالی باشد

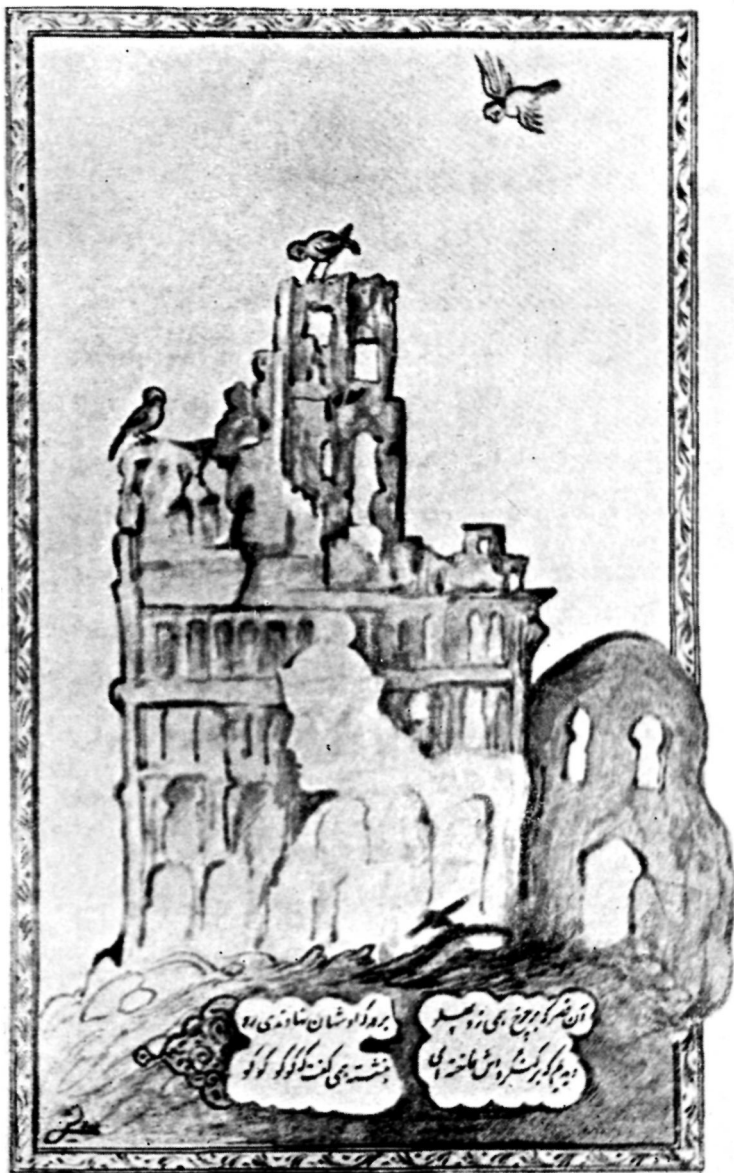
توبه مکن از می اگرست می باشد
 کل جا به دران و بلبلان نغره زان

عقل و خرد و هوش بر آن بکارند
 خاک پدرانست چه می نهند

این کوزه گران که دست دگر دارند
 شست و لکه و طباخچه تا چند نهند

برو که در شان سادگی بود
بشسته بی گن کت که کوه کوه

آن شهر که چون می زده بسپرد
دیو که بر کت در آن مانده ای

۲۰